

Ирина Митрофанова

Фуга

Кто бы мог подумать

16+

Ирина Сергеевна Митрофанова

Фуга. Кто бы мог подумать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29186302

SelfPub; 2020

Аннотация

У бабушки Иоанна семеро детей и появление в семье каждого из них сопряжено с тайной. Вот и Андрей решил узнать подноготную своего прошлого. Только отец не торопится отвечать на вопросы, более того, жестко и требовательно запрещает сыну лезть в это дело. Отказ подстегивает интерес: что такого Андрей может узнать о себе, что родители столь яростно пытаются скрыть? Оказывается и жуткий старик, что ошивается у их дома как-то связан со всей историей. Вместе с братом Андрей бросается разузнать правду, но главная загадка таится в нем самом.

Андрей не любил английский. И он не понимал, почему в школе нужно учить именно английский, такой сухой, безликий язык, а не польский, к примеру. Ломота согласных польского его завораживала, ласкала ухо! Румынский и молдавский тоже хороши. А какие у них имена! Люминита Щербан, Анна-Мария Константин! Или, вот еще, Мариус Возняк – это уже на польском. Не имена, а песня! Но в школе не преподают румынский с польским, словно прячут занятность других языков за ширмой деловой доступности английского. Правда, тут Андрей вспомнил, что в школах бывают еще немецкий и французский, но это никак не меняло того, что он-то вынужден мучиться именно с английским. Однако, помимо изучения языка, у Андрея и другие мотивы сказать:

– Сашка, – так звали старшего брата, – я хочу записаться в кружок английского, который открылся в школе. – Андрей заметил, как Богдан бросил на него лукавый взгляд, но не поддался на провокацию, а тем же тоном продолжил. – Для этого мне нужна копия п-п-паспорта мамы или отца. Где ее можно раздобыть?

Сашка дернул плечом:

– Вот и спроси об этом родителей.

– Ты же знаешь отца, он велит самому разоб-б-браться с этим, – ответил он и направил мысок утюга на складку. Да, Андрей недолюбливал английский, но еще больше он не

любил, когда стрелки на брюках отглажены не идеально! В добавок, рубаха измялась.

– Скоро ты перестанешь дымить утюгом, и так жарко! – огрызнулась на брата Марина.

– Я не ддымил бы им, если бы Лика вчера выгладила мою школьную од-дежду!

– Я выгладила ее вчера и повесила тебе на стул! – отозвалась Лика.

– Богдан все измял, – Андрей сурово взглянул на брата.

– Все было бы цело, если б ты убрал свои брюки в шкаф, – как всегда спокойно ответил Богдан.

– По всему получается, что ты сам виноват, Андрей! – заметила Марина.

– Тебе жарко от того, что Лика тебе волосы на м-м-м-макушке нннатянула! – Андрей нашел ответ, потому что терпеть не мог быть виноватым.

– В самом деле, Лика, – вскрикнула Марина, – что ты там вытворяешь!? У меня аж глаза окосели!

– Я не виновата, что у тебя волосы, как у негритенка! – Лика ловко вильнула расческой, подхватила прядь коротких кудряшек и затянула второй хвостик. От этого Марина стала похожа на румяную недоволтную белку.

Лика взглянула на Сашу:

– Тебе тоже стоит причесаться, – она протянула ему расческу, к которой пристал шоколадного цвета вьющийся волосок. Саша, нехотя, взял ее и несколькими резкими движе-

ниями провел по волосам. У него были темно-русые густые волосы до плеч и искристые серые глаза. Высокий, осанистый, красивый лицом, но излишне худой, так, что казалось в свои двадцать три он еще не перерос подростковую угловатость. Старший сын, опора, надежда и гордость семьи – все это он тщательно воплощал в себе и был дома главным, после отца, разумеется. Одно его слово, зачастую, перевешивало даже мамино мнение! Хотя, это не мешало ему, время от времени, дурачиться с младшими или перекидываться ядовитыми остротами с Ликой. Последнее держалось в секрете!

– Доброе утро, – в столовую ввалилась Женя и плюхнулась на стул. Ее как раз не смущали мятые полочки рубашки.

– Ты так в школу п-п-пойдешь? – изумился Андрей. – Я думал, в этой коричневой рубахе ты возишься в саду!

– Не придирайся, – бросила ему Женя.

– И штаны какие-то мужские, – заметила Лика.

– Лика, отстань! – одернула Женя и потерла заспанное лицо. Они с Ликой были на удивление похожи! Невысокие, светловолосые, с тонкими чертами лица, но это сходство только внешнее – девочки не были между собой близки. Если Лика отличалась веселым нравом, щепетильностью в хозяйстве и любовным вниманием к внешности и нарядам, то Женя, рядом с ней, смотрелась неряхой. Она была себе на уме и любила общаться прямо, без намеков, чем часто отталкивала собеседников.

Андрей хотел было возразить что-то еще, но из коридора

послышался звук тяжелых размеренных шагов и все разом затихли. В столовую вошел отец. Лица поморщилась, заметив, что полы его рясы с тихим шероховатостью волочатся по полу и уже не в первый раз подумала, что неплохо бы подшить ее вечером, чтоб не протерлась.

– Надень портки, Андрей, – зычно пробасил отец и Андрей поспешил одеться. – Евгения, собери волосы! – Женя стала заплетать косу, но не так расторопно.

Отец Иоанн выудил из складок рясы стародревние золотые часы-медальон на цепочке и взглянул на время. Он очень дорожил этими часами, они достались ему от отца, тому – от деда, деду – от прадеда. Прадед, в свое время, получил их в счет уплаты долга. Вот уже больше столетия часы работали исправно! Иоанн каждое утро сурово пристегивал цепочку вглубь складок рясы и убирал медальон за пазуху. Часы были семейным наследием, реликвией! Отец захлопнул крышку, спрятал медальон и покровительственно оглядел детей. Кого-то не хватает. Ах да, Люба! Уже полгода старшая дочь живет с мужем, а он по привычке ищет ее среди остальных. В столовую просеменила мама – матушка Анна – полная деятельная женщина в пышной юбке.

– Что же вы не рассаживаетесь? Садитесь за стол, ребята! – прошептала она. Все поспешили занять свои места. Саша принес из кухни большую кастрюлю и хлеб, Лица принялась раскладывать еду по тарелкам. Завтрак начался.

Завтрак и ужин – вот и все, что объединяло эту семью.

Между ними каждый был предоставлен себе целиком и полностью. Мама днями на пролет была занята интересами волонтерского движения, обустройством центра адаптации бывших наркологических больных, готовила в столовой Бесплатной трапезы, а также хлопотала о множестве общественных организаций, которые у нее хватило выдумки приютить под властной рукой церкви. Сашка работал в столярной мастерской, а вечерами обхаживал многочисленные строения старого монастыря, где мама развернула свою деятельность. Отец занимался собственно делами церкви и прихода. Присмотр за детьми и домом оставался за Ликой, что она выполняла успешно, но не очень усердно, оставляя силы для себя. Андрей, Богдан и Марина были очень благодарны ей за сдержанное внимание, которое Лика проявляла к их персонам. Это было неизмеримо лучше, чем в те времена, когда Люба жила дома! Люба всегда отличалась исполнительностью, вечерами на пролет таскалась за младшими, лезла в их тетрадки и вообще совалась не в свое дело!

Семья была такая большая, что в кухне все не помещались, поэтому по рядом обустроили просторную столовую. Это была вытянутая комната, обшитая деревянными панелями, с окнами во всю стену. В середине стоял овальный стол, рядом – лавка, множество стульев, у двери ютились старые напольные часы и, конечно, иконы! В углу богато обустроен иконостас, венцом которого был старинный образ Архангела Михаила. Вот, пожалуй, и все, что было. Ах да, еще имелась

гладильная доска – больше для нее в доме места не нашлось.

Отец восседал во главе стола. Темно-серо-седые волосы гладко зачесаны назад без пробора и собраны в ровный хвост, пышная борода покоилась на груди. Даже сидя огромный рост позволял отцу возвышаться над детьми исполинской громадиной. Лица черкнула что-то в блокнот, который висел на холодильнике и юркнула в столовую на свое место. Следом за ней Сашка оторвал этот лист, сунул его в карман и тоже уселся за стол, на против отца.

Отец Иоанн провел ладонями по бороде и груди, что говорило о добром расположении духа, и пробасил:

– Яства великолепны!

Андрей не мог с ним не согласиться! Он считал себя покладистым и примерным сыном, но ощущать легкость, радость, торжество Успенского поста – впрочем, как и любого другого – так и не научился. И как бы он ни силился, как не взывал чувства к восторгу, а разум к чистоте, все одно – это была лишь голодовка. Но Андрей ни в жизни бы в этом не признался! В мыслях с ним была согласна и Марина, а Женя, пожалуй, и вслух могла такое сказать! Богдану, скорее всего, было не важно, что есть, он досадовал, что отец не позволял читать за столом.» Ну вот именно поэтому Богдан такой худой и тщедушный – подумал Андрей, – в классе почти все девченки крупнее его!» Впрочем, эта деталь внешности смущала Богдана меньше всего.

– М-можно мне зап-п-писаться в кружок по английско-

му? – спросил Андрей у родителей.

Отец поднял на него удивленный взгляд:

– Чтобы сделать хорошее дело, не обязательно спрашивать разрешение!

– Я спросил, пп-потому что мне нужны будут ваши документы, чтобы заполнить заявление.

– Возьми сам, сынок, – проговорила мама, – но поторопись, они мне понадобятся, я сегодня уезжаю.

Мама то и дело посещала всевозможные встречи и семинары, где учили вести группы больных, общаться с трудными подростками или зависимыми людьми. Уже в зрелом возрасте она нашла себя в общественной работе и помощи нуждающимся – это стало ее страстью! На одной только территории бывшего монастыря она открыла множество организаций. Постепенно работа стала занимать все ее время, отодвинув на второй план дом и церковь. Все чаще матушка уезжала, чтобы поделиться своим опытом или почерпнуть новые знания.

– Куда ты едешь? – спросила Лика.

– Я целую неделю твержу, что отправляюсь на семинар, чем же ты слушаешь!

Тут же в разговор включился отец:

– Тебе следует быть внимательнее к словам родителей, Анжелика!

– Ладно-ладно, я просто спросила!

Андрей торопливо доел и встал из-за стола. Поспешно,

на сколько позволяла астма, он преодолел кухню, спустился по трем ступеням в коридор, прошел мимо закрытых дверей комнат и поднялся по крутой лестнице на второй этаж. Родительская спальня была маленькая, по мимо кровати, в углу стоял платяной шкаф, комод у стены напротив и красивый туалетный столик. Ну и где тут что искать? Вероятно, все же в камоде – заключил Андрей. Он стал заглядывать в ящички и нашел один с бумагами. Андрей покопался в нем, откладывая в сторону не нужные документы – розовые, коричневые, какой-то засаленный газетный листок... Вот и то, что нужно! Андрей хотел убрать все на место, но его внимание привлекла газета. Лист был явно не первой свежести и сложен вчетверо. Мальчик развернул его. Статья посвящена празднику Петра и Февронии, а на фотографии сияющие лица родителей. Про маму с отцом писали в газете!? Андрей отыскал дату – статья семилетней давности. Он пробежал глазами по строчкам: что-то про семейные узы, детей, усыновление, тяжелые судьбы.... С низу послышался гул голосов, Андрей быстро сложил листок и сунул его обратно в ящик. Было не по себе находиться в родительской спальне, словно на какой-то запретной территории, поэтому он живо уложил бумаги на место и двинулся к двери. Остановился... Обернулся... Рванул обратно, выхватил лист, сунул запазуху и поспешил покинуть родительские покои.

В столовой шел оживленный разговор – снова Лика спорила с отцом. Она говорила несдержанно, сердито, отец от-

вечал спокойным басом. Лица с отцом находили поводы для ссор везде – пустая коробка, мелкая лужа, драная калоша – годилось все! Андрей не разобрался о чем шла речь на этот раз, потому что свернул в сашкину комнату сделать копию документов. Саша был помещен на музвке! Вся его комната напичкана музыкальными инструментами, блокнотами, тетрадами, куда он записывал стихи и мелодии. Сашкин друг, Толик работает в театре, и они все время придумывают что-нибудь для постановок и выступлений. По сути, не взирая на громады дел в монастыре, только музыка и заботила Сашку по-настоящему! Он всегда старался разделаться с работой как можно раньше, чтобы побыстрее добраться до своей ненаглядной гитары! Андрей никогда не понимал его страсти извлекать из струн шум и радоваться этому, но, если уж, батюшка Иоанн терпел дома раскаты гитарных рифов, то и остальные должны помалкивать. Андрей подошел к столу, чтобы сделать копии. Со входа не заметно, но, если стоять у стола, в глаза бросался яркий календарь неизвестно-какого-древнего-года: загорелая особа в купальнике томно выходит из моря на фоне пальм и беспечной жизни. А внизу подписано: Натали. Сколько раз отец приходил в неистовство! Сколько раз кипел, распыхивался о грехопадении и требовал снять со стены срамоту в купальнике, но все впустую! Девушка так и красовалась на стене. Сашка даже не оправдывался. Он смиренно выслушивал нотации и просил лишь не трогать Наташу.

Под мерное гудение принтера Андрей отвернулся от календаря и сунул в аппарат газету. Вылезла черно-белая неприметная копия. По коридору с пылающим лицом пронеслась Лика, хлопнула дверь. Если Лика ушла – подумал Андрей, – придется мыть посуду самим.

Перед выходом из дома мальчик придирчиво, но быстро осмотрел себя в зеркало. Андрей обладал классической внешностью греческой статуи : прямой нос, четко очерченные губы, волнистые волосы. Особой красоты в этом не было, зато была некая традиционность. Он еще раз пригладил медно-рыжие завитки и оправил пиджак – идеально! Привычным движением Андрей ощупал ингалятор в кармане.

– Ты принарядился? Мы можем идти? – Марина была уже у двери. Андрей закинул сумку за спину и вышел из дома вслед за ней и за Богданом.

2

Коридор кишел школьниками. Всюду голоса, крики, движение! Казалось, само здание шевелится и елозит, словно беспокойный организм. Андрей нервозно грыз ноготь, стоя у окна. Он мусолил его так долго, что кожа на пальце скукожилась и порозовела. За этим занятием Андрей старался углядеть в толпе своего давнего приятеля Никитку Курицына. Они с Никиткой не виделись все лето, хотя до этого были не разлей вода! Мальчишки подружились еще в начальной школе – сколько же всего интересного произошло за это вре-

мя! Они ночевали друг у друга, пропадали целыми днями на улице, смеялись над учителями, стояли на ушах! Все прошлогодние каникулы Никитка проторчал в Бесплатной трапезе, вместе с Андреем. Они помогали готовить, раздавали еду. Конечно, зачинщиком всегда был Курицын, он выдумывал разные занятия и подбивал Андрея на веселье! И пусть лучший друг не был семи пядей во лбу, а иногда и вовсе проявлял задатки жулика – пусть кинет камень, кто безгрешен! А Андрей был тихоней, он не привык держать камней за пазухой. К тому же, кто станет обращать внимания на такую мелочь, как недостатки, когда жизнь бьет ключом! Никитка был самым главным, самым близким! Даже с Богданом Андрей проводил меньше времени, чем с Курициным. И почему он пропал на всё лето!?

Никитки нигде не было видно, зато от толпы отделилась невысокая девочка, Даша Шестакова. Она славилась тем, что любила по всякому заплетать косы на голове, а также прилежанием и отличными отметками. В классе только Андрей учился лучше Даши.

– Привет, – сказала она Андрею. Тот кивнул в ответ. На Даше было скромное серое платье, вязаная синяя кофточка, застегнутая на верхнюю пуговку, аккуратные блестящие туфли и косичка вокруг головы. Дашка Шестакова, давняя зазноба Курицина! Никитка млеет по ней весь шестой класс, да так и не признался.

– Ты знаешь, во сколько сегодня собрание в художествен-

ной школе? – спросила Дашка. Так вот что ей нужно, а то Андрей гадал, зачем она подошла. Они вместе учились не только в школе, но ещё и в школе искусств, и Дашка прекрасно знала, что у стен монастыря есть доска объявлений.

– В т-т-три часа, я видел объявление, – ответил Андрей.

– Спасибо, – улыбнулась она и вернулась обратно в толпу. Андрей почувствовал боль на кончике пальца и понял, что слишком глубоко вгрызся в ноготь. Привычка грызть ногти была у него с раннего детства, также, как заикание, и астма. И плохое зрение. Андрей поправил на носу очки в металлической оправе и взглянул на Богдана. Тот разговаривал с двумя одноклассницами. Удивительно, подумал Андрей, как ловко он умеет расположить к себе собеседников! Наверное это от того, что замкнутые люди более наблюдательны, поэтому и могут найти подход к любому. А Богдан был замкнутым! Совершенный аскет, он любил проводить время в одиночестве с книгой или за долгими прогулками наедине с собой! При любой возможности он старался улизнуть из дома, чтобы побыть одному, побродить вдоль реки, подумать. Иногда, его было не сыскать, пока он сам не решит выползти на свет божий! Разговаривал он мало. Мог за целый день произнести лишь пару слов и был бы этим очень доволен. Богдан не вступал в споры, не участвовал в жизни класса, не общался с большими компаниями – предпочитал укромные углы. Чтобы ни случилось, он был споен и сдержан; нерушимую твердь его безмятежности не пробивало ничто! Ничто,

кроме невязчивого общения, конечно! И что только люди находят в одиночестве!?

Где же все-таки Курицин? Андрей почувствовал, как стынет выдох в груди и достал ингалятор. Он всегда старался вдыхать лекарство как можно тише, чтобы не привлекать внимания окружающих, не светить астмой. Вдруг, чья-то ладонь хлестко ударила его по затылку.

– Эй! – только и успел крикнуть мальчик, как уже другая ладонь вышибла ингалятор из его рук и тот полетел через коридор, покрутился в воздухе и угодил в руки какому-то лохматому мальчишке. Андрей завертел головой, высматривая, кто дал ему оплеуху, и заметил, как гогочет Максим Аникин – известный балбес. А с ним Никитка!

– Когда это ты успел насолить Курицину? – удивился Богдан.

– Сам не знаю! – недоумевал Андрей.

– Девченки говорят, у нас новенький в классе. Какой-то второгодник.

– Ладно, – безучастно ответил Андрей и отправился вырывать ингалятор.

– Только второгодника нехватало! – ворчал Богдан. – Он наверняка бестолочь!

Андрей усмехнулся. Он знал, как Богдана пугает необходимость знакомится с новыми людьми. Однако, безмятежность брата подавляла все: даже сейчас, его возмущение хоть и было искренно, но достаточно лишь чтобы возразить, а не

чтобы растревожился. Потому что ничто на свете не имело право волновать гладь спокойствия души этого мальчика!

– Еще у нас новая учительница по русскому и литературе. – добавил Богдан.

– Откуда ты знаешь? – бросил через плечо Андрей.

– Девчонки сказали, они все знают!

Андрей силился углядеть этого лохматого парня, как вдруг он сам возник перед Андреем и Богданом, а с ним и их классный руководитель – Татьяна Михайловна, учительница математики.

– О, мальчики! – воскликнула она. Тем временем, лохматый молча протянул Андрею ингалятор, тот взял его и благодарно кивнул в ответ. – Мальчики, познакомьтесь! Это Герасимов Михаил, он будет с вами учиться! Покажите ему, где класс, а я должна идти.

Герасимов был смуглым, широкоплечим и высоким, с открытым прямым взглядом и озорным блеском карих глаз. Лицо украшал нос с горбинкой. На голове кипа взлохмаченных темных волос, которые не мешало бы постричь. В поношенной водолазке и коричневых штанах на ремне, он подозрительно напоминал хулигана. Андрей сразу же отметил, насколько новенький крупнее остальных одноклассников. Еще бы, – промелькнуло у Андрея в голове, – ему же четырнадцать! Небось, он уже бреется! Андрей приятно удивился, когда Герасимов протянул ему ладонь для рукопожатия. Андрей сжал ее и назвался.

– Михаил, – представился Герасимов и расплылся в улыбки с зубами в два ряда. Богдан стоял, скрестив руки на груди, и тарасился в пол, его плечи и локти остро торчали под рубашкой. Настало одно из тех мгновений, которые Богдан избегал изо всех сил – пора взглянуть человеку в глаза.

– Богдан, – представился он и вскинул на Мишку взгляд. Надо отдать Герасимову должное, тот не отшатнулся и не стал делать вид, что ничего не заметил.

– Что у тебя с глазами? – прямо спросил Мишка.

– Такой родился, – не отводя взгляд, ответил Богдан.

– А ты ими что-нибудь видишь?

– Я хорошо вижу, – сухо ответил Богдан. Богдан был невысокий и худой, но не смотря на это, он был красивым мальчиком. Восковую бледность кожи резко оттеняли угольно-черные волосы, брови и ресницы! На лице пунцовой яркостью выделялись губы, но вот глаза... Глаза природа оставила без цвета. Черный зрачек и еле заметная ореола вокруг тускло-белой радужки – это все, что было! Пустота, ничто! Бесконечные терзанья – к чему Господь поскупился на жалкую каплю цвета – беспрестанно изводили Богдана! Он совершенно точно знал, что Андрей не стесняется ни заикания, ни астмы, ни прочих недугов, но сам Богдан так и не смог смириться с мыслью о своем уродстве. А это именно уродство – мальчик был убежден! И эта черта его внешности тяжким грузом лежала на сердце, была его ахилесовой пятой, большой мозолью! Богдан часто ловил себя на том, что если бы

ни глаза, если бы не это отвратительное бесцветье, он был бы целостной личностью; был бы полным, завершенным человеком! Но стоит ему взглянуть в зеркало или встретиться взглядом с незнакомцем, как неловкость и стыд тут же начинают проедать завесу безмятежности и спокойствия за которой он тчательно прячет душу. Богдан никогда не подвергался издевкам, но замечал, что пугает людей! За спиной шептались, ходили небылицы; он слышал, что его прозвали Антихристом! Прекрасный каламбур, учитывая, что его отец – протоиерей единственного храма в городке.

– Какой у нас первый урок? – поинтересовался Мишка.

– Руууский язык. – сказал ему Андрей.

– А как учительница, не очень злобная?

– А вот этого не знаю! – пожал плечами Андрей. – У нас новая учительница, мы ее еще не видели.

– Девчонки говорят – молодая . Лет тридцать с хвостиком. – добавил Богдан.

– Отлично! – Мишкино лицо просияло. – Молодые не так замучены жизнью, а значит добрее!

–Ну, не такая уж молодая, – поморщился Андрей, – все-таки т-т-тридцать!

– В каком классе ты п-п-ппробывал два года? – спросил Андрей, когда мальчики уже направлялись на урок.

– Как раз в седьмом. – ответил Мишка и отточенным движением отбросил волосы с глаз.

– Наверное, тебе будет не очень интересно проходить предметы заново!

Мишка пожал плечами:

– Мне и раньше было не интересно.

Ребята вошли в класс, который уже заполнялся учениками. Богдан сидел за партой с Ритой Калашниковой, полной девочкой с тугой русой косой на затылке. Андрей располагался на следующей парте, обычно с ним соседствовал Никитка, но сейчас Курицин пристроился на другом ряду, вместе с этим прихвостнем Аникиным! Они сидели, склонив головы над новым телефоном Курицина и вполголоса шептались. Андрей уставился на макушку своего бывшего приятеля и размышлял: он не мог припомнить ни ссоры, ни размовки и гадал теперь, откуда в старом друге такая перемена. Тут Никитка поднял голову и их с Андреем взгляды встретились.

– Чего тебе, пижон! – бросил Курицин. Андрей молча отвернулся и сел за парту. В груди поднялась волна негодования, и, чтобы как-то с ней справиться, он отряхнул запылившиеся брюки, расстегнул пиджак, дабы тот не сгрудился на животе и протер очки. Андрей терпеть не мог, когда его называли пижоном и Никитка это хорошо знал!

– Садись со мной, – предложил он Мишке Герасимову – тут место пустует.

Герасимов взгромоздил на парту потертую сумку, выволок учебник и плюхнулся на стул.

– А это что за девченка? – в полголоса спросил Мишка и кивнул в сторону высокой девочки с покрашенными глазами. – Она тоже второгодница?

Андрей мельком взглянул влево от себя, куда указывал Мишка и ответил:

– А, это Кристинка Блаженко. Всегда была акселератом, теперь еще и округлилась!

Мишка нахмурился :

– Что означает это слово?

– Эээ... П-п-п-ппереросток, в общем!

Мальчики еще раз бросили взгляд на Кристинку, которая с безучастным видом жевала жвачку, как вдруг общий гомон утих и раздался звонкий голос:

– Здравствуйте, класс! – в кабинет, стуча каблуками, вошла учительница. Она стремительно сложила на стол книги и проследовала к доске. – Меня зовут Елена Сергеевна, я буду преподавать у вас русский язык и литературу.

Размашестым почерком она написала на доске свое имя и все ребята принялись записывать его на внутренней стороне обложки тетради. Все, кроме Богдана. С первой секунды он понял, что запомнит ее имя без всяких подсказок. Это была красивая молодая женщина в полукруглых очках и светло-зеленом платье до колен. Шокаладного цвета волосы, уложенные на прямой пробор, дугами обрамляли лицо с двух сторон. Она казалась на удивление одухотворенной и подвижной, а в глазах сиял интерес. Богдан замер. Он не

сводил глаз с новой учительницы и успел подумать, что ей очень идет преподавать именно литературу! Она слишком живая, чтоб быть учительницей математике и физике, не такая чепорная для истории и несомненно более грациозная, чем может быть учительница географии. Богдан заметил тоненькие золотистые часики на руке, когда Елена Сергеевна оперлась ей на стол и произнесла:

– А теперь я хочу познакомиться с вами!

И она принялась по списку называть учеников. Богдану стало не по себе, второй раз за день знакомиться с новым человеком – задача не из легких! Он подумал, что может не понравиться этой красивой учительнице, или, того хуже, напугать ее. Тем временем, она назвала фамилию прихвостня Аникина, следом – Блаженко, после поднялся Мишка Герасимов, совсем скоро настала очередь Риты Калашниковой и Курицина. И вот настал их черед.

– Чижев Андрей. – произнесла учительница и тот поднялся.

– Чижев Богдан. – далее прочла она. Богдан встал и поймал ее взгляд своими белыми глазами. Елена Сергеевна и виду не подавала, что удивлена. Вместо этого она спросила: – Вы однофамильцы?

– Нет, – ответил Богдан, – мы братья.

Учительница перевела непонимающий взгляд на Андрея, потом обратно, и чуть нахмурилась. Еще бы! Мальчики были совершенно не похожи. Не было ничего общего между мед-

ными завитками Андрея, его прямым носом, четкими линиями лица и худым черноволосым Богданом, с вишневого цвета губами, которые так сильно подчеркивали бесцветье его глаз. Богдан знал все возможные вопросы на этот счет, и был уверен, что эта чуткая милая учительница не станет их задавать! Чтоб избавить ее от неудобства ситуации, он коротко добавил:

– Мы просто братья.

Она кивнула и стала называть остальные фамилии. В конце концов список завершился и Елена Сергеевна заговорила:

– Сегодня мы не станем писать привычное сочинение на тему "Как я провел лето". Сегодня, – она тихо проходила по рядам, – у нас будет новое сочинение – "Какую книгу я прочел летом"!

Учительница стала записывать тему сочинения на доске, меж тем Герасимов досадливо застонал.

– Ты что? – шепнул Андрей.

– Я ни одной не прочел!

– Напиши о любой другой, которую читал раньше.

Мишка натянуто улыбнулся:

– Тут тоже не все гладко!

– Вы можете высказаться относительно сюжета, – продолжала учительница, – или раскрыть характер понравившегося героя! Вы можете изложить свои мысли о книге в сочинении, не важно, совпадают они с мыслями автора или нет. Это и будет лучшим способом с вами познакомиться. При-

ступайте!

Богдану понравилась тема сочинения. Он улыбнулся, открыл тетрадь, вывел заголовок и тут его рука замирла в нерешительности. И о чем написать? Как показать себя в сочинении? Он прочел много книг летом, без сомнения, больше, чем кто-либо в их классе, но какую выбрать? Елена Сергеевна сказала, что таким образом познакомится с учениками. Нельзя ударить в грязь лицом! Богдан обернулся и взглянул на Андрей. Тот уже строчил что-то своими круглыми завитушками. Рита Калашникова робко вывела несколько предложений. Даже Герасимов начал царапать в тетради. Богдан снова задумался. Наверняка, пол класса будут писать про "Убить пересмешника"! Конечно, он тоже читал ее, но писать об этом не станет. Слишком модно стало читать пересмешника. Слишком модными нынче стали Ли Харпер, Сэллинджер, Булгаков, Есенин! Даже жаль этих писателей – их престижно читать, но понимать не считается важным. Богдан взглянул на учительницу. Нет, пусть лучше эта красивая женщина считает его глупым, чем модным! Он не возьмет для сочинения ни одного из этих авторов.

Богдан порылся в памяти – что там он еще прочитал летом? "Энциклопедия космических тел"... Нет, это врят ли хорошая тема. Будет ли умно взять для сочинения Агату Кристи? Все же детектив... Можно порассуждать о характере Пуаро, это уж точно интересный герой! Но что нового он может сказать о Пуаро. "Энциклопедия..."? А что! Художе-

ственное сочинение на научную тематику, неплохая идея! К тому же, время заканчивается. И Богдан взялся за перо.

3

В столовой витал соблазнительный аромат гречки с овощной подливой, но от самих столов пахло жиром. Андрей внимательно осмотрел лавку, прежде, чем сесть – не хватало еще вляпаться! Тут же к ребятам присоединилась Марина и они с Мишкой вопросительно переглянулись.

– Это Мишка Герасимов, наш новенький. – сказал ей Андрей. Потом обратился к Мишке и добавил: – А это Марина, наша младшая сестра.

Мишка удивленно вскинул брови:

– Так вас трое в семье!

– Нет, – ответил Андрей, – нас семеро.

– Семеро!!! – Мишка не поверил ушам. – И все в школе? –

Он завертел головой, высматривая кого-то, но Андрей его прервал.

–Еще только Женя, она учится в девятом классе. Остальные уже закончили школу.

– Вот это здорово! Я бы тоже хотел иметь целую ораву братьев – было бы весело! Но у меня только двоюродная сестра.

– Вообще-то, у нас только один брат – Сашка, он самый старший из нас. Следом за ним Люба, ей двадцать; Лике почти восемнадцать; Жене п-п-ппятнадцать; нам с Богданом по тринадцать, а Марине двенадцать стукнуло летом.

– Четыре сестры – это тоже, по-своему, весело, – добавил Богдан.

– У нас в классе тоже есть новенький. – сказала Марина. – Глеб Козлов. Три урока прошло, а меня от него уже воротит! Весь дерганый и жуёт волосы вдобавок! Вон он, взгляните.

Марина указала пухлой рукой в сторону, где спиной к ним сидел худощавый мальчик. Он был крайне сутулый, лопатки торчали под разными углами. Мальчик пугливо озирался и посасывал замызганную прядь волос. Зрелище действительно жалкое! Андрею стало стыдно за него! Возникло желание подойти и расправить ему плечи. Этот Глеб Козлов вызывал странное чувство сострадания и брезгливости! Андрей безошибочно угадал в нем неврастеника и невольно закусил ноготь. Вдруг звонкий возглас прервал его мысли:

– Не может быть! – Марина восторженно смотрела на Герасимова, а тот пытался спрятать стыдливую улыбку.

– В чем дело? – поинтересовался Андрей.

– Я дивлюсь тому, за что Мишку выгнали из прежней школы!

– Тебя выгнали? – изумился Богдан.

Мишка кивнул.

– За что? – поинтересовался Андрей. Мишка замялся, но Марина ответила за него:

– Он побил учителя! – на ее лице сияла победоносная улыбка.

– Как, побил? – удивился Андрей.

– Расскажи им! – взмолилась Марина. – Расскажи! Или я все равно расскажу сама!

– Ладно. – Мишка подался вперед. – Был у нас в старой школе учитель географии – очень гадкий мужик! Всегда любил поиздеваться и строил козни ученикам. Любил унижать и рассказывал разные мерзости обо всех. Так вот, однажды, он вызвал меня к доске и задал показать на глобусе какие-то течения. И вот как на зло у меня с течениями не лады! Вышла заминка. Я силился прочесть, что там написано на глобусе, но этот вредный гад уже понял что к чему и принялся распинаться на тему моих умственных возможностей. Говорил, какой я отсталый и тупой! Ясное дело, я стерпел, мы к этому привыкли, а учитель только раззадорился! Болтал, что такие, как я, вообще школу не заканчивают, что последний я кретин, ну и слово за слово, добрался до моей семьи. Вскоре я понял, что он собирается выболтать кое-что обо мне, один очень важный секрет, который мне бы хотелось оставить при себе! Я встрепенулся, стал его упрашивать, чтоб он замолчал, но гад только и ждал этого! Как понял, что нащупал мое больное место, так глазенки сразу загорелись, заулыбался и еще пуще заболтал! Он подбирался в плотную к тайне, я почувствовал, что еще мгновение и он ее выдаст! Я просил его прекратить, но шиш там! И едва только он произнес первые слова моей тайны, как я взял и врезал ему глобусом прямо в лоб! Он упал, но заткнулся. Вскоре началось великое разбирательство, все удивлялись – почему я так поступил! А этот

гад еще кричал, что я сзади на него напал, требовал, чтоб меня в полицию сдали. Но шишка-то у него спереди, так что тут ему не поверили. Но побить учителя дело нешуточное, в школе такое просто так не забывается. Мне дали последний шанс и заявлять никуда не стали. Велели подыскать другую школу. И только из-за жалости к моей бабушке великодушно разрешили доучиться до конца года. Но мне было стыдно там появляться и я прогулял всю последнюю четверть! Потом бабушка с дедом меня забрали из города и привезли сюда, к себе. Вот так я и оказался вашей школе и снова в седьмом классе.

– А откуда учитель географии мог знать твою тайну? – удивился Богдан.

Мишка вздохнул:

– Все учителя ее знали. Они может и не думали, что это тайна, но и болтать о ней не следовало.

– То есть, ты живешь с бабушкой и дедом? – спросил Андрей.

– Да.

– А где же твои родители?

Мишка опустил взгляд:

– Они эээ... Уехали. Они изучают горные породы на севере.

– Они геологи!? – округлил глаза Андрей.

– Ну, в общем... А ваши чем занимаются?

– Наш отец церковный батюшка.

Мишка от удивления открыл рот .

– Я думал, дети священников не учатся в школе!

– А г-г-где же нам еще учиться!?! – в свою очередь удивился Андрей.

– Дома или в воскресной школе. Я думал, церковники до того строгие, что никуда не пускают своих детей!

Ребята усмехнулись :

– Ну ты даешь! Отец, конечно, очень строгий, но не так, чтоб держать нас под замком! – разъяснила Марина. – Он все твердит, что нам положено уметь находить с людьми общий язык, чтобы в будущем наставлять их. А как это сделать, если не видеть ни людей , ни белого света!

– Так значит, вам тоже предстоит стать батюшками, когда повзрослеете?

Андрей рассмеялся:

– Нам совершенно не обязательно становиться батюшками! И откуда только ты этого понабрался!?

– Я так думал! – с жаром ответил Мишка. – Батюшкины дети растут и учатся не так, как все остальные, а потом тоже становятся батюшками. По наследству!

– Ты смешал церковь и п-п-ппрестолонаследие!

Мишка ненадолго задумался. Какое-то время было слышно только гул столовой и то, как Марина уплетает обед.

– Моя бабушка все время ходит в церковь. – наконец сказал Мишка. – Она и меня туда пытается затащить, но я – ни в какую!

– Почему же? – удивился Андрей

– Я все думал, что нечего мне там делать. – ответил Мишка. – И еще я не умею молиться.

– П-приходи! А молитва – дело не хитрое. – Андрей подался поближе к Мишке и в полголоса добавил. – В крайнем случае, и своими словами можно. К тому же в церковь ходят не молиться, а за духовным обогащением.

Но Мишкин взгляд был полон сомнений. Вдруг, за их спинами раздался голос:

– О, Пижон! Ты спелся с уголовником, не ожидал от тебя! – это был Никитка, и Прихвостень с ним. Андрей не удостоил их даже взгляда.

– Ты что-то хотел, Курицин? – спросил он, сложив руки на груди.

– Я хотел отметить твой костюмчик. Он чудесный, как у принцессы!

– Угу, я оценил, – буркнул Андрей.

– А подливку оценил? – выпалил Никитка и попытался и сунуть Андрею за шиворот измазанный палец.

– Убери оглобли, или огребешь! – рявкнул Мишка.

– Не выступай, новенький! – толкнул его в плечо Прихвостень. – Что ты можешь сделать!? Ты должен сидеть и не высовываться, тебе полшага до цугундера!

Мишка через силу смолчал.

– Шли бы вы отсюда! – поднялся Богдан и вперил тяжелый взгляд в Курицина. Тому стало жутко от этих белесых глаз,

но он не потерял лицо, а с триумфом удалился.

– О чем это болтал Прихвостень? – спросил Богдан.

Мишка опустил взгляд:

– После всей этой истории с глобусом, меня чуть не сдали в детскую комнату милиции! Теперь любая провинность, и я уже там! Я бабушке обещал, что никуда ввязываться не стану. Откуда он знает?

– Он сын н-нашей классной руководительницы, – пояснил Андрей.

– Выходит, ему все про меня известно! – Мишка досадливо сморщился. – Вот мерзотный тип! Гнида! Черт!

На последнем слове Марина вздрогнула и прижала палец к губам:

– Не выражайся!

– Какой у нас дальше урок?

– История. – сказал ему Андрей.

Мишка простонал:

– Кто же ставит в первый день историю!

– Это хороший предмет! – возразил Андрей.

– А как учитель?

– Юлия Борисовна, ведет у нас английский и историю, – уклончиво ответил Андрей.

– Смелее, Андрей! – улыбнулась Марина. – Все знают, что ты влюблен в нее по уши!

– Хе-хе, это правда? – зубоскалил Мишка.

– Она интересная женщина! – Андрей отвел взгляд, и на

его щеках заиграл чуть заметный румянец. Мишка с Мариной весело загоготали.

– Ладно, встретимся после уроков. – Марина отнесла тарелку и бодро направилась вон из столовой. Но, проходя мимо Глеба Козлова девочка замедлила шаг и успела разглядеть, как он жадно зачмокивал влажную прядь. И – ей Богу, не ясно как это получилось – рука сама взлетела в вверх и отвесила Козлову славный подзатыльник! Его голова дернулась и волосы выскользнули изо рта. Марина пошла дальше.

3

– Что-то твоя зазноба опаздывает! – Мишка посмотрел на часы с ехидной улыбкой. Звонок прозвучал несколько минут назад, а учителя все еще не было в классе.

– Женщине не возбраняется немного задержаться! – прошептал ему Андрей.

– Она не явится вовремя на урок, если не успела пообедать или выкурить сигарету, – сказала Рита Калашникова.

Тут дверь распахнулась и в класс вплыла женщина в пестром широком свитере и обтягивающих брюках. Трудно было определить ее возраст, ей могло быть, как тридцать, так и пятьдесят, а все из-за усталого взгляда и измученного выражения лица. Косметикой она не пользовалась и ничто не скрывали теней и морщинок у глаз. Темные волосы небрежно падали на лоб и плечи. Учительница неторопливо осмотрела детей и взгляд ее стал еще более тусклым.

Мишка не мог скрыть удивления в голосе:

– Я ожидал большего! – шепнул он. Андрей сделал вид, что не слышит.

– Сегодня у нас история. – начала учительница. – Кто-нибудь помнит, что мы проходили по истории в прошлом году?

Андрей вытянул руку, но Юлия Борисовна не обратила внимания, поэтому он вытянул руку сильнее!

– Значит, никто, кроме Чижова, не помнит! – заключила она. – Тем хуже для вас, ведь у нас предусмотрена контрольная работа на определение остаточных знаний.

Ученики все разом издали недовольный стон и забрюзжали.

– Ладно-ладно! – проворчала учительница, усаживаясь за стол. – Поступим вот как: если Чижов выиграет меня в карты, оставшееся время урока тратим на повторение. – она достала колоду из ящика стола. – Если проиграет – пишем контрольную как есть. – Андрей застыл на месте, и не только он! Герасимов остолбенел от удивления – учителя такое не вытворяют! Однако, учительница была настроена весьма решительно, она уже освобождала место для поединка на своем столе.

– Не выношу играть в дурака! – простонал Андрей.

– Не медли, Чижов! – возмутилась Юлия Борисовна. – Ты заставляешь меня ждать!

Мишка толкнул Андрея локтем, чтобы тот пошевеливался и шепнул:

– Не оплошай!

Андрей неторопливо поплелся к учительскому столу.

– Юлия Борисовна! – выкрикнул Курицин. – Чижов олух, он всех нас подведет! Давайте лучше я с вами сыграю!

– Ты забыл правила, Курицин!? Ни каких громких звуков на моем уроке!

– П-п-помолчи, Курица! Мешаешь вести урок, – вполголоса бросил Андрей. Затем он сел напротив учительницы и перетасовал колоду.

Богдан откинулся на спинку стула и ровным шепотом объявил Мишке:

– Мы обречены. Андрей играет очень скверно.

– Как можно скверно играть в дурака? – удивился Мишка.

– Нам строжайше запрещено даже прикасаться к картам! – пояснил Богдан.

– В этой школе все учителя такие? – спросил его Мишка

– Нет, конечно! – ответил он. – Но у нас маленький город, хороших учителей не найти. Так что разных личностей хватает. В карты играет только она, хотя, я слышал, учитель физики любит шахматы.

Андрей не умел играть в дурака. Он не следил за игрой, не запоминал масти и вылетевшие карты, не берег козырей, а, главное, даже не догадывался, что это можно сделать! То, что он продует, было очевидно еще до начала игры. И, конечно, мальчику это было хорошо известно. Однако, Андрей старался протянуть время. Усиленно делал вид, будто разду-

мывает над ходами и нарочито медленно совершал все движения. Он уже раздумывал, как бы уговорить Юлию Борисовну на вторую партию! Надо будет говорить тихо и быстро, а главное, убедительно. Это значит, не заикаться. С этим может выйти загвоздка, но надо постараться. Только бы не попасть у нее в немилость! Проще говоря, Андрей надеялся, что от урока останется так мало времени, что не хватит на контрольную работу. Сам он был уверен, что справиться с контрольной, а вот другие вряд ли напишут ее хорошо, и не важно, что эта работа предусмотрена учебной программой и неизбежна, все равно, ребята будут считать, что Андрей в ней виноват!

– Ха, ты снова продул, Чижов! – усмехнулась Юлия Борисовна.

– Я требую реванша!

– Ты ещё не дорос, что-то у меня требовать. Отправляйся на свое место.

– Юлия Б-борисовна,...

– Не докучай мне, Чижов!

Андрей успел взглянуть на часы, пока шел за парту. Похоже, его план сработал – осталось всего двадцать минут. Учительница тоже это заметила. Остальная часть урока прошла тихо. Прямо перед звонком, Юлия Борисовна подняла над головой стопку бумаги:

– Кто хочет записаться в кружок английского, вот анкеты, – сказала она, – желающие могут подойти и заполнить.

Андрей взял анкету и стал заполнять ее своим почерком с круглыми завитками. Рядом примостилась Даша Шестакова. Больше никто из ребят не пожелал посещать кружок английского языка. Правда, Курицын тоже крутился рядом. Он взял анкету, почитал, повертел в руках. Потом бросил ее обратно в стопку, буркнул: "Тьфу ты!" – и вышел прочь.

4

Иногда воздух бывает такой густой и прохладный, что, кажется, его можно пить. Сейчас он был именно таким. Богдан почувствовал это, когда подул ветерок – по коже пробежали мурашки, словно от студеного ручья, но ощущение было приятным. Кленовая аллея, что ведет к стенам монастыря, пожелтела. Иные деревья стояли с красными подпалинами или огненно-оранжевыми боками, кое-где краски так перемежались между собой, создавали такие оттенки и полутона, что нельзя было точно назвать цвет или разглядеть, где заканчивается один и начинается другой. Где-то были все краски разом, а вот одно дерево стояло совершенно желтое. Цвет был ровный, глубокий, желтый без вкраплений и пятнышек. Богдан любил наблюдать за этим кленом, выжидая моменты, когда же все-таки оно приобретет другие краски, но листья так и падали на землю без тени багрянца, оставаясь желтыми во всем своем совершенстве! Маленький каприз природы! Ветер играл в кронах деревьев, а солнце меж листов сверкало и искрилось, как на рябой поверхности во-

ды. Осень еще не вошла в свою силу, но здесь, на кленовой аллее, уже чувствовался ее пряный аромат. Богдану нравилось прогуливаться по этой дорожке и наслаждаться величавостью природы, углубляясь в свои мысли и раздумья. Но, разумеется, он любил делать это один, а не в присутствии еще трех друзей, которые без умолку трещат о своем!

– Мы идем в церковь? – поразился Мишка. – Я думал, мы идем к вам домой!

– Так и есть. Мы тут живем.

– В церкви!?

– Да нет же! Это не церковь, а старый монастырь! Мы живем там всей семьей. Отец ппп-переделал старое строение – там где раньше были кухни, сто-столовые и кладовые, теперь это наш дом.

– А как же монахи? – не унимался Мишка.

– Монахи не живут здесь давно! – пояснила Марина. – Их выгнали, а монастырь хотели разрушить, но не добились – слишком большая громадина. Потом он стоял заброшенный, а после храм решили восстановить. Когда отца направили сюда служить, он много чего тут отремонтировал и придумал, чтоб мы жили тут же. Чем ближе к храму, тем лучше!

– Никогда о таком не слышал! – подивился Мишка.

– Это п-п-потому что ты не местный. – объяснил Андрей. – В нашем городе все давно п-привыкли, что мы живем в старом монастыре. Только отец запрещает ходить через главные ворота – они для прихожан – мы ходим через

боковые.

Ребята вошли на территорию монастыря и перед ними раскинулся красивый сад, по которому были разбросаны каменные строения. По левую сторону массивной глыбой высился храм. Его венчал большой черный купол с сияющим золотым крестом. Дальше храма выглядывала резная колокольня, а сзади к ней примыкал деревянный флигель, который перетекал в продолговатую каменную постройку. Вдоль стены тянулись приземистые домики с полуподвальными этажами, такие, где окна выходят прямо из земли.

– Да у вас тут целый город! – изумился Мишка. Над дорожкой раскинула листву большая яблоня. Тут и там по саду были разбросаны кустики шиповника, жасмина, акации, сирени и еще Бог знает чего! Ближе к храму тянулись вереницы свечек рябины и туи. А в углу, с правой стороны от ворот, корячился старый полусухой каштан. Его рваная тень окутывала низкое дряхлое здание с заколоченными окнами. Это зрелище совершенно не вписывалось в живую благодать монастырского сада.

– Это медвежий угол. – пояснила Марина, указывая на жалкий домишко и каштан. – Строение такое ветхое, что его уже не восстановить.

Мишка огляделся на месте и его внимание привлекла табличка у ворот, она гласила: " Все ворота и двери запираются в 22.00".

– О чем тут говорится?

– Это для людей, которые живут тут.

– Но вы же сказали, что здесь нет монахов! Тогда о каких же людях речь? – не понимал Мишка.

– Эээ, как бы объяснить... – Андрей собрался с мыслями. – Наша мама очень д-деятельная женщина. Она организовала группы психологической помощи для смертельно больных людей. А также собрания анонимных алкоголиков и бывших наркозависимых. Так вот, п-п-психолог, который тут работает – очень неп-неприятная женщина, надо сказать, но маме она нравится – п-психолог решила, что излечившиеся наркологические больные (нам нельзя называть их алкоголиками и наркоманами), не могут оставить свой недуг в п-п-привычной для них среде обитания. П-проще говоря, после больницы они оп-пять возвращаются к своим друзьям и к п-п-пппр... обычному для них образу жизни. Этим людям рекомендуется сменить обстановку и стараться не видаться с п-п-прежними знакомыми, зажить п-поновому, короче говоря. Но не у всех есть такая возможность, вот мама сообразила устроить тут общежитие для выздоравливающих. На п-п-пппервое время, п-покуда они встают на ноги.

– Целое общежитие!?! – округлил глаза Мишка.

– Оно совсем крохотное! У нас маленький г-город и не так много людей в нем нуждаются. Это напоминание у ворот для них. Сашка запирает все замки ровно в десять вечера. А вот и оно! – Андрей указал на постройку, что тянулась вдоль монастырской стены. У входа в общежитие было просторное

крыльцо на котором сидел мордастый кот Парфен, а само здание выкрашены в неяркий розовый цвет. По соседству с ним располагалось такое же строение, но краска на нем была более старая и кое-где уже успела облупиться.

– А тут конторки волонтеров и Зеленого города.– сказал Андрей глядя на второй корпус. И пояснил, не дожидаясь пока Мишка забросает его вопросами. – Зеленый город – это клуб озеленителей, там по большей части п-п-пеее... старики, вобщем! Это они тут все засадили. Они п-пприближаются в па-паарке, в пр-пруду, выдумывают клумбы и еще много чего. Или п-п-просто приходят и беседуют о своем. А волонтеры, сам п-понимаешь, п-п-посещают стариков или устраивают п-п-ппраздники в детском доме. Если хочешь ты тоже можешь стать волонтером!

– Я!?

– Да, а что?

Мишка замялся:

– Гм, почему бы и нет! Но я не знаю, что надо делать.

– Там тебе объяснят. У нас все старшие сестры навещают стариков. Сашка тоже раньше ходил, но теперь он безвылазно ремонтирует монастырь или бренчит на гитаре. – сказала Марина. – Богдан собирается в скором времени навестить престарелую пару!

Все разом взглянули на Богдана. Тот ответил, по обыкновению, устремив взгляд в землю:

– Я собираюсь сходить к старикам с сашкиным другом,

ему нужно помочь в одном деле. – Богдан посмотрел вперед и заметил странного человека на дорожке. – Вот он идет!

Мишка взглянул на человека и замер от удивления. Он такого еще не видел! Это был молодой темноволосый юноша в очках с толстыми стеклами, но, главное, у него был горб. Натуральный костяной горб выпячивался из-за левого плеча! Мало того, юноша был сильно скрючен вправо! Его туловище выписывало неестественную дугу, сгибаясь, сгибаясь, под тяжестью горба. От этого, походка была неказистой и дерганой, а руки выглядели слишком большими. Казалось, что одна нога у него длинее, а другая толще. Мишка глазел с открытым ртом, пока вдруг не догадался деликатно отвести взгляд. Он хотел было опустить глаза, но куда там! Взор его был крепко прикован к горбуну. Меж тем, молодой человек подошел вплотную и Богдан проговорил:

– Это Марат – наш друг . Он часто у нас бывает. Юноша улыбнулся светлой улыбкой и поздоровался. Он заметил, что Мишка пялится, но и бровью не повел. Герасимов представился. Марат перекинулся несколькими фразами с Богданом и пошел дальше к воротам монастыря.

– Да у него же горб! – изумился Мишка, когда ребята отошли чуть дальше. – Как же так? Откуда? Горбы бывают в старости. Дед говорит, они растут от бремени грехов! А этот парень совсем молодой.

– Он болен, – сообщил Андрей, – что-то с ним с детства не в п-п-по-порядке. И я думаю, все же, горбы растут не от

бремени грехов!

– Зато это самый добрый человек на свете! – добавил Богдан.

– Откуда вы его знаете? – спросил Мишка

– Марат – хороший друг нашего Сашки. Они все время вместе. Еще у Сашки есть Толик, он работает в театре – вот уж лопух! – сказал Андрей и все, кроме Мишки, согласно закивали. – А Марат замечательный. Кроме того, он в-в-во-волонтер.

– Но он выглядит так, будто ему самому нужен волонтер! – продолжал Мишка. Андрей лишь пожал плечами в ответ. – А как же он будет дальше жить? Что с ним сделается с возрастом?

Повисло молчание, спустя пару мгновений, Богдан произнес:

– Мишка, с такими болезнями долго не живут.

Герасимов притих и ребята в тишине пошли по дорожке, которая огибала храм сзади. Небо было голубым, солнце светило ярко, природа пестрела цветами и светом! Золотой крест ловил лучи и преумножал солнечное сияние во сто крат. Под таким светом не хотелось думать о плохом, о чьей-то болезни или скорой кончине. Солнце всегда было способно рождать свет не только вокруг себя, но и внутри людей и этому необходимо поддаваться, потому что темные мысли и так лезут в голову когда придется.

– А здесь, во флигеле, у отца кабинет. Там он занимается

делами храма. А это – п-п-павильон Бесплатной трапезы. – Андрей говорил о вытянутом строении, что вело от часовни. – Каждый день в одиннадцать часов утра тут подают обед для бедных и бродяг.

Мишка вскинул брови:

– Бродяг? Ты хочешь сказать, для бомжей?

– Н-ну, вообще да. – Андрей немного смутился. – Мы тоже там помогаем по выходным и в каникулы. Здесь большущая кухня и ппп-пр-просторная столовая.

– Вы готовите еду? – не поверил ушам Мишка.

– Еду готовят волонтеры. А мы просто помогаем – раскладываем по тарелкам, раздаем, прибираем. Много чего, короче говоря. – пояснила Марина.

– У вас тут очень людно. Разве можно, чтобы на территории церкви было так много организаций?

Ребята дружно пожали плечами:

– Наверное можно, раз отец разрешает.

Дорожка вильнула за длинное строение Бесплатной трапезы и повела в другую часть монастырского сада. Этот угол было не видно от боковых ворот, в которые вошли ребята, потому что его скрывал храм. Теперь же Мишка мог увидеть аккуратный домик, все такой же, как прочие постройки монастыря, но более ухоженный. По бокам от него отходил невысокий реденький забор, а позади возвышались пушистые плодовые деревья.

– Вот мы и п-ппришли. – проговорил Андрей, поднима-

ясь на крыльцо. – Там у нас огород, – он показал за забор, – п-пррр-пришлось его оградить, п-потому что, как ты заметил, тут людно.

5

Андрей повесил пиджак на плечики и отправился попить водички. Из-за лекарства от астмы сильно сохло во рту.

– Научись контролировать неумемные приступы человеколюбия! – Саша говорил сурово, почти кричал, так, что еще из коридора стало ясно что на кухне разгорается спор. Бархатный женский голос что-то промурлыкал в ответ. Люба, догадался Андрей. Что ж, начало захватывающее! Он преодолел три каменные ступени и открыл дверь на кухню. Все верно, Люба сидела за маленьким столом, запустив руку в короткие тёмные волосы. Кажется, спор длился уже давно, от чего на лице сестры появился румянец, а губы стали еще более алыми, чем обычно.

– Он больной человек и нуждается в помощи, – уверяла она Сашу.

– Нет! – настойчиво ответил тот. – Это лишь твои выдумки! С какой стати ты суешься туда? Чтобы потешить любопытство!?

– Все совсем не так. – терпеливо твердила Люба. – Дядя Василий знаком с ним и говорит, что этот человек очень болен. Иногда он по несколько дней не встает с кровати. Саша, пойми! У него никого нет, мы обязаны помочь! Он старый.

Он слаб!

– Ты совсем сдурела, Люба! Он убийца!

Андрей вскинул брови. Он знал в городке лишь одного человека с такой жуткой репутацией. И, хотелось бы, чтоб речь шла не о нем!

– Он отмотал срок за убийство двух человек! – продолжал Сашка. – Поговаривают, он пытался убить ребенка, когда только перебрался сюда!

– Поговаривают! Ты сам-то себя слышишь!?! – усмехнулась Люба. – С каких пор ты веришь в сплетни?

– С тех пор, как ты решила сунуться к нему в логово!

– Не логово, а дом, Саша! Не делай из него зверя!

– Он сам из себя сделал зверя, я тут не причем! – Саша выходил из себя все сильнее. – Не могу понять, зачем тебе это нужно? Это же чистой воды сумасбродство!

– Последи за языком! – вскипела Люба.

– Я опасаясь за тебя! – продолжал Саша. – Удивительно, почему ты сама за себя не боишься!?

Люба устало вздохнула и поправила волосы:

– Не мы ли должны верить в раскаяние и искупление грехов?! Не мы ли должны помогать тем, кто оступился?! Он болен и стар, а общество от него отвернулось. Он противен людям, однако, он тоже человек! Неужели ты думаешь, я могу пройти мимо?!

– Люба! – Теперь Саша взмолился. – Люба, может ты устроишься на работу?

Люба удивленно вскинула брови:

– Артем не хочет, чтобы я работала.

– Тогда, пойдй учиться или роди ребенка. Займись чем-нибудь!

– Я волонтер! – вспыхнула Люба. – Я целыми днями обхаживаю больных и нуждающихся! Пусть за это не платят, однако – это то, чем я должна заниматься!

– Но этот человек опасен!

– Это домыслы! – парировала Люба.

– Он сидел в тюрьме – это правда! – настаивал Саша.

– Пусть даже так, это в прошлом. Сейчас он старик! Откуда в тебе такая черствость!

– Не так уж он и стар! Я видел его на прошлой недели в церкви.

– Вот именно, Саша! В церкви! Он ходит в церковь и он знаком с отцом.

– Вот и поговори об этом с отцом, – продолжал гнуть свое Сашка, – я уверен, он будет против твоих благих посещений!

На лице у Любы мелькнула победоносная улыбка:

– Отец не против.

– Что? Как?

– Вот так! Он верит этому человеку и не считает его зверем, в отличие от тебя. Он поддерживает мою идею.

Саша хотел что-то добавить, но слова застряли в горле. Люба воспользовалась паузой чтобы уйти. Она скользнула к двери, потрепав Андрея по волосам. Не выносимо! Андрей

пригладил медные волнушки обратно.

– О чем это вы спорите? – поспешил спросить он, пока Люба не успела уйти далеко.

– Наша сестра хочет навещаться в гости к Лодочнику. – заявил Сашка.

– Его зовут Сергей Вячеславович, – промурлыкала Люба из коридора.

Именно этого Андрей и боялся! Лодочник! Жуткий тип с бугристым шрамом под правым глазом. Он работает смотрителем на лодочной станции и живет там же в крохотной сторожке. И летом и зимой ходит в протертой куртке-штормовке с карманами, и только Богу известно, что он в них прячет! Нелюдимый и мрачный, любит бродить по лесам со своей собакой. А как-то раз, Лодочник пришел в церковь, и Андрей слышал, как того пробрал рвущий кашель! Есть люди, чья внешность обманчива, так вот его – не обманчива вовсе! Именно так и должен выглядеть убийца! Говорят, он сидел в тюрьме за то, что убил двоих! И давным-давно была ещё какая-то отвратительная история с ребенком. Поверить не возможно, что такой человек живет в их городке и ходит по тем же улицам, что и остальные! Андрея передернулся от этих мыслей. Он был согласен с братом, Любе не стоит соваться к Лодочнику. Нужно обсудить услышанное с Богданом!

Андрей все ещё витал в своих мыслях, когда вошел в ком-

нату, но его выдернул оттуда звонкий смех. Марина и Мишка сидели на кровати и над чем-то хохотали. Богдан скромно пристроился на стуле за письменным столом.

– У вас тут двухъярусная кровать! – с восторгом заявил Мишка. – Кто спит наверху?

– Богдан, – ответил Андрей устраиваясь на другой стул.

– Все же занятно, – прищурился Герасимов, – почему вы оба в одном классе? Я слышал, бывают близнецы, которые совсем не похожи друг на друга.

– Они называются разнояйцовые, но это не мы. – ответил Андрей. – Нам по тринадцать лет, но я на три месяца младше.

– Тогда, как же так? – совершенно недоумевал Мишка.

– П-п-по всей в-видимости, кто-то из нас.... О! – Андрей вскочил со стула и, сунувшись в шкаф, стал рыться в карманах пиджака. Он выудил свернутый вчетверо листок, поднял его над головой и восторженно вскрикнул: – Вот что что я сегодня нашел у родителей!

– Ты копался в их вещах! – возмутилась Марина.

– Да, когда искал мамин ппа-паспорт. Это какая-то г-газетная вырезка, я не успел толком п-п-прочитать ее утром, но здесь фотография родителей и написано что-то о них! – Андрей поднял взгляд и с добавил. – И о нас!

– Читай вслух! – сказала Марина.

Андрей в полоборота пристроился на стул и начал:

– "В преддверьи светлого праздника, Дня семьи, любви и

верности, ... " так, тут об истории п-праздника... о святых.... Вот! "...Мы хотим поведать об одной замечательной, большой семье. Вы, наверняка, уже что-то знаете о ней, ведь в нашем маленьком городе все обо всех кое-что знают! Это семья п-п-ппрротоиерея храма Архангела Михаила батюшки Иоанна и его жены матушки Анны. А уникальность их семьи в детях ! Они взяли к себе и воспитывают в атмосфере любви и заботы детей с тяжелым прр-р-прошлым. Тех, кому безжалостная судьба нанесла незаживающие травмы уже в самом начале жизни! Так, один из малышей рр-р-родился намного раньше срока и был очень слаб, родители отказались от него прямо в роддоме. Другой стал свидетелем страшных и трагических событий, которые п-произошли в его родной семье, и вследствие которых он осиротел. Родителей еще одного покончили с собой, оставив на пппроизвол судьбы свое чадо. Среди усыновленных детей так же младенец, которого в шестидневном возрасте по-по-ппподобрали в лесу с гипотермией и сорванными голосовыми связками. А один из детей был найден, идущим вдоль федеральной трассы. Откуда он шел и куда направлялся, а так же, кто оставил его на дороге и где его мама, выяснить не удалось.

Отец Иоанн отказался глубже комментировать эти случаи, а, пользуясь случаем, п-призвал людей быть решительнее в благодеяниях и не стыдиться своих добрых намерений.... " – Андрей пробежал взглядом по хвостику статьи. – Дальше – ничего! Отец как всегда был немногословен. – он поднял

взволнованный взгляд от вырезки. – Вы ппп-понимаете, что это значит!? П-п-понимаете, о чем речь!? Богдан!

– Я понимаю, – Богдан откинулся на стуле и сложил руки на жтвоте.

– Нет, не по-понимаешь! Иначе ты не был бы т-т-так спокоен! Мы все усыновленные!

Богдан покивал головой :

– Неужели ты раньше не догадывался? Как же тогда нам обоим может быть по тринадцать с разницей в несколько месяцев!

– Я думал об этом, но... – Андрей , не мог подобрать слова. – Но не так! – он махнул вырезкой. – Я п-п-полагал, что только ты или я, но не все же! И точно не с т-т-тттакой п-ппредысторией! Это все меняет.

– Это ничего не меняет для нас. – размеренно проговорил Богдан.

Андрей вскочил со стула:

– Как вообще с тобой можно р-р-ррразговаривать, к-к-когда ты р-р-расселся тут т-т-ттакой сп-спокойный... кхе... – Андрей втянул воздух из инголятора.

– Я действительно не думаю, что это что-то для нас меняет. – Богдан подался вперед. – Но это не значит, что мы не должны выяснить всю правду о нашем прошлом!

– Верно! – подхватила Марина. Она выглядела бледнее чем обычно. – Прочти еще раз, что там сказано о детях.

– "В п-п-п-пррред.... "

– Давай я. – она забрала у брата вырезку и медленно прочла ее вслух. – Ну? Какие мысли? – спросила она.

– А вы помните что-нибудь из детства? – подал голос Мишка. Марина вздрогнула от неожиданности – она уже и думать забыла о его присутствии. – Что-нибудь, что может натолкнуть вас на разгадку?

Все отрицательно помотали головами.

– Я помню только то, что всю жизнь жил здесь. – ответил Андрей.

– Я читал, что человек помнит свое детство не глубже трехлетнего возраста. – добавил Богдан.

– Это нам ничем не п-п-поможет.

– Постойте, тут сказано только о пяти детях! – вскрикнула Марина. – Один в лесу, другой в больнице, у дороги, сирота и сын самоубийц! Пять! А нас семеро!

– Думаешь, не о всех написано? – усомнился Андрей

– Я думаю, о всех. – ответила ему Марина

– Значит остальные двое родные! – догадался Богдан.

– Но кто?

– А кто больше всех похож на родителей? – снова вмешался Мишка.

Ребята задумались.

– Сашка высокий, как и отец, – начал Андрей. – и у него длинные волосы.

– Волосы – не считается, – вставила Марина.

– Пусть так! Они оба высокие, но лицом совершенно не

п-похожи! Да и с мамой тоже.

– Хотя, у отца борода в пол лица, так что трудно судить. – добавил Богдан. – У Сашки серые глаза. Волосы у него темно-русые, а у отца напрочь седые, так что это тоже не под-сказка. – Богдан взглянул на брата. – А у тебя рыжие волосы – ни у кого в семье таких больше нет.

– П-прекрасно, – буркнул Андрей.

– Надо разобраться у кого схожий цвет глаз, или волос. Или группа крови – это верная примета! – предложил Мишка.

– У Андрея голубые глаза, как и у Лики. – рассуждал Богдан. – Но у нее совсем другой оттенок – светлые, прозрачные. В то время, как у тебя более глубокий цвет, с синевой.

– Ого, какая досканальность! – удивился Мишка. – Ты как маньяк!

Богдан слегка смутился:

– Скажем так, это моя больная мозоль.

– И снова ты о глазах! – шумно выдохнул Андрей. – Богдан п-п-просто п-помешан на своей внешности!

– Кто бы говорил! – возмутился Богдан.

– На что ты намекаешь!?! – вспыхнул Андрей.

– На то, что ты самовлюбленный нарцисс. – спокойно сказал Бргдан.

– Хо-хо. Нелюдимый варвар! – парировал Андрей.

– Вешалка.

– Дикарь!

Мишка оторопел от этой перепалки.

– Хватит! – рявкнула Марина. – Две сварливые бабенки!

Богдан, продолжай!

– У тебя, Марина, зеленые глаза с ореховыми вкраплениями. И у Жени тоже зеленые, но бледнее, чем твои. У Жени светлые волосы, как и у Лики. Только у Лики они с пепельным оттенком, а у Жени с желтым. И вообще они очень похожи.

– Вот! – загорелся Андрей. – Они очень п-похожи! Точно родные сестры! Значит, они и есть настоящие дети!

– Но они вовсе не похожи ни родителей, – добавила Марина. – кроме того, что у Жени зеленые глаза, как и у мамы, никого сходство нет.

– Но у мамы черные волосы, – добавил Богдан, – а у Марины шоколадного цвета плотные кудри. У Любы черные волосы, как у мамы. У них даже прически похожи!

– Мы решили, стрижка не в счет! – напомнила Марина.

– Да, верно. У Любы карие глаза, как у отца – еще одно сходство.

– И она – любимая дочь, – добавил Андрей.

– С этим не поспоришь! – согласилась Марина. – У Богдана тоже черные волосы.

– Жаль мой цвет глаз учитывать нельзя, – добавил Богдан.

– Кстати, ты знаешь, почему твои глаза без цвета? – спросил Мишка.

Богдан пожал плечами :

– Никто не знает точно. Но мама говорит, возможно это от того, что я родился недоношенным. – тут по его его спине пробежали мурашки, – Постой! – Богдан выхватил у Марины вырезку и пробежал по ней взглядом. – Тут сказано, один родился раньше срока и был чуть живой! А вдруг, – Богдан взглянул на Андрея, – вдруг это я?

– Возможно, – пробормотал Андрей, глядя брату в глаза.

– Не делай скорополительных выводов. – Марина забрала у него газету. – Давай подытожим: кто из нас похож одновременно на маму и на папу?

– Только Люба. – ответил Андрей. – Может быть еще Богдан, Если бы у него б-были карие глаза... – но взгляд Богдана говорил, что он не верит в это. – У меня рыжие волосы, а у тебя, Марина кудряшки – это совсем не п-пподходит! Может, Сашка? Он высого роста, в отца.

– Темно -русые волосы и серые глаза. Нет, – покачал головой Богдан. – Я согласен с Андреем – это девченки, Лика и Женя. Бесспорно они сестры, а значит и есть родные дети.

– Но как быть с тем, что они совершенно не похожи ни на маму, ни на папу? – напомнила Марина. – Мама темноволосая, полная, маленькая. Отец высокий, крепкий, кореглазый. Я считаю, что Люба – родная дочь.

– А второй ребенок? – спросил Богдан.

– Быть может ты! – ответила Марина. – Черные волосы и губы такие же яркие, как у Любы.

– Меня оставили в роддоме, – Богдан указал на вырезку.

– Мы это еще не установили, – спорила Марина.

– Ладно, мы ходим ппппо кругу! – вмешался Андрей. – Нам надо будет пойти к отцу и все выспросить, – твердо решил он.

– Думаешь, он расскажет? – усомнилась Марина

– А п-почему нет? Мы имеем п-п-право знать п-п-правду о себе же!

– Но он столько лет молчал!

– Может, для этого была причина? – предположил Богдан.

– Не важно, теперь мы знаем, что нас усыновили. Скрывать п-п-правду нет смысла. Он расскажет, отец никогда не лжет!

Марина нехотя согласилась.

Андрей снял очки и потер уставшие глаза:

– Я сейчас был свидетелем весьма увлекательного разговора! – и он рассказал ребятам то, что услышал на кухне.

6

Андрей был не доволен собой и сидел, потупив взор. А все потому, что разговор с отцом сегодня вечером вышел крайне неудачным. Ребята, как и собирались, пошли к нему во флигель, чтобы расспросить о газетной статье. Но отец и слова не дал вымолвить! Как только понял что к чему, сразу оборвал все вопросы и велел не соваться в это дело. Велел забыть прочитанное, а вырезку выбросить! Он вел себя сурово и непреклонно, говорил строго, назидательным тоном.

Андрей терпеть не мог такой тон – он означал, что ребята разочаровали отца, а для Андрея это было непозволительной оплошностью. Конечно, он пообещал избавиться от статьи а заодно и от всяких мыслей о ней. И, конечно, Андрей так и поступит! Даже не смотря на нытье Марины, которая хотела вопреки воли отца продолжить поиски ответов. Она предложила спросить обо всем у мамы, но и ослу ясно, что если отец ничего не сказал, то мама и подавно будет молчать. Богдан предложил поговорить с Сашкой, как старший, он может помнить или знать что – то, но Андрей сказал категорическое нет! Ослушаться отца недопустимо! Все же, ему было досадно, что они не получили разгадку тайны вырезки. Любопытство так и скреблось внутри, щекотало недра души коготками!

И вот теперь мальчик сидел пристыженный и старался не встречаться взглядом с отцом. Это оказалось не трудно, за ужином Сашка перетянул на себя все внимание. Он сидел во главе стола напротив отца и вяло ковырялся в тареле. Наконец, немного поиграв жевалками, он отложил вилку и спросил:

– Отец, ты позволил Любе навещать смотрителя с лодочной станции?

– Да! – с живостью ответил отец. – Это хорошая мысль! Прекрасный образец христианского милосердия и самоотдачи!

– Но в самоотдаче тоже надо знать меру!

– Что значит – меру? – пробасил отец Иоанн. – Не понимаю тебя, сын! Этот несчастный человек живет, как изгой! А теперь он болен и нуждается в помощи. Если люди увидят, что церковь принимает его, то и сами переменяют отношение! Мы должны своим примером наталкивать других на благие дела. Мы должны разжигать огонь любви! Кто знает, может люди смогут разглядеть в нем брата, порой для этого достаточно одного шага! И Люба поступает умно, желая этот шаг совершить.

– Я считаю, что это опасно! – не унимался Саша. – Мы должны верить и прощать, конечно так, но и голову терять не стоит. Всем известно, что он убийца! Он был в заключении! И не остановился на этом, здесь он пытался убить ребенка!

– Это выдумки! Пустая болтовня, слухи! А то, что ты веришь им, не делает тебе чести! – отчеканил отец. Все, кто сидел за столом уже давно позабыли о еде, а только с интересом следили за спором.

– А что не выдумки, просвети меня? – Саша был уже сильно взвинчен и не скрывал этого.

Отец шумно выдохнул:

– Он действительно совершил убийство. Но все это в прошлом! Здесь он живет давно и не сделал – и не сделает – ничего плохого.

– Откуда такая уверенность? – в сашкином голосе уже слышались нотки отчаяния.

– Я знаком с ним, сын. И я склонен доверять этому чело-

веку, вопреки общему мнению. Потому что я стараюсь думать своей головой, и тебе того же желаю!

– Знаком, как же! Он всего лишь иногда продает тебе рыбу! – тут у Саши мелькнула догадка. – Лодочник тебе исповедовался! – прищурившись, проговорил он.

Отец ничего не ответил, он только крепко поджал губы, от этого борода приподнялась, показалось даже, что он слегка хмурится. Тем временем Саша медленно покивал в ответ на свою же догадку. И все с тем же прищуром добавил:

– Конечно, ты не выдашь тайну исповеди. Скажи одно, он хотя бы раскаивается?

Выражение лица батюшки Иоанна оставалось неподвижным и холодным. Но вот взгляд немного дрогнул и метнулся вниз, Саши этого было достаточно! В сердцах он вскочил со стула и закричал:

– Он даже не раскаивается! Бессовестный убийца! Отец, очнись – мы говорим о Любе!

– Александр, сядь! – прогремел отец и Андрей вздрогнул от неожиданного раската его голоса. – Я вполне могу судить здраво и несу ответственность за свои поступки! Я знаю, о ком мы говорим и чем грозит это! И я не привык, чтобы мои решения оспаривал вспыльчивый юнец! Пока я ни разу не дал повода усомниться в них и впредь попрошу думать, прежде, чем говорить! – он выжидательно посмотрел на сына, но тот не шелохнулся. – Ты понял меня, Александр?

Саша нехотя опустил на стул. Он пылал негодованием,

но процедил:

– Да, отец.

– Я не слышу! – покровительственно сказал отец.

Саша вскинул взгляд:

– Да, мой патриарх!

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, в конце концов, отец стерпел фамильярность – все же победа осталась за ним – и перевел взгляд.

– Анжелика, тебе не кажется, что ужин островат? – уже совсем другим тоном спросил отец.

– Нет, – ответила Лика и добавила горчицы в свою тарелку.

– Тебе не стоит увлекаться разного рода добавками, дочка. Это не пойдет на пользу ни уму ни телу!

Лика взмахнула пушистыми ресницами и обратила ангельское личико к отцу:

– Конечно, папа, – еще немного горчицы плюхнулось в еду.

Отец Иоанн совсем не изменился в лице, его голос был ровен и тверд, однако, по малейшим морщинкам у глаз, Андрей понял, что тот рассердился. Даже спор со старшим сыном не поднял в нем негодования, а вот выходки Лики всегда задевали.

– Не понимаю, зачем ты дразнишь меня, Анжелика? – проговорил он, но ответа не дождался. В семье было заведено несколько негласных правил, которые выполнялись

неукоснительно. Одним из них было, никогда не жаловаться на еду. Поэтому Андрей побольше прихлебывал воды, чтобы немного унять жар во рту и помалкивал. Так же, дома никогда не обсуждали деньги, политику, насилие. Ни в каком случае нельзя было перечить родителям! И уж тем более никто не смел ослушаться отца, выводить его из душевного равновесия, возражать ему! Однако, Лика с самозабвенным упорством любила нарушать последнее правило! И как у нее всегда получалось взвинтить отца – с его христианской сдержанностью и терпением, а главное, зачем – большая загадка! Поистине, непостижима женская душа!

– Как прошел первый день в школе? – спросил отец.

– Хорошо! – в один голос ответили Андрей и Марина.

– Кажется, у вас новый ученик в классе, не так ли, мальчишки?

– Да, – пришлось подать голос Богдану, так как Андрей все еще прятал взгляд от отца, – откуда тебе это известно?

– Его бабушка часто приходит в церковь. Не помню только, как его зовут.

– Миша Герасимов, – подсказал Богдан.

– Именно он! – отец пригладил бороду. – Бабушка очень за него волнуется!

– Что за него волноваться? – встрепенулся Андрей.

– Гм... Родители всегда беспокоятся за свое чадо. – ответил отец и Андрей тут же потерял интерес. – А что нового у вас, Марина?

– У нас тоже новый мальчик, – ответила Марина.

– И как он тебе? – размеренно пробасил отец.

Марина оторвалась от еды и сморщила нос. Снова ее лицо стало выражать отвращение, а во взгляде чувствовалась жалость:

– Совсем юродивый! – нехотя проговорила она. – Он мне не понравился – жалкий, скрюченный!

– Надо помочь ему! – загорелся отец. – Протянуть руку, наставить на путь! – он заговорил быстро и с жаром. – Неспроста он появился в твоём классе, дочка! Так Господь указывает нам на тех, кто нуждается!

– Да, отец, – тихо произнесла Марина, – я уже и сама думала об этом. Я уже стараюсь помочь.

Отец Иоанн довольно кивнул и провел ладонями по груди.

Богдан наклонился к сестре:

– Помнится, ты отвесила ему звонкую затрещину!

– Это посильная помощь! – прошептала та.

Ночь была светлой, через прореху в занавеске виднелись звезды на темно-синем фоне. Наверное, Богдан не мог их видеть, потому что лежал выше, а вот Андрей не спускал с них глаз. Он никак не мог выбросить из головы прочитанное, и все думал, думал. Пусть он сам решил не продолжать эти выяснения, пусть решил не идти против воли отца, тем не менее, и забыть не так то просто! "... Одного из них оста-

вили в роддоме, второй был найден в лесу... " Андрей выучил эти строки наизусть. Раздумья продолжали терзать его, при этом мальчик пытался свыкнуться с мыслью, что в скором времени ответа ему не найти. Нужно оставить эту историю, послушаться отца. И Андрей пытался! Пытался заглушить жар любопытства, который разожгла в нем статья, но как? Как забыть прочитанное? Как прекратить думать о том, что возможно, его подобрали в лесу! Или он появился на свет слабым зародышем, которого оставили на произвол судьбы! А вдруг его родители убили себя? Вдруг, у них была на то причина! Возможно, они оказались жертвами страшных обстоятельств или чьей-то безжалостности? Может его мама и папа погибли при трагических обстоятельствах? В газете сказано, ребенок стал этому свидетелем! Или же он шел вдоль дороги. Маленький и глупый, шел усердно перебирая ножками пока мимо неслись машины... Хватит!

Андрей повернулся на другой бок. Его родители – замечательные люди – спят наверху в своей комнате. Это единственные родители, других нет и быть не может. Хотя, мальчик был уверен, что он не родной им. Он совершенно точно осознал это сегодня днем, во время разговора с Богданом, Мариной и Мишкой, когда они перебирали черты внешности.

– Богдан. – тихо позвал Андрей, он знал, что брат еще не спит. – А ты сильно расстроишься, если узнаешь, что не родной для наших родителей?

Богдан ответил не сразу, спустя минуту:

– Думаю, это ничего для меня не значит. Они усыновили нас по своему желанию. Никогда не было даже намек на нелюбовь, так что мы и есть для них родные.

– Да-да, но, – Андрей шумно завозился в постели, – но, все же, ты хотел бы быть одним из двух родных детей?

Богдан снова немного подумал перед ответом:

– Если я точно узнаю, что меня усыновили, то вряд ли мне станет горько. Но ты знаешь, как бывает – представляешь себе случай, догадываешься, что почувствуешь в тот момент и думаешь, что поступишь правельно. А когда все происходит, тебя обуревают совершенно неожиданные чувства и начинаешь вести себя, как полный дурак!

Богдан говорил все верно, родители их любят, ни в чем не обделяют, Андрей и сам знал это. Тем глупее было его тайное желание быть родным сыном. Глупое и пустое в сути своей, но сердце так хотело этого! Андрея немного колола вина, ему казалось, что его желание несправедливо и мелочно по отношению к другим. Ведь все они братья и сестры, и все же... Уф, сегодня точно не уснуть!

– Зачем ты прочел вырезку при Мишке? – спросил Богдан.

– Хочешь сказать, мы должны были держать это в секрете?

– Как-то странно, что Мишка узнал все наравне с нами.

– Брось, Богдан! Об этом п-п-писали в газете! Значит,

полгорода точно знают, а может и весь.

Богдан промычал что-то неясное.

– Тебе просто не нравится Мишка, – сказал Андрей

– А что в нем хорошего? Неотесанный. Бестолочь. Наверняка, лентяй. И он не сказал нам правды о своих родителях, когда ты спросил о них, помнишь? Начал лепетать что-то неясное, навел тень на плетень!

– Он сказал, что они геологи, значит хотел, чтоб мы так думали. Значит, на это есть п-причина.

– Нет, это ты сказал, что они геологи! А Мишка, наверняка, даже слова такого не знает!

– Мы только пп-познакомились, может он не хотел раскрывать своих секретов.

– Вот именно! – Богдан свесился с кровати, чтобы взглянуть на брата. – А ты выдал ему о нас все!

Андрей фыркнул:

– По-повторяю, Богдан, об этом писали в газете!

Богдан откинулся обратно на подушку:

– Марину он покори́л тем, что побил учителя. А тебя чем взял, ума не приложу!

– Он хороший п-п-ппарень! – вступился Андрей. – Веселый.

– Странное дело, Андрей, – продолжал Богдан, – ты до помешательства щепетилен в одежде, но не разборчив и не брезглив в общении с людьми!

Андрей сел на кровати и хотел было возразить, но тут

вспомнился Никитка Курицын. Что же все-таки произошло? За что Курицын взъелся?

Богдан попытался почитать перед сном, но мысли улетали от книги и он никак не мог задержать их на странице. Мальчик выключил маленький светильник, что висел над его кроватью и прислушался – Андрей еще не спал. Богдан не любил засыпать позже брата, попросту это было невозможно! Андрей спал очень беспокойно, говорил и стонал во сне, громко скрипел зубами. Несколько раз Богдану снилось, как перед ним открывается старая ржавая дверь, на яву же оказывалось, что это скрип зубов брата! Сейчас Андрей лежал без сна и о чем-то думал. О чем-то, что его тревожит, догадался Богдан. Понять это не трудно, когда Андрей взволнован, воздух в комнате словно уплотнялся. Он становится вязким, наэлектризованным, в нем зреет напряжение. Андрей умеет заражать собой пространство! Богдан накинул на голову одеяло и закопался в угол под подушку. Уснуть надо раньше, во что бы то ни стало!

8

Утро было свежее и ясное. Люба шла по тенистой улочке, которая вела к реке. Дома тут стояли в разнобой, их было мало, многие брошены; Сергей Вячеславович жил в последнем. Его дом стоял в отдалении от других, аккуратно на склоне, откуда хорошо просматривается лодочная станция. Эта улица так и называлась Речной Тупик, потому что упиралась

прямо в реку. Прохожих почти не было, а если и встречались, то только старики или школьники. Люба немного волновалась! Стало душно, она сняла ветровку и понесла ее в руках. Длинная юбка из тонкой ткани, с индийскими узорами и цветами, промокла от росы и приятно поглаживала лодыжки, ноги мягко ступали по траве, солнце играло в листве еще зеленых лип, где-то рядом колотил дятел. В такое утро ничего страшного не может случиться, уверяла себя Люба. По правде говоря, она никогда и не верила, что Сергей Вечеславович может быть опасен, но сейчас, приближаясь к его дому, заметно тревожилась! Разыгралось воображение, сердце застучало быстрее! Люба пошкрябала ногтями застарелый рубец на локте – у нее была дурная привычка беспокойно щупать и дергать давнишнюю отметину от ожога, казалось: локоть так и зудел, так и клянчил прикосновений! Да чего ей бояться! В худшем случае, Лодочник просто выставит ее за дверь, вот и все! Врят ли он, как паук, сидит в своем логове и ждет, когда наивная душа заглянет к нему на растерзание! Хотя, в городе именно так и думают... Этого человека не любят. Что только не говорят о нем люди! Он, дескать, пытался придушить ребенка, но его поймали; он сидел в тюрьме, потому что убил двоих человек, потом приехал в наш городок устраивать бесчинства; говорят, он ворует кур и козлят, бродит ночью по лесу со своим псом, кормит его сырым мясом, чтобы собака чуяла кровь издалека и была злее! Дети дразнят его и дурачатся, заглядывая в окна дома – ждут, когда же

он выскочит на них, чтобы в страхе разбежаться! Других ребяташек, что помирнее, родители пугают Лодочником; говорят: не гуляй допоздна, не отбивайся от мамы и папы, а то Лодочник утащит! Его зовут Сергей Вячеславович Колетник, вообще-то, но больше он известен, как Убийца, Душегуб, Лодочник, Душитель, Катюга. Помнится, одна женщина рассказывала, что собиралась корову забить, но не знала как! Тогда она набралась смелости и пошла к Лодочнику – уж он-то в этом понимает! Предложила ему деньги, бутылку, а он ни в какую! Говорит – не могу. Человека, значит, убил, а корову не может! Потом соседи долго бранили женщину: дура, зачем пошла к нему! Такой человек если вкусит страдания и смерть, то уже не сможет остановиться! Каждый раз его появление в обществе вызывало пересуды и толки! На него поглядывали, косились, провожали недобрым взглядом, словно ждали, что он вот-вот сотворит что-нибудь или набросится! Конечно, такого никогда не происходило, но ведь люди должны быть начеку! Тут и там слышались разговоры: сегодня Убийца прошел под моими окнами... Или: я стояла в очереди за Душегубом... Или: мы были на лодочной станции у Душителя этого, взяли лодку покататься! Появление такого человека в маленьком городке благосклонно отражается на состоянии общества. Люди сплочаются, начинают ощущать целостность, единство, ответственность друг за друга; все дружат против одного. Лодочнику, конечно, придется туго, но ведь слухи не на пустом месте рождаются!

Люба постаралась выбросить из головы все лишнее и взвесить быль в сухом остатке. А достоверно она знала, что: Сергей Вячеславович сидел в тюрьме за убийство, и точно не собирался душить ребенка. Это сказал отец, он немного знаком с ним и кое-что знает из исповеди. Так же, отец уверен, что этот человек не страшен и к нему можно идти спокойно. Ах да, еще Люба знала, что он болен – ведь именно поэтому она идет к нему, а вовсе не за тем, чтобы потешить свое любопытство! О болезни ей рассказал родной дядя Артема – ее мужа – он работает на почте, стало быть, все про всех знает. Так вот, дядя Василий рассказал, что Лодочник может сутки на пролет лежать в постели в приступе лихорадки, сотрясаясь рваным кашлем, ни есть-ни пить, биться в горячке, а чуть отпусит – тут же ползет к своим лодкам, бледный, как смерть! Долго ли он так протянет, не известно, да и сколько ему лет тоже никто не знает! На вид – матерый старик, просоленный, поджарый, страшный! В пол лица корявый шрам – кое-как заштопанная рана – пересекает правую щеку и веко, а глаз лишь чудом уцелел! Зимой и летом Лодочник ходит в потертой штормовке и грубых сапогах, а рядом трусит его верный пес! И пахнет от них рыбой и костром... Ну как такого не бояться!

Однако, было и другое! Как-то зимой Лодочник вытащил из воды рыбака, который угодил под лед. Несколько раз снимал ребятишек с льдины, а однажды мальчишки соорудили плот, чтобы поиграться на воде, выплыли на середину ре-

ки, а он разошелся! Дети попадали в воду. Кто-то поплыл, а один пошел на дно! Именно Сергей Вячеславович прыгнул за ним и выудил на берег! Мальчишки, перепугались, думали, что Лодочник устроит им трепку, бросились бежать, и тот, спасенный, тоже дал деру! Может, от мальчиков никто и не узнал бы об этом, но у истории были и другие свидетели. Конечно, о хорошем стараются не упоминать, чтобы не дай бог в обществе не начали сочувствовать Душегубу, но правду не перечеркнуть! Надо признать, что у Лодочника есть и светлые стороны души! Иначе зачем бы он, больной туберкулезом, полез в ледяную воду за упавшим рыбаком!? Он вполне мог бы сделать вид, что не заметил, как тот упал и отвернуться, или даже наблюдать за страданиями бедняги – от Убийцы этого и ожидают! Не ожидали как раз обратного!

Иногда темные грани личности разрастаются до непомерных размеров! Тогда они начинают отравлять душу и жизнь, впиваются ядовитыми клыками в мозг, искажают человека до неузнаваемости! Они, как паразиты, питаются жизненными силами и живут не за свой счет. Беда в том, что темная личина до поры до времени тиха, она маскируется и выжидает, действует исподтишка. Втихомолку подминает под себя нежные грани души, беззвучно завоевывает пространство. И, хотя, многие не замечают в себе подмены, иные спохватываются, но бывает уже слишком поздно! А бороться нужно! Порой человек не может справиться сам, он не в состоянии оценить глубину пораженных участков, не знает спосо-

бов борьбы – ему нужен помощник! Ведь если заболевает тело, тогда бегут к врачу; но если истлевает душа этому не придают значения. Вот страшный недуг человечества – безразличие к собственной скверне! Люба направлялась к Лодочнику ещё и с намерениями разбудить в нем светлые стороны. Если Сергей Вячеславович увидит к себе доброе отношение, то и сам оживиться! Не в этом ли ее главная задача – подтолкнуть человека к пожеланию добра!

Лодочная станция показалась вдалеке. Раньше, когда река была судоходной, станция процветала. Теперь же от нее осталось одно название и задрипанный док, который Сергей приспособил под хозяйственные нужды. Городок давно махнул рукой на эту станцию, она оставалась действующей, пока не развалится. Каждое лето Лодочник латал маленький жалкий причал, чтобы тот смог протянуть зиму! Тем не менее многие, оставляли лодки под его ответственность и худо-бедно дела шли. Вот и сейчас на гладе воды покоилось несколько весельных лодок, несколько моторок, катамаран и катерок. Совсем рядом, на пригорке, стоял дом Сергея Вячеславовича. Крепкий, но маленький домишко, с двумя окнами спереди и двумя по бокам. По узенькой тропе Люба подошла к калитке. В глаза бросилась белая табличка с крупными буквами: "Осторожно, злая собака!" Люба со вздохом подумала: Ну вот! И постучала. С той стороны слышался нетерпеливый повизгивания, но дверь не отворили. Люба поскребла локоть и постучала снова, более настойчиво. Мол-

чок! Тогда она решилась войти. Тут же черно-белый кудлатый пес стремглав бросился на Любу! Люба зажмурилась – она никогда не проявляла большой нежности к собакам – и почувствовала, как что-то тяжелое и теплое ткнулось в ноги. Пес крутился, бил хвостом, юлил, падал на землю, вскакивал, повизгивал, скулил, наконец, он лизнул Любе ладонь и раболепно подsunул голову под руку. Собака радовалась гостю! Пес был лохматый, кудрявый, с обвислыми ушами и крупной мордой. Люба поскребла пальцами его по макушке и он тут же затих от удовольствия!

Со стороны двора показалось какое-то движение, Люба резко повернулась в ту сторону и застыла – перед ней стоял Лодочник! Никогда прежде она не видела его так близко! Он был высокого роста, в замызганной штормовке и черных сапогах; лицо смуглое от загара, жесткий ежик седеющих волос на голове, морщины такие глубокие и резкие, что лицо казалось рваным и шрам... Кривой, грубый шрам справа на лице от щеки до брови, рубец идет даже по верхнему веку! И совсем неуместно на этом лоскутном лице блестят живые глаза! Может быть он не такой уж и старый – мелькнуло у Любы в голове. Лодочник не проронил ни слова, только вперил на нее взгляд.

– Доброе утро. – пролепетала Люба. Вместо ответа он сжал руки на груди. – Меня зовут Люба, я волонтер, я буду навещать вас и помогать по хозяйству.

– Благодарю, – голос был скрипучий и сиплый, – мне не

нужно помощь.

– До нас дошли сведения, что вы больны и плохо себя чувствуете, так что мы решили... Мой отец, вы знаете его, он церковный батюшка, а я...

– Я знаю кто ты. Но я уже сказал, мне не нужна помощь, до свидания. – на этом он развернулся и ушел вглубь двора. Люба растерялась! Она осталась стоять на своем месте, и гадала, как лучше поступить. Пес потыкался ей в ладонь мокрым носом, потому что Люба перестала его гладить. У злого человека не может быть доброй собаки! Люба решительно двинулась вслед за Лодочником.

– Как зовут вашего пса? – спросила она, когда нагнала Сергея.

Лодочник обернулся, удивленный, что Люба еще здесь, но ответил :

– Кудряш.

– Хорошее имя, ему идет!

Сергей Вячеславович сидел на лавке и распутывал рыболовную сеть, тщательно и медленно освобождая грубые веревки. У него был небольшой огород, Люба сразу заметила, какой он ухоженный и чистый. Наверное, когда ни с кем не общаешься и живешь бобылем, остается уйма времени для работы в саду! Люба села на лавку рядом с Колетником.

– Вам не стоит скрывать болезнь, в этом нет ничего постыдного! Я буду приходить через день и немного помогать, вы ничего не будете должны – это же от чистого сердца!

– Нет, благодарю.

– Многие отказываются, потому что не привыкли принимать помощь, но признайте – иногда вам бывает необходима поддержка!

– Какая ты въедливая! Почему ты не понимаешь просто слово: нет! – он проскрипел своим голосом, словно ржавой дверной петлей! Потом сунул руку в карман и выудил ножечек, которым принялся ковырять узел.

Люба немного помолчала. Она не собиралась уходить, просто подыскивала новые подходы к Сергею. Она медленно встала и прошлась по двору, Кудряш тащился за ней.

– У вас чистенький огород! Вы любите землю? – Лодочник промолчал. – Моя сестра тоже любит возиться в саду, столько всего сажает!

– Какая сестра? – встрепенулся Сергей

– Женя.

Во взгляде Лодочника тут же погас интерес, все же он робко повернулся:

– А как поживает.... – он не договорил, оборвал вопрос и опустил взгляд.

– Как поживает отец? – с готовностью переспросила Люба

– Да, отец.

– Хорошо! – почему-то возникло ощущение, что Лодочник интересовался вовсе не им. Хотя, о ком бы еще он мог спрашивать! – Вообще, у всех нас дела идут хорошо! – на всякий случай добавила Люба.

– Замечательно.

Он снова занялся распутыванием сети и повисло молчание. Люба снова огляделась, ей хотелось найти тему для разговора, немного расшевелить Сергея, разогнать напряжение, но в голову ничего путного не шло! К сожалению, в такие моменты мысленного штиля язык работает сам по себе!

– Надо же, как запуталась ваша сеть! – с наигранным интересом говорила Люба. Лодочник ковырял узлы маленьким ножом, старательно и скурпулезно поддевая веревки. Люба продолжала: – У нас дома любят рыбу! Каждую неделю бывает рыбный день! Отец покупает по многу, потому что семья большая – ну вам это известно! – Сергей словно не слышал ее. – То есть, не моя семья большая, а моих родителей – та, в которой я выросла. Моя-то маленькая пока!

Люба потопталась на одном месте.

– Вы сажаете цветы? – Молчание. Люба прекрасно видела, что цветов нет – душегубы не выращивают цветы – но остановиться уже не могла. – Женя очень любит цветы. В этом году она посадила лилии!

Сергей вздрогнул и бросил на Любу взволнованный взгляд:

– Что!?

– Женя посадила лилии... Ох, у вас кровь! – по ладони Сергея Вячеславовича текли алые струйки. Он безразлично глянул на руку и обтер ее о штормовку. – Все из-за меня, я отвлекла вас!

– Не страшно, просто уходи! – прохрипел Сергей.

– Я поищу в доме бинт!

Люба привычным жестом сгробастала юбку и побежала в дом. И что Лодочник так переполошился, когда услышал про цветы? "Женя посадила лилии..." Что в этом такого?

Изба была совсем маленькая! В крошечной прихожей одиноко висел дождевик, высокие резиновые сапоги ютились в уголке, тканым половичком помещение переходило в кухню. Обстановка была бедная, странная – скупой крестьянский быт прошлого столетия! Всюду затертое серое дерево: стены не оклеены, только потрескавшиеся скосы бревен с торчащей паклей, голый пол, печка, а рядышком – подстилка для собаки. Мебели совсем мало – стол, тоже голый, без скатерки, стул, полка для посуды, мойка да плита. Над раковиной узкая полочка с какой-то коробкой. Чуть заметно пахло мокрой шерстью. Зато, опрятно и прибрано! Оконце закрыто синей занавеской, кажется, там в горшке даже что-то растет! Люба подошла к окну и отодвинула шторку, чтобы пустить свет в дом. Из кухни вела дверь в комнату, поддавшись любопытству, Люба заглянула и туда, но – ничего интересного. Кровать в углу, пузатый комод, старый шкаф, потрепанное кресло и книжная полка. Очень жаль, но нигде не было фотографий, на стенах не висели дипломы в рамочке, или медали, на видном месте не торчали кубки – ничего, что могло бы пролить свет на загадочную личность Лодочника. Впрочем, резаков, тесаков, крюков и плетей тоже не бы-

ло видно! Люба прошлась по комнате и взглянула на корешки книг – по большей части фантастика и немного унылой классической прозы. Она вернулась в кухню и осмотрелась, все же надо было отыскать бинт! По шкафам рыскать не хотелось, поэтому Люба заглянула сначала в коробку над раковиной. Так и есть – аптечка! Скучная, как и все в этом доме, но бинтик нашелся. Люба схватила его и выскочила во двор. Сергея уже не было. Она посмотрела по сторонам, позвала собаку, заглянула в сарай – ни души. Тогда, Люба вышла за калитку и увидела, как Лодочник быстрым шагом спускается к реке, а следом грузно семенил его верный Кудряш.

– Сергей Вячеславович, дайте вашу руку, я ее перевяжу! – Люба догнала его уже у самой станции.

– Все прошло. – хмуро ответил Лодочник.

– Зря вы отказываетесь! В ранку может что-нибудь попасть – грязь или зараза!

Сергей резко повернулся к Любе:

– Спасибо за помощь. До свидания!

– Но я еще ни чем не помогла! Обычно я прибираюсь, хожу за продуктами, могу что-нибудь сготовить, если хотите, или в огороде помочь! Вы не должны стесняться, ведь я же сама предлагаю! Мужчинам всегда трудно понять, что принять помощь – это не признак слабости, Сергей Вячеславович!

Лодочник зашел в док и начал перебирать какие-то старые доски:

– У тебя нет других дел? – не отрываясь от своего занятия спросил он. – Неужели нет стариков или лежачих больных!?

– К ним я зайду в условленное время! Больные люди часто капризны и не любят, когда приходишь раньше или позже! – Люба подбежала к Сергею совсем близко. – Какую доску вам нужно? Я отыщу!

– Больные люди капризны, потому что ты ведешь себя очень навязчиво! Что ты прицепилась? Что ты от меня хочешь!?

Вот сейчас уйти бы, но нет!

– Иногда приходится приставать, ведь люди бояться помощи! Это происходит от недоверия, страха, неверия в добрые намерения, от привычки к одиночеству! Часто люди сами не понимают, как им нужна опора, дружеское плечо, вот нам и приходится пробиваться через скорлупу застарелых привычек и предрассудков!

Сергей обреченно закрыл глаза и вздохнул:

– Если я попрошу тебя кое-что сделать, ты отстанешь?

Люба недоверчиво глянула на него, но кивнула.

– Ладно, – Лодочник опустил голову и как-будто смутился, – там в прихожей лежит письмо, эээ... Опустить его в ящик по дороге отсюда.

Всего то! Но Люба уже пообещала оставить его в покое, поэтому только щебетнула:– Отлично! Не переживайте о письме! – и уже уходя добавила. – Я снова приду послезавтра!

Кажется, Сергей Вячеславович что крикнул ей вслед, что-то странно похожее на : "Вообще не возвращайся! ", но Люба не могла сказать точно, потому что уже бежала вверх по косогору и в ушах шумел ветер! Она нашла письмо на подоконнике у двери и аккуратно, чтобы не измять, положила в карман ветровки.

Впрочем, неплохо! – заключила Люба. Сегодня она познакомилась с Колетником – с ужасным Душегубом, – побывала у него дома, даже маячила перед ним, пока он, с ножом в руках, распутывал сеть! И пусть разговорить его не получилось, пусть он отвергает ее помощь и ведет себя холодно, главное, первый шаг сделан: важный и, признаться, волнующий! Люба потихоньку вынула письмо и прочла имя адресата: Фадеева Софья Геннадьевна. Удивительное дело – Лодочник переписывается с женщиной! Интересно, кто она такая? Жена!? Вряд ли... Сестра? Нет, отчества не одинаковые... Мама? Но фамилия другая. Правда, не все женщины меняют фамилию при замужестве. Наверное, мама – больше некому! Надо же, у него есть своя жизнь, помимо лодок и сетей! Люба взглянула на адрес: Краснодарский край... Да, дядя упоминал, что Сергей жил там прежде, до тюрьмы. Стало быть, пишет домой.

9

Все было хорошо. Все было просто прекрасно! День чудесный, настроение отменное, вчера Богдан принялся читать

"Записки юного врача" – невероятно захватывающая книга! – и сейчас мальчик пребывал под впечатлением от прочитанного, что приятно волновало! Словом, поводов для грусти не находилось, но вот, словно толчком, словно рязрядом тока, неожиданно, перед глазами вставал утренний случай, впрыскивая отравленные воспоминания в кровь! И произошла вроде бы ерунда, незначительная мелочь, но мелочь неприятная, способная выбить из колеи, способная расковырять больное место, задушить день! Было вот что: Андрей, Богдан и Марина до школы зашли за Мишкой Герасимовым. Он жил с бабушкой и дедушкой в крепкой избе, в гуще старой извилистой улицы. Редкий невысокий забор с калиткой, повсюду куры, козырек над крыльцом, резные наличники. Мишка не спешил начинать день. Когда ребята вошли в прихожую, он был еще в трусах, но резво облачился в неизменную растянутую водолазку и коричневые брюки. В прихожей стояла полутьма, пахло блинами и маслом. Из коридора показался дед, смуглый, жилистый человек с суровым лицом и узловатыми ладонями. За ним, топала толстенная бабушка в платке и мягкой юбке. Она зажгла свет, тот оказался тусклым. Пока Мишка завязывал шнурки, бабушка попыталась накормить ребят блинами, хлебом, кашей, конфетами – Марина взяла одну. Дед смотрел хмуро и прямо. Наконец, Мишка двинулся к двери, но бабушка остановила его суетливым движением, пошарила в складках блузки и протянула что-то зажатое в кулаке.

– Возьми, – сказала она, – зайди подстричься после школы, а то оброс совсем! – эта возня привлекла Богдана, он непредусмотрительно поднял глаза на бабушку, их взгляды встретились, бабка выдохнула: "Господи!" и перекрестилась! Вот, собственно, и все, что произошло. Достаточно, чтоб день полетел коту под хвост.

Андрей терялся в догадках – что же произошло с Курициным? Со второго класса они были лучшими друзьями, и ни с того ни с сего такая перемена! Третьего дня, на уроке биологии, пришлось работать в парах. Андрею досталась Дашка Шестакова, а вот Богдану выпала честь возиться с Никиткой. Учитель объявил новость – в живом уголке теперь живут хомяки. Никитка сунул одного в руки Андрею и завопил на весь класс, будто тот выпустил хомяка! Шестакова взвизгнула и залезла на стул. Мальчик даже опомниться не успел, а зверек уже юркнул под парту, где его и след простыл! И только на ладони остались две продолговатые улики. Надо ли говорить, как негодовал учитель! Он заставил Андрея ловить хомяка, но куда там! Грызун скрылся где-то в недрах кабинета. Вчера Никитка и Прихвостень подкараулили Андрея в туалете – какая низость! Этот бугай Аникин затолкал его в угол к раковинам и прижал к стене. Курицин включил воду и вместе они запихнули Андрея под струю!

– Я обещал родителям, что подтяну оценки по всем предметам в этом году, – сказал Никитка, – тогда зимой они возьмут меня в Египет. – Андрею было не интересно все это

слушать, он почувствовал, как внутри его стал затягиваться приступ астмы. В добавок этот подлец Аникин сильно давил локтем в грудь! Но Андрей не торопился доставать ингалятор, ни в коем случае он не мог проявить слабость перед Курицыным. Тем временем тот продолжал:

– Дело в том, – неторопясь говорил Никитка, – что у меня нет никакого настроения учиться. А вот ты, Пижон, – Курицын ткнул пальцем в Андрея, – ты всегда в настроении. Это несправедливо. А я не хочу мириться с несправедливостью! Поэтому, завтра ты пойдешь отвечать параграф по литературе, так как сегодня мне абсолютно некогда его учить. Понял!?

– Зачем ты меня облил, идиот? – просипел Андрей, воздуха уже стало заметно не хватать. – Я так и т-т-так не собираюсь выкручиваться за т-тебя.

– Это мы еще посмотрим, – бросил Никитка, – а пока давай сюда домашнюю работу по математике, я хочу списать примеры.

– Вот еще!

Конечно, они выдрали тетрадь из сумки и сбежали, а Андрей остался на полу в туалете наслаждаться обществом ингалятора. И вот сейчас Андрей сидел на уроке математике и пытался разглядеть страницы тетради. Эти оболтусы всю ее опошлили, надругались над ней!

– Ты ей подтерся, что ли? – шепнул Мишка. Андрей бросил на него испепеляющий взгляд. Ему было не до смеха.

Да и не до математики вовсе. Все эти неприятности сильно угнетали. Какая муха укусила Никутку! Андрей сидел угрюмый и невеселый и Мишке это не нравилось. Герасимов не любил копаться в складках чужой души или ворошить причины плохого настроения.

– Пойдем поедим, – предложил он, – еда тебя обязательно порадует! – Андрей не был в этом уверен, но кивнул и даже выдавил улыбку на Мишкину неуклюжую попытку расшевелить его. Но Герасимов остался не удовлетворен. Он понимал почему Андрей не в духе, только слепец мог не заметить вчера его сырые патлы. Да и тетрадь вряд ли он сам измял! Разумеется, Мишка знал, как Андрею следует поступить в этой ситуации, но что-то подсказывало ему, что друг не воспользуется советом. Зря, метод действенный! Хотя, если на чистоту, Мишке и самому этот метод принес не мало хлопот! Наконец, прозвучал звонок. Герасимов хотел заговорить, но Андрей быстро ушел. Мишка вздохнул и отправился вон из класса. Вдруг, его взгляд зацепился за что-то странное – Прихвостень подошел к учительскому столу и подозрительно заозирался по сторонам. Что он там выискивает!? Впрочем, его мама учительница, это могут быть их личные дела.

Андрей взглянул на винегрет. Кусок в горло не лезет! А вот чаю выпить надо, а то снова засуха во рту. Он взял стакан и пошел искать свободный стол. Тут он заметил Курицына, который самозабвенно уминал булку, но главное, он

был один! Андрей уверенно поставил чай к нему на стол и сел напротив, сложив руки на деловой манер.

– Я хочу поговорить, – сказал он.

– Я тоже, – донеслось в ответ сквозь булку.

Андрея это удивило! Глубоко внутри даже шевельнулась надежда на восстановление теплых отношений.

– Тогда, ты п-п-первый.

– Хотел спросить о литературе, Пижон. – уже внятно сказал Курицын. – Ты готов?

– Что пр-произошло, Никитка? На что ты обозлился?

– Пока ни на что. – Курицын облизнул пальцы. – Ты же не собираешься меня злить и пойдешь отвечать параграф.

Андрей вскипел :

– Забудь п-п-про п-параграф! Мы столько лет были друзьями, а теперь ты мне п-пр-проходу не даешь! В чем дело? – он почти перешел на крик, но успел сдержаться. Курицын пристально посмотрел на Андрея и впервые за много дней это был серьезный взгляд без тени нахальства.

– Словно ты не знаешь. – сухо сказал он.

– Нет! Я ннне знаю!

– Ты умный парень, Чижов. Я даже думаю, что ты догадываешься обо всем.

– Может ты хотя бы намекнешь? – Андрей был намерен выяснить все, но тут в дверном проеме замаячил Прихвостень и стал подавать Никитке какие-то знаки. В мгновение Курицын снова стал развязным и наглым.

– Не строй из себя кретина, Пижон! – он встал и направился к двери, но сначала его ладонь совершила мимолетное движение и горячий чай полетел Андрею на штаны.

– Ооууу! – Андрей пытался стряхнуть кипяток. – Ты, Курицын, ты пп-п-полный пп-п-пр.....

– Язык не потеряй!

– ... Вонючка! – но Курицын был уже далеко. Да, ситуация не улучшилась.

Перед Андреем возникла тарелка с супом. Богдан и Мишка сели подле него.

– Разговор не удался, – догадался Богдан.

– Не п-понимаю, Никитка говорит, что это я где-то напортачил! Ума не п-п-приложу о чем он!

– Брось! – Мишка махнул рукой, уплетая суп. – Это отговорки. Любому дураку понятно, почему Курицын тебя лупит.

– И ты туда же! – воскликнул Андрей. – Может и меня п-просветишь!

– Боюсь, обидишься, – Мишка с сомнением глянул на Андрея.

– Если скажешь все как есть, не обижусь!

– Все дело в том, что ты дохляк! На тебя чихнешь – соплей перешибешь.

– Не п-правда! – вспылil Андрей.

Мишка покивал головой с выражением жалости на лице:

– Взгляни правде в глаза, Андрей – ты дышишь через раз,

заикаешься, слеп без своих окуляров. – Герасимов огорченно поджал губы, и с открытым взглядом завершил: – Ты хилый..

– Пф! – Андрея задело его высказывание.

– А Курицын оконченный тюфяк! – продолжал Герасимов. – Вот он и утверждает за твой счет. В каждом классе бывают такие выскочки, которые лупят самых слабых и считают себя героями.

Андрей, стиснув зубы, тарачился на Мишку. Он хотел что-нибудь возразить ему, но не мог найти подходящего оправдания.

– Ты бы врезал ему хорошенько! – предложил Герасимов. – Пусть знает, что ты можешь за себя постоять.

– Нет. Еще не все п-п-потеряно! Я говорил с Никиткой и чувствую, что есть надежда на мирный исход.

Мишка подавился супом, так что Богдану пришлось постучать ему по спине.

– Сдурел! – выпалил Герасимов. – Он вскипятил тебе хозяйство! Это точно объявление войны! Не бойся, если он побьет тебя, главное, дать понять, что ты не станешь терпеть его нападки! Я бы и сам ему наподдал, но ты же знаешь, – Мишка поморщился, – мне нельзя высовываться.

Андрей замаялся. Он вспомнил про мокрые брюки и ощутил жжение на коже.

– Это не наш метод. – подал голос Богдан. – Мы не должны кидаться с кулаками, когда нас что-то не устраивает. Мы

должны поступать умнее, терпимее.

– Ах да, я совсем забыл про ваш пунктик. – кивнул Мишка.

– Я должен обратить к н-нннему вторую щеку. – Андрей достал носовой платок и протёр очки. – Иисус так и поступил. Он п-пострадал за нас...

– Ладно-ладно! – перебил Мишка. И какое-то время ребята молчали. Вдруг, Мишкины глаза сделались хитрющими, он улыбнулся и вкрадчево сказал: – Ты же знаешь, существует множество противоречий по поводу перевода Библии. Ученые, эти ваши епископы и монахи – не знаю, кто именно из них – громко спорят об истинных строках писания!

– Я думаю, суть все равно одна. – сказал Андрей.

– Одна, да не одна! – возразил Герасимов. – Моя бабушка постоянно читает Библию. У нее их штуки три, не меньше! И все потрепанные и перечитанные.

– К чему ты клонишь? – нахмурился Андрей.

– Так вот, я уверен, что видел более достоверный перевод этой фразы. И там сказано не "Подставь вторую щеку", – Мишка подался вперед и с нажимом закончил, – а "Выставь средний палец"!

Андрей уставился на него с каменным лицом. Шутка не вдохновляла. Зато Богдан прыснул от смеха в ладонь. В знак солидарности с братом, он выдержал суровое выражение на своем лице, но, спустя мгновение, маска дрогнула и Богдан заливисто расхохотался!

– Все придуриваешься! – буркнул Андрей. Мишку так и распирало от триумфа! – У меня есть мысль п-по-получше. Я п-последую примеру Толстого и Ганди. По-по-политика не насильственного сопротивления.

У Мишке с лица сползла улыбка:

– Это что?

– Вы тоже не готовились сегодня к литературе? – нахмурился Андрей. – Методы ненасилия! Эту идею развил Лев Толстой, а Ганди применил для целой страны. И взгляни теперь на Индию! Она свободна от де-деспотии колонизаторов!

– Ну ты загнул! – Мишка состроил гримасу. – Старый добрый мордобой куда проще и надежней! Все эти закидоны ненасилия работают только с умным противником, который в состоянии раскусить твои маневры. А Никитку Курицына так не одолеть – он же дубовый. И опять же все закончится дракой.

– Пожалуй, Андрей прав, – вмешался Богдан, – нужно не разжигать вражду, а искать пути к миру.

Мишка разочарованно покачал головой:

– Ох, вы оба чудики!

В проходе между столами показалась Марина. Она уверенно направлялась к мальчикам, но на миг ее вниманием завладела чья-то сгорбленная спина. Чуть сбавив шаг, Марина ткнула двумя пальцами в эту спину и с силой провела по ней вниз. Сальные волосы взмыли в воздухе, мальчишка

вздрыгнул и выпрямился! Марина пошла дальше, как ни в чем не бывало.

– Оставь его в покое! – набросился на сестру Андрей.

Марина осталась холодна к его просьбе:

– Что стряслось с твоими брюками?

– П-пролил чай!

– Очень метко! – заметила Марина.

– Я не нуждаюсь в т-т-твоих комментариях!

Андрей стремительно ушел. Он был на взводе – злился на Марину за то, что та достает этого жалкого Глеба Козлова, он злился на Козлова за то, что тот позволяет ей это, Андрей злился на Мишку с его варварскими взглядами, и, конечно, он был зол на Курицына. О, как же он был зол на Курицына! Без видимых причин, без объяснений, Никитка ополчился на него, сломал всю дружбу, стал откровенно измываться! Может Богдан прав, Андрей не умеет выбирать общество? Взглянуть сейчас на Курицына, так тот последний пень! Как же раньше Андрей не замечал этого? Конечно, Богдан прав! Богдан всегда оказывается прав! И как же злился Андрей за это на брата! Тихий вдумчивый флегматик! Наказание! Боже, какое наказание жить с флегматиком! А ведь Андрею не перестало злиться. Он не должен идти на поводу у чувств и размягчать свою душу гневом. И вот уже его стало подтачивать чувство вины – что скажет отец, что будет если он узнает! Отец. Андрей злился и на него за молчание. Если уж стало известно половина правды, что они не родные родители,

так пусть идет до конца и расскажет все на чистоту! К чему эти тайны! Да что там, Андрей злился даже на себя, потому что не может выбросить из головы прочитанное, хоть и обещал! И за то, что не может дать Курицыну должный отпор.

Андрей умылся холодной водой. Надо успокоиться – сейчас еще параграф отвечать. Мальчик умял поглубже внутрь гнев и взглянул на себя в зеркало. " Неужели я и вправду такой заморыш!? Хиляк, слабак, задохлик, занюханый ботаник, дрищ... Нет! Не по нраву мне пресмыкаться! Пусть я не мастер сдачи давать, но и не тварь бесхребетная, чтобы молчаливо сносить издевки! Курицыну меня не одолеть!" Андрей пригладил волосы, отправил безрукавку с серыми ромбами, затянулся лекарством от астмы и отправился на урок.

Богдан внимательно наблюдал за Еленой Сергеевной, сегодня на ней черная юбка до колен и свежего голубого цвета блузка. Такой цвет бывает у неба в ясный день или у студеного ручья. Учительница быстро ходила по классу и раздавала тетради с сочинениями.

– Кристина, хорошая работа! Не бойся размышлять на бумаге! – Елене Сергеевне положила тетрадь перед Кристиной Блаженко. Удивительно, эта учительница говорит что-то о каждом! Вот она подошла к Курицыну:

– Никита, ты прочитал хорошую книгу! Но ты совсем не рассказал о ней в своем сочинении, будь более последовательным!

Что такого Курицын мог прочитать!?! Богдан уже понял, что учительница хорошо отзывается о всех, но когда же наступит его черед! Мальчик не сводил глаз с этой стремительной красивой женщины и сердце замирало в ожидании. А вдруг он ее разочаровал?! Тетрадь легла рядом с Ритой и пара теплых слов для нее.

– Андрей, прекрасное сочинение и почерк чудесный! – ничего нового, все учителя хвалят Андрея и его круглые завитки, словно из древних свитков.

– Миша, – Елена Сергеевна протянула тетрадь Герасимов и вздохнула, – остроумно! И все же, в следующей раз, я бы хотела, узнать о настоящей книге.

Наконец, она остановилась у стола Богдана:

– Богдан! Я приятно удивлена, ты очень интересно мыслишь! – Елена Сергеевна положила перед ним тетрадь и Богдан успел рассмотреть ее маленькую ручку, грациозно изогнутую и мягкую, с простым золотым колечком на пальце. Мальчику показалось, или учительница задержала на нем взгляд чуть дольше, чем на остальных? От волнения так шумело в ушах, что Богдан уже не мог слышать, что она говорит другим ученикам.

– Богдан, – Мишка ткнул его пальцем а спину, – мы с дедом идём на рыбалку в воскресенье. Я говорю, идемте с нами, а Андрей нос воротит, говорит, вас отец не пустит.

Богдан резко повернулся к Мишке:

– На рыбалку!?

– Это как раз б-б-будет Усекновение главы Иоанна Предтечи! – прошептал Андрей. – В этот день нам нельзя даже крючок в руки б-брать, не то что развлекаться!

– Это большой праздник, да? – Мишка переводил взгляд с одного брата на другого.

– Это не п-п-пр-праздник, а трагедия! По-постный день! К тому же, с утра служба – нам необходимо быть на ней.

– Если это такой важный день, значит моя бабушка тоже пойдет в церковь. – решил Герасимов. – Я скажу деду, что хочу сходить вместе с ней, а после службы отправимся рыбачить!

– П-по выходным мы в Бесплатной трапезе, – напомнил Андрей.

– Мы не разу не были на рыбалке! – вклинился Богдан. – Я упрошу отца, я поговорю с ним!

– Это пу-пустая затея, – Андрей махнул рукой.

– Я все-таки попытаюсь!

Мишка согласно кивнул Богдану.

– Слушай, Мишка, – шепнул Андрей, – а давай в с-с-суб-субботу приходи с нами по-пооработать в Бесплатной трапезе!

Герасимов вскинул брови:

– А что, можно. Только, если мне не придется готовить!

– Что ты! Мы не готовим. – успокоил его Андрей и добавил. – Лика обмолвилась, что п-п-придут газетчики, хотят настроичить что-то о православных благодеяниях. Она уже п-

п-платье выбрала!

– Пусть пишут, что хотят. Мне до фени эта нудятина!

– О какой "настоящей книги" шла речь ?

– Ну... – Мишка замялся. – Дело в том, что я не очень люблю читать, и вот... – Герасимов поводит пальцем по странице тетради. – Писать было не о чем и я написал о выдуманной книге. Ну, о такой, какую мне бы хотелось прочесть!

Богдан почувствовал, как внутри стала нарастать тяжесть от общения с этим человеком. Определенно, Михаил Герасимов не был тем, кого Богдан был готов записать в друзья. Однако, строгое воспитание не позволяло ему пренебрегать людьми, выделять из общей массы тех, кто достоин или не достоин внимания; вешать ярлыки и избегать чьего бы то ни было общества. И Богдан не совсем понимал, почему: ведь, если человек бандит, то рано или поздно жди беды; а если водишься с глупцом, то ожидай неприятностей! Это всего лишь заключения благоразумия. Может вслух говорить про людей и не стоит, но для себя выводы сделать не грех. Тут Богдану подумалось, что с Андреем эта привычка сыграла злую шутку! Брат неистово выполняет волю отца во всем, и в знакомствах не избирателен. Уж сколько они с Курицыным дружили, а вон как вышло! Нет таких трав, чтоб узнать чужой нрав – так в народе говорят.

– И о какой же? – довольно сухо спросил Богдан.

Мишка пожал плечами, но ответил:

– Чтоб там были приключения. Безвыходные ситуации, погони!

Богдан внимательно взгляделся в Мишкино лицо и все тем же тоном произнес:

– Тебе понравится Жюль Верн.

– Мальчики, потише! Начнем урок. – раздался голос Елены Сергеевны. Богдан тут же потерял интерес к беседе и устремил на учительницу свой взор. – Кто хочет пойти к доске?

Андрей выжидательно притих. Он заметил, как Курицын повернулся в его сторону и скорее почувствовал, чем увидел его требовательный взгляд. Меж тем, Елена Сергеевна продолжала:

– Смелее, ребята. Я не буду оценивать строго!

Конечно, желающих не нашлось. Плотнo скомканный листок бумаги врезался Андрею в плечо:

– Пижон! – шикнул Курицын и мотнул головой в сторону доски. Андрей остался неподвижен.

– Что ж, – учительница раскрыла журнал, – тогда, Никита, иди отвечать ты. Если не силен в сочинении, то оправдай себя устным ответом. Тот замялся и чванливо встал:

– Я не готов отвечать.

Андрей дождался, пока учительница выведет символ в журнале и вскинул руку:

– Можно я расскажу, Елена Сергеевна?

Елена Сергеевна удивленно выгнула брови:

– Конечно, Андрей.

Андрей нарочито не смотрел на Курицына, но краем глаза уловил, как тот осклабился и провел большим пальцем по шее.

Чпок! Кисточка стремительно вошла в тюбик, раздвинув розовую жижу. Кристина поводила ей вверх-вниз и медленно извлекла наружу. Она вывернула губы, чтобы точнее обвести их кистью, сначала нижнюю, потом верхнюю, наконец, обе сразу. Еще несколько движений туда-сюда и губы засияли влажным розовым блеском. Девочка пальцем подправила неточность и вонзила кисть обратно в тюбик – хлюп – наружу, и опять по губам вправо-влево. Она повертела в руках зеркало с придирчивым видом. Сомкнула губы, потерла их одна о другую и приоткрыла ротик. Дрожащая влажная ниточка протянулась на фоне белых зубов, Кристина слизнула ее.

– Влюбился, что ли, Герасимов? – Рита Калашникова хлопнула Мишку по спине.

– Даже не знаю что ответить... – Мишка задумчиво потер подбородок, не сводя глаз с Блаженко. – Любовь рождается в душе, а у меня явно не душа зашевелилась!

– Не мудри. Красивая помада!

– Ох, Марго! – Мишка шумно выдохнул. – В каждой помаде живет крупца дьявола!

– Сразу видно влияние Андрея! – нахмурилась Рита. –

Что ты имеешь ввиду?

– Да, все эти блестящие губы, краска... Все это не делает никого красивее, зато появляется такое чувство... Странное чувство жара... Оно просачивается из самых недр, из глубины... И я словно наэлектризованный! Как бы тебе объяснить...

– Похоть, – подсказал Богдан.

– Да!

Рита взглянула на Кристину Блаженко:

– Какой же ты мерзкий, Герасимов!

Мишка довольно улыбнулся :

– Ладно. Сейчас будет обществознание, как учительница?

– Хо! Огонь! – глаза Андрея сверкнули за стеклами очков. – Магдалина Лаврентьевна Кила.

– Как это так? Кто!?

– Мы зовем ее Могила, – Андрей сбавил голос, – страшная женщина, п-п-просто зверь! Очень строгая, грубая! Натуральная злюка! Лика говорила, как однажды Могила невлюбила одну девчонку – ликину одноклассницу. Сначала шпыняла ее по-всякому, прррридилалась, дергала. П-потом стала заваливать на уроках! А п-п-позже совершенно выжила ее из школы! Девочке так и п-п-пришлось перевестись, п-потому что Могила затыркала ее, а за год светила "двойка"! Главное, совсем не было прррричин для неп-п-приязни, Могила просто выбрала ее своей жертвой! Она избирает одного ученика, чтобы срывать на нем зло и мучить, пока тот не уй-

дет из школы. И, кстати говоря, п-п-последний ее избранник выпустился в п-прошлом году!

– Намекаешь на то, что ей пора искать нового? – спросил Мишка. Андрей задумчиво покивал.

– Но, говорят, у нее память дырявая! – добавил Богдан. – Лика рассказывала, что Могила не запоминает ни учеников, ни отметки. Она приходит в школу только для развлечения, чтобы время убить и поиздеваться над кем-нибудь. А сами уроки ее мало интересуют!

Дверь хлопнула и в класс вошла женщина, плотно затянутая в серое платье. Она была сухенькая, с тугим пучком на голове и пронзительным голосом.

– У тебя началось буйная личная жизнь, Блаженко!?! – ледяной голос, умноженный тишиной, зазвенел по кабинету. Кристина захлопнула зеркальце и спрятала его в карман. – Это всегда легко понять – раз появился боевой раскрас, значит на горизонте мальчик! Все в сборе?

– По болезни отсутствующих нет, – залепетала Рита, – но вот в столовой дежурят....

– Закрой рот, Калашникова! Тебе не давали право слова!

– Но вы спросили, кого нет, а я дежурная...

– Это был риторический вопрос. – Могила одарила Риту брезгливым взглядом и та потупил взор.

– Может тоже начать краситься? – шепнула Рита Богдану.

– Вот еще! Зачем?

– Пусть все думают, что у меня личная жизнь?

– Что за глупость! – нахмурился Богдан.

Могила делает гадости принципиально, решил Андрей! Потому что ее сущность просит этого, потому что она этим живет и дышит! Андрей был готов побиться об заклад, что и в школу она пошла, только чтобы была возможность паковать! Задала домашнюю работу по рядам – доказывать теории происхождения жизни на земле: божественную, научную, космическую. Андрей сидел на втором ряду, следовательно, теория эволюции Дарвина – этого обезьянника! Какая мерзость. Какая пошлость! Андрей хотел было возразить, но одумался. Совершенно ясно, что это бесполезно, все равно, что распугивать муравейник голым задом. Боже, лишь бы отец не узнал!

10

– Я выгляжу, как умственно отсталый! – Андрей надел свои старые очки с круглыми стеклами и закрученными резиновыми дужками, что намертво цепляются за уши. Уши, при том, торчат, да и лицо ощутимо сжато!

– Что поделаешь, других нет! Ты же слышал, что сказали в оптике – необходимо подождать. – Лица понимающе пожала плечами. – Как это случилось с твоими? – она разглядывала смятую в кусок проволоки оправу.

– Они упали, а я наступил. Сл-л-лучайно. – конечно, дело не обошлось без Курицына, но не говорить же об этом сестре!

Видно было, что Лика не поверила, но допытываться не стала. Она отодвинула Андрея от большого зеркала в просторной светлой комнате девочек и стала прихорашиваться. Несколько взмахов пухлой кистью по лицу, помада. Много внимания глазам, серьги, заколка, блузка... Нет. Платье! Изумрудное платье с пышным подолом до колен, атласное, без рукавов – не платье, а чудо! Скромное и роскошное одновременно, прелестный цвет, как замечательно она будет себя чувствовать в нем! Конечно, туфельки. Лика не смогла сдержать улыбку – как же приятно осознавать свою неотразимость!

– Как можно т-т-тыкать себе в глаз карандашом!?

– Шли бы вы отсюда, я буду переодеваться!

Мальчишки молча удалились. Вся эта возня с очками подтолкнула Богдана к одной весьма интересной идее, но он не ринулся сломя голову воплощать ее в жизнь, сперва нужно все обдумать! Поэтому он оставил Андрея у двери их комнаты, а сам отправился на улицу, чтобы побродить по пустынным аллеям и улочкам наедине со своими мыслями. Тем временем, отец Иоанн вошел в комнату девочек.

– Очень хорошо, Ажелика, что я застал тебя за этим занимательным занятием. – Лика крутилась перед зеркалом. – Поскольку именно об этом и пойдет сейчас речь!

Лика закатила глаза и устало что-то проскулила, но отец не услышал. Он заложил руки за спину и принялся расхаживать взад-вперед по комнате издавая мерный шорох своей

рясой.

– Мы множество раз говорили о том, как не престоало выходить из дома! В ярких одеждах и побрякушках ты намеренно привлекаешь внимание к себе. И внимание это дурное! Анжелика, так не годится! Бойся сотворить себе кумира в лице тряпок! Не поклоняйся телу! Украшай душу, а не тело! Выглядишь ты сейчас безобразно, поскольку нацепила срам!

– У меня нет срама! – вспылила Лика. – У людей вообще срама нет! Господь сотворил нас, папа. Мы созданы по образу и подобию его. Стесняться своего вида, значит стесняться Господа, значит сомневаться в нем, в его красоте и милости, в его любви к нам, как к своим детям!

Назревал скандал. Марина отложила учебник и бесшумно спустила ноги с кровати на пол, опасаясь привлечь внимание отца. Но отец уже всецело был занят очередным спором с Ликой, которые всегда так поглощали и тревожили его обычно безмятежный дух! Прокравшись вдоль стены, Марина выскользнула из комнаты и притворила за собой дверь.

– Не передергивай писание! – взвился отец. – Ты понимаешь о чем идет речь – о твоих завлекалочках и фитюльках! Хочешь одеваться красиво, ради Бога! Но скромно! – батюшка Иоанн утер платком лоб и уже сдержанней продолжил. – К чему, скажи на милость, все эти платъица, все эти юбочки, когда они стягивают тело так, что ни вздохнуть, ни слова молвить! К чему туфельки – эти ходули – когда, Бог

видит, ходить в них невозможно! Господь дал нам ногу идеальную, прекрасную! Чтоб и мужчина и женщина ходили на всей стопе и были здоровы и красивы! И откуда только у тебя эти кандалы берутся!? А краска на лице? У молодой девице глазища, как у дьяволенка!

– Папа!

– А ноги?! – продолжал отец. – Ну к чему, ответь ради Христа, всему свету видеть твои ноги!? Зачем выставлять наружу стыдобу!?

– Что тут у меня открытого, папа – руки, шея и пол ноги!? Мне этого стесняться? – Лица здорово была задета. – Скажу так, раз жара на улице, то и приоткрыться не грех! И ноги мои затем виднеются, что стыда в этом нет, и, раз уж погода нас балует, то и солнышку подставиться можно – Божий замысел!

– В университете отнюдь не на солнышке вы занимаетесь!

– Я прилично и скромно одеваюсь, папа! Покуда у женщин есть и ноги, и руки, и талия, значит, зачем-то оно нужно, и не стыди меня этим! А в монашеской мантии я ходить не стану!

– Но я-то ношу и хитон и рясу в зной и мороз! – прогремыхал отец.

– Потому что ты фанатик!

– Ты язвишь, дочка! Повадки твои от лукавого и до добра не доведут! А раз не хочешь по-хорошему, значит дома оставайся и не ходи никуда, позволения моего нет!

Марина ушла в комнату к Андрею, но спор был слышен даже здесь. Что там говорить, это не первый спор Лики с отцом и, наверняка, не последний. Занятно, только она способна взвинтить батюшку Иоанна до криков и ругани и не сдавать позиций при этом! Одна мысль о гневе отца вызывала у младших детей головокружение и трепет, но для Лики это было делом обычным. Хлопнула дверь. Послышались приглушенные шаги отца в коридоре, все ближе к комнате мальчиков, ближе... Дверь распахнулась, Марина затаила дыхание.

– Как объяснишь мне это, дочь? – отец ткнул пальцем в страницу дневника, по которой бежала жирная красная дорожка: " Подралась с новым учеником. "

– Я... Я... Так вышло! Иначе он не понимал!

– Ты же девочка! Барышня! И опускаешься до рукоприкладства! – гремел отец. – Стыдно!

– Этого не повторится!

Отец сунул дневник ей в руки и ушел. Марина тоже вскочила на ноги и понеслась к себе в комнату. Андрей проводил ее сочувственным взглядом.

Лица сидела на кровати, красная от обиды, стиснув руки на груди.

– Если бы не ты, отец и не сунулся бы ко мне в дневник! – разъяренно крикнула Марина.

– Не переживай, тебе не долго меня терпеть осталось! – ответила Лица.

– Ты о чем?

– Я переезжаю! – хитро улыбнулась она.

Марина взглянула на нее с сомнением:

– На второй этаж, в старую комнату Любы, что ли?

– Нет! – у Лики сверкнули глаза. Она нарочито медленно повертела в пальцах браслетик, наслаждаясь нетерпением сестры.

– Лирика!!

– В медвежий угол. В келью!

– Брось! Там невозможно жить!

– По большому счету, да. Но кое-где сохранились весьма приличные помещения! Я давно приглядела одно и довела его до ума!

– Там холодно и сыро! Здание все в трещинах, там ветер гуляет! – Марина просто не могла поверить, что сестра хочет осуществить такую затею.

– Там в каждой келье по печке! В тайне от отца Сашка провел туда электричество – я его упросила! Места мало, но... Но не меньше, чем мне перепадает тут, в нашей комнате на троих!

– Но, извини, Лирика, это же келья! Монашеская!

– Не важно, хочу личное пространство!

– Отец ни в жизни не позволит тебе переехать!

И снова глаза Лики сверкнули и сузились, она лукаво улыбнулась, подошла к зеркалу, поправила волосы, вывернулась, осматривая себя сзади, порадовалась своей красоте

и прошебетала:

– До поры до времени он не узнает, а там... – она неопределенно махнула рукой. – Там мне стукнет восемнадцать! Будем считать, что это такой подарок на совершеннолетие.

– Тем не менее, отец на это не пойдет! Не важно, подарок или нет, он не устраивает сделок!

– Восемнадцать – не простая дата! И подарок должен быть под стать – то, что хочу я, а не очередную захудалую обложку на молитвослов! К тому же, что в этом такого? Всего лишь келья!

– Мы все знаем, к чему дело клонится! – Марина с укоризной глянула на сестру. – Из кельи убежать проще, чем из под неусыпного ока отца!

– Ох, и не говори! – Лика сняла туфельки, взяла их в руки и выглянула в коридор.

– Ты что!?! – изумилась Марина. – Отец запретил тебе уходить!

– А я все равно пойду, – шепнула Лика.

– И зачем только ты взводишь ему нервы!

Лика бросила взгляд через плечо и ее лицо озарила мягкая улыбка:

– Ну я же любя!

Из-под крепких сводов храма на Мишку властно взирал Архангел Михаил. Фреска занимала большую часть потолка.

ка, так что казалось, будто херувим нависает, назидательно склонив голову над мирянами. За спиной на фоне темного неба сильные могучие крылья архангела и развивается алый плащ, а строгий взгляд уверяет, что меч в руках не напрасно! Служба вот-вот должна была начаться, так что в храме было полно народу, Мишка подошел к ребятам, которые что-то шептали друг другу и поздоровался. Марина была в старом сером платке, и, если бы из-под него не высовывались шоколадного цвета кудряшки, Мишка не узнал бы ее.

– Бабушка рассказывала, что ей ее мама рассказывала о силе имени Христа! – шепнул Герасимов. – Однажды, в войну, в город пришли немцы и семья чуть не угодила к ним в руки! Прабабушка от страха позабыла все молитвы и только про себя повторяла: Иисус, Иисус... Им удалось спастись! Прабабка уверена, что помог ее призыв! Это все правда, о чудодейственном имени?

– Хм, Мишка... – задумался Андрей. – Дело в том, что сила в тебе самом, в духе! Не в-важно, как зовут Хртста, п-п-пусть даже Сюзанна – все равно! Вся сила в в-вере, в душе, чистых намерениях ... Герасимов! Чего ты смеешься?

– Сюзанна!

– Тише ты! Тут вообще нельзя хохотать!

К ребятам подошел батюшка и Мишка тут же оборвал веселье.

– Отец, это Мишка Герасимов – наш новый знакомый, – сказала Марина, тронув отца за локоть. Батюшка Иоанн по-

вернулся на зов дочери. Мишка обомлел ! Отец Иоанн оказался большущим бородачом в ризе, с тяжелым взглядом и волевым лицом. Герасимов попытался что-то то сказать, но слова застряли в горле! Иоанн лишь коротко кивнул. Он выудил из складок пышного одеяния старинные часы-медальон, сверился со временем, властно бросил детям последние наставления и ушел.

– Какой он у вас! – изумился Мишка.

– Вы лучше взгляните, кто здесь! – шепнул Андрей и указал в сторону, левее от входа. Ребята обернулись, у канунного стола в бессменной потертой штормовке стоял Лодочник! В руках он держал свечи.

– Сюда ставятся за упокой! – пояснил Андрей для Мишки. Видно было, как Лодочник пробормотал что-то, зажег одну за другой две свечи и поставил перед распятием.

– Ох, две... – срывающимся шепотом пролепетала Марина.

– Он убил двоих! Думаешь это о них он ставит свечи?

– Мишка, видишь, какой у него на лице шрам!?

– Да, его даже отсюда видно! Весь искореженный! Наверное, заполучил его в тюрьме! – Герасимов вдруг передернулся и замолк.

– Что с тоб-бой? – нахмурился Андрей. Мишка качнул головой.

Не отрываясь, ребята смотрели, как Лодочник грузно переместился к иконе Спасителя, перекрестился, снова побор-

мотал и поставил еще свечу.

– А это? – шепнул Мишка.

– За здоровье!

– А можно за себя ставить?

– Можно... – Андрея вдруг охватила жуть и по спине пробежали мурашки. – Хочешь сказать, он о себе хлоп-п-почет!

– Не стыдно!?! – шикнула Люба так, что Андрей вздрогнул от страха. – Церковь – не место для пересудов и дрызг! Позвольте человеку помолиться без ваших обсуждений! – она очень надеялась, что пристыдила младших, хотя и сама, конечно, заметила эти три свечи.

– Неужели он молился о душах своих жертв? – возбужденно забормотал Мишка, когда Люба отвернулась. – Вдруг он сожалеет о содеянном?

– Не сожалеет! П-п-помнишь, я рассказывал о разговоре Сашки с отцом? Отец совсем было п-признался, что Лодочник не раскаивается! Да и разве так можно : убить, а потом молиться! Еще и ставить свечу о себе п-перед Спасителем!

– Нельзя! – заявил Богдан. – Так делать нельзя – это кощунство!

– А вдруг ему это приносит наслаждение! – прошептал Мишка, – Вдруг ему приятно поминать своих жертв – у изуверов всякое принято!

– Мне страшно, – пискнула Марина.

– Скорее всего, он молился совсем о других людях! – поспешил заверить ее Андрей. Вдруг чья-то тяжелая рука упа-

ла ему на плечо, мальчик подскочил на месте и обернулся. Сашка! Бросил сверху многозначительный взгляд и ребята затихли – служение уже началось.

Отец Иоанн вёл службу горячо и с душой. Его голос, зычный, пробегал раскатами грома по сводам церкви, звенел за стеклами икон, насыщался переливами витража и, наконец, достигал ушей прихожан. Во время проповеди отец был исполнен самозабвения и страсти! Его грудь вздымалась, борода колыхалась от могучих речей; он помогал себе руками! Громко и вдохновенно говорил отец Иоанн, не жалея сил, лишь бы донести мысль божию до людей и тронуть сердце. Прихожане любили проповеди батюшки и молча внимали его словам. Но Мишка еле-еле выстоял!

– Как тебе служба? – поинтересовался Андрей, когда ребята вышли из храма в сад. Герасимов запрокинул голову, подставляясь солнышку, поглядел на Андрея и тяжело выдохнул:

– Тошно!

– Что ж... – Андрей с сожалением поджал губы. – Тогда я пойду за удочками. Увидимся у боковых ворот.

– Куда это вы?– удивилась Марина.

– С Герасимовым на рыбалку, – пояснил Богдан.

– А как же Бесплатная трапеза?

– Отец нам позволил!

– А я!?

– Идем с нами!

– Но я не спрашивалась у отца, он не пускал меня!

– Спросись же быстрее, Мишкин дедушка ждать не станет!

Марина завертела головой, отыскивая отца среди людей:

– Отец! – крикнула она, срывая платок с головы. – Отец! –

Батюшка Иоанн беседовал с пожилым человеком. – Отец, можно мне с ребятами на рыбалку!?! – Глаза Иоанна сузились – он был не доволен выкриками и шумом на святой земле, но все же одобрительно кивнул.

– Спаси... – тут восторженный вопль прервался испугом, у Марины перехватило дыхание, слова застряли в горле – рядом стоял Лодочник и смотрел на нее не отрываясь! Его лицо было каменное, как маска, а взор упорным и прямым. Он вперился в Марину долгий, пронзительный взгляд; впился в нее глазами! Пригвоздил к месту! Девочка замерла.

– Бежим! – Богдан дернул сестру за руку и ребята припустили по дорожке к боковым воротам. Прочь, прочь отсюда!

Только когда монастырь остался позади, Богдан и Марина остановились перевести дух.

– Ты видел, как он пялился?

– Да, не отрываясь! Что он хотел?

– Если бы я знала!

Люба навещала Сергея Вячеславовича вот уже неделю, но общение не ладилось. Он был молчалив и скрытен, на вопросы не отвечал, а если и говорил, то односложно и сухо.

Чаще всего он просто уходил и возился на станции, порой давал Любе простенькие поручения по дому, только чтобы она отстала или же уплывал на середину реки с удочкой, туда, где его точно не достать. Люба догадывалась, что Сергею действительно не нужен помощник, а порой и сама недоумевала, зачем ходит к нему! Но потом вспоминала о болезни и со спокойной душой продолжала свое дело. Кстати, болезнь никак себя не проявляла! Люба ничего о ней не знала, но догадывалась, что бывают периоды обострения и спада. Она даже пыталась расспросить Сергея об этом, но в ответ получила молчание. Может он не болен, а дядя просто ошибся?

Благородные замыслы побеседовать с Лодочником о добре и зле таяли с каждым днем. Зато Люба подружилась с Кудряшем! Пес был ласковый и игривый. Люба приносила ему лакомства, бегала с ним, гладила и вычесывала. Кудряшу нравилось внимание, он чуял Любу издалека и встречал приветливым скулежем, однако, стоило Лодочнику двинуться проч от дома, пес бросал ласки и преданно семенил за хозяином. Да, Сергей был скупой на слова, неразговорчивый и мрачный, но Люба не ощущала в нем враждебности. Он не хотел с ней разговаривать, но не был злодеем!

Сергей не отличался рвением к пунктуальности и порядку, поэтому конкретного времени для посещений не сложилось – ему было все равно, когда избегать Любу. Сегодня она пришла во второй половине дня. Дом оказался пуст, Сергей с Кудряшем были на лодочной станции, Люба немного по-

хлопотала по хозяйству и решила спуститься к реке. Еще издали она услышала надрывный лай! Люба присмотрелась и увидела Кудряша, он метался по берегу и истошно вопил, а в реке кто-то бился! Сергей Вячеславович! Люба побежала к собаке, выдумывая на ходу, как бы поудобнее ей взять лодку, чтобы доплыть до места бедствия! Или лучше броситься вплавь? Почему пес не поплыл на подмогу, а рвет глотку на берегу!? В мгновение ока Люба оказалась на месте, и тут заметила, что в реке не только Лодочник, но и другой человек! И тот второй кричит и вырывается, а Сергей тащит его на берег!

– Кудряш, замолчи! – прикрикнула Люба. Пес надсадно заскулил, но замолк, нетерпеливо перебирая лапами на одном месте. Тут же стали слышны плеск воды и грязные ругательства, которые выкрикивал человек, Сергей что-то отвечал, но тихо и неразборчиво. Неожиданно мужичок запнулся и скрылся под водой! Сергей схватил его за куртку, приподнял, закинул его руку к себе на плечо и поволок на берег. Мужичок снова стал вырываться, но уже вяло, нехотя. Он был невысокого роста, с круглой лысиной и усиками под носом, вторая рука болталась плетью, как не живая, да и сам он стал обвисать мертвым грузом. Лодочник упал на колени, мужичок соскользнул с его плеча и снова разразился бранью! Сергей подобрал его и потащил дальше, тут Кудряш не выдержал и ринулся в воду, помогать хозяину! Он вцепился мужичку в рукав и потянул за собой. Послышался треск

разрываемой ткани!

– Скотина! – заревел мужичок.

– Кудряш, кому сказал сидеть на берегу! – огрызнулся Сергей и пес тотчас метнулся обратно. Люба присмотрелась к мужичку и поняла – он совершенно пьян! Она помогла выволочь его на берег. Мужчины повалились на землю. Лысый тут же встал, недовольно забубнил и, шатаясь, побрел вверх по склону. Сергей остался на песке перевести дух. Он дышал тяжело и хрипло.

– Что произошло? – удивленно спросила Люба.

– Подпивший мужик перевернулся на лодке.

– И вы полезли за ним в воду?! Погода холодная, зябко!

– Деваться было некуда. – Сергей с усилием поднялся и побрел к станции.

– Идемте в дом, вам нужно обогреться! – велела Люба.

– Лодку унесло течением, мне нужно ее догнать.

Кудряш запрыгнул в моторку раньше хозяина, послушно дождался Сергея, и вместе они отправились вниз по течению. Люба поежилась на ветру и поспешила в дом. Там она поставила чайник на огонь, затопила печь и стала ждать. Наконец, с улицы донеслось жужжание мотора, а вскоре послышался и грузный топот Кудряша у самого дома.

– Скорее одевайтесь в сухое и попейте горячего чаю! – потребовала Люба, как только Сергей вошел. На удивление, он не стал отпираться и пошел в комнату переодеться. Пес пристроился на полу поближе к печке. Люба нашла малиновое

варенье и подала его к чаю, Сергей молча сел на табуретку и прихлебнул из чашки. Он был очень бледным, грудь сильно вздымалась. Неужели он еще не отдышался?

– У вас есть еще варенье? Оно очень полезное, нужно, чтоб на зиму обязательно были запасы! Есть?

Сергей кивнул.

– У нас дома полно заготовок, я принесу вам что-нибудь!

– Спасибо, не стоит.

– Мы всегда снабжаем стариков или тех, кого посещаем – тут нет ничего такого!

Сергей вдруг как-то резко отодвинул чашку и закричал:

– Что ты ходишь то и дело! Зачем донимаешь меня, кто тебя звал! Мне не нужно, чтоб ты копошилась у меня дома! Уходи!

Нечто странное прозвучало в этом выкрике, что-то, помимо грубости, но Люба не стала вникать. Лодочник сильно задел ее! Она ушла.

Возможно, стоило уйти сразу, в первый же день.

Наверное, человек получает то, что заслуживает. Не только общество отвергает Лодочника, но и он сам отвергает людей. Нельзя забывать, что он убил человека! Сделал это намеренно, и ни чуть не сожалеет – таков был его выбор! Зачем лезть в темную душу убийцы, что там искать!? В конце концов, муки совести – это личное дело каждого и соваться в них не следует!

Одной рукой Саша держал ручку и нажимал на клавиши старого пианино, другой – придерживал гитару. Он выводил себе под нос мелодию, переделывал ее на разный манер, перемежал слова, клавиши и струны. Сейчас он был центром сосредоточия! Напевы – несколько нот – быстрая пометка в тетради. Саша был полностью погружен в свое занятие, захвачен им, увлечен, унесен в другое измерения творческого созидания! Богдан наблюдал это множество раз. Лицо брата становилось глубокомысленно-отрешенным, значит, до него уже не достучаться. Наверно, он даже не слышал просьбу, которую Богдан озвучил несколько минут назад. Мальчик хотел уже повторить вопрос, но Саша повернулся к нему и сказал:

– Может тебе еще тушь для ресниц подобрать?

Кхм... Весьма красноречиво! Богдан поджал губы и ушел. Обед недавно кончился, ужин наступит не скоро, но Лика уже во всю прыть возилась в кухне, наполняя дом теплыми вкусными ароматами. Богдан оперся плечем о дверной косяк и немного понаблюдал за сестрой. Она достала из шкафчика какую-то крупу, приправы, масло, недовольно заглянула в хиленький пакетик с солью, подскочила к блокноту на холодильнике и стремительным легким движением записала в него что-то. Приплясывая, вернулась к плите, чтобы взыскательного потыкать вилкой в содержимое сковородки. Несомненно, Лика пребывала в приподнятом настроении.

– Лика, ты можешь сходить со мной, выбрать линзы? – спросил Богдан.

– Какие линзы?

– Для глаз.

Лика бросила свое занятие и взглянула на брата.

– Ты стал плохо видеть?

Меньше мгновения Богдан искушался солгать, но все же ответил честно:

– Нет.

– Тогда я не понимаю!

– Бывают цветные линзы, – Богдан опустил взгляд, ему вдруг стало очень неудобно говорить об этом, – которые придают глазам любой цвет, какой захочешь!

– Ах, вот оно что! – Лика совсем отвернулась от плиты. – Тебе это не нужно!

– Как раз мне это и нужно!

– Богдан! Подумай, как это противоестественно! Ты будешь засовывать в глаза какие-то штуки, только чтоб другие люди видели в них цвет!

– Уж кто бы говорил! – Богдан перевел дух, стараясь не опускаться до взаимных оскорблений. – Бабушка моего одноклассника перекрестилась, увидя мои глаза.

– Хо! – Лика махнула рукой. – Такое будет происходить часто! – Она наклонилась к брату, зажав сложенные ладони между коленей и светлые волосы волной спали с ее плеч. – У тебя удивительные глаза, – прошептала Лика, – чистые,

искристые, необычные! Если приглядеться, можно заметить легкий серо-голубой оттенок далекого неба! Вот такой же сверкающий бриллиант я хочу на свой пальчик!

И тут, помимо пряных запахов приправ и шкварчащих ароматов жареной курицы, Богдан заметил еще один, подзрительный, чуть слышный!

– Лица, ты что, пьяна!?

Сестра отпрянула от него, прикрывая пальцами губы.

– Нет.

– С ума сошла! А если отец заметит?

Лица бросила на него вороватый взгляд:

– Он никогда не замечает! – она снова стала возиться у плиты.

До встречи с Маратом было еще долго и Богдан зашел к себе в комнату. Он шагнул за порог, но тут же почувствовал напряжение, что витает вокруг, он ощутил вязкий, тягучий воздух, бешенную силу и энергию, бьющую в нем – Андрей сидел за столом, хмурил брови над тетрадь. Воздух словно бился, пульсировал энергией!

– Чем ты так занят? – спросил он Андрея.

– Рассуждаю над сочинением по литературе. – промямлил тот, не вынимая сморщенного пальца изо рта. – Каким я вижу себя в старости... Необычная тема! Ты нап-п-писал? – Богдан кивнул. – И каким же?

– Буду много читать, копать в земле и водить внуков на рыбалку.

– А я хочу ходить в шляпе и с т-тростью. Еще хочу играть в бридж!

– Что это такое?

– Карточная игра, где нужно много думать. Я тут нап-пал на мысль о путешествиях, но... Дотяну ли я до старости с моей астмой – вот большой вопрос! Наверняка, я буду весь больной! Раз уж сейчас еле дышу, то п-потом и по-подавно буду сипеть, как гадюка. Трудности с дыханием приведут к больному сердцу, оттуда рукой подать до гипертонии, диабета и п-подагры! – Андрей откинулся на спинку стула и протер очки. – Еще и ослепну! Если свезет дожить до пенсии, буду сварливым вредным старикашкой. Злыднем!

– Ты нормальный?! – съехидничал Богдан. – Что ты придумываешь себе ужасы!

– Зачем только задают такие темы!

– Чтоб мы подумали о жизни.

– Сам знаю! – Андрей остервенело впился в ноготь на большом пальце .

– Ты решил задачу по математике? – Богдану хотелось отвлечь брата от гнетущих мыслей, что у него и получилось! Андрей мгновенно забыл о сочинении:

– Интер-р-ресная задача, правда? – улыбнулся он, протягивая брату тетрадь.

– Ничего хорошего, – буркнул Богдан.

Желтый кленовый лист взвился на ветру. Богдан подпрыг-

нул и бережно поймал его. Конечно, большинство из того, что он напридумывал о себе в сочинении не правда, но осознание этого пришло только сейчас. Оно явилось нечаянно, неожиданно! Вдруг оказалось, что Богдан совсем не такой в своей обычной жизни, каким представляется в голове! И вовсе он не станет ходить с внуками на рыбалку! Или посещать собрания Зеленого городка, или играть в бридж... Простой обычный старичок так и поступил бы, и было бы это очень правильно и хорошо. Но не Богдан! Перед лицом правды нельзя пасовать, надо признать себя таким, каков ты есть, иначе так и проживешь во тьме неверных иллюзий. А правда в том, что мальчик до дикости замкнут! Любое общение ему в тягость, любое общество гнетет и мучает. Дома, в школе, в Бесплатной трапезе, он желает лишь одиночества! Нет ничего лучше, чем ускользнуть от чужих глаз и погулять одному или почитать книгу, забившись за куст смородины! Речи о внуках и быть не может! Ведь если внуки, значит он будет, худо-бедно, а женат. Совершенно невозможно! Трудно представить, что однажды Богдан так потянется к человеку, что захочет разделить с ним жизнь, отказаться от затворничества. Если начистоту – вряд ли! Вот взять хотя бы Марата. Марат много времени проводит в монастыре, они часто видятся, разговаривают, играют в шахматы – сейчас Марат попросил о помощи и Богдан тут же готов ее оказать. Бесспорно, они друзья. Но жажда одиночества сильна, она так и тянет в пустынный угол! Ну и что теперь, не любить

себя? Поломать в угоду окружающим? Еще чего! Придется принять себя таким, как есть; осознать, понять, думать о себе не как о далеком образном человеке, а как о конкретной личности, вместе с тем, что она в себе несет! Богдан никогда раньше об этом не размышлял, даже не догадывался! В детстве кажется, что все люди примерно одинаковые. Все знают о добре и зле, о хороших поступках и плохих, все учат вежливые слова и стараются повернуться лучшим боком. У людей по две руки, две ноги, два глаза, голова на плечах – люди похожи внешне, значит и в голове одноименные черты. Ха, как бы не так! Вот он, Богдан, и совсем он не похож на других людей, даже на своего брата, с которым они живут и растут вместе тринадцать лет! И совсем по-другому он видит мир, жизнь и то, что происходит вокруг; отражает, воспринимает все по своему, делает свои выводы; совершает свои поступки и говорит свои слова; мыслит своим разумом, чувствует своей душой! Ведь далеко не каждый берет на себя смелость думать и поступать по-своему! Тут вдруг Богдану показалось, что он обладает каким-то сокровищем! Он почувствовал порыв необычайной любви к своим странностям! Захотелось лелеять, баловать и лобзать свои причуды, играть с ними, качать на руках, как маленького ребенка! Даже смешно! И уже не кажется таким страшным то, что глаза без цвета, и что манеры отшельника! И жить ему бобылем – ну что поделаешь, раз так хочется, раз это близко! Посему, будет он в старости жить один, сам по себе, мо-

жет с собакой. Будет читать и рыбачить один, гулять по лесу. Будет доставать из внутреннего кармана флягу с горячительным и прикладываться к ней, когда вздумается! А дом будет стоять где-нибудь на отшибе, обособленно и уединенно. Как-то все слишком напоминает Лодочника... Но Богдан уже предвкушал, как это будет замечательно! Тем не менее, не писать же об этом в сочинении, чтоб его прочла полная жизни Елена Сергеевна и ужаснулась! Наверняка она решит, что Богдан замученный и уставший, раз думает такое; захочет поговорить с родителями. Разумеется, Богдан не скажет ничего маме и отцу, а если учительница станет настаивать, то он позовет Лику. Почти наверняка, Елена Сергеевна удивится, почему сестра, а не родители, но ребята растолкуют ей, что дома так принято и она понимающе кивнет. Тихонько закроется в классе и поговорит с Ликой, потом сестра выйдет в задумчивости. Перепугается, что плохо влияет на младших, припомнит то, как Богдан почувствовал запах спиртного на кухне, возможно обвинит себя! Скажет, что в действительности никто не пишет то, что думает, а пишут, то что уместно написать и прочитать, и, чтоб избежать подобных конфузов, не стоит вываливать все мысли в тетрадку. А в старости хорошо бы о душе подумать... Вот еще странное дело! Почему в молодости думают о теле, а в старости о душе? И как люди это делают, что они имеют в виду под этим!? Какие-то очищающие ритуалы, молитвы? Душа не продукт жизнедеятельности, а самое живое, что есть в человеке и

думать о ней надо всегда, а не только в старости! Когда век за плечами, о чем уж тут думать! Это надо делать раньше – когда бушует страсть и разрывает горе, когда колет совесть и снедает порок, когда отводишь взгляд от нищего на паперти или кладешь манеты ему в кружку; думать надо пока душа растет, пока не заостенела и не зачерствела, пока она еще может принять изменения и искупить грехи. В старости уже поздно, пожалуй!

Марат жил в многоквартирном доме на широкой улице. Он еще не вышел, так что Богдану пришлось немного подождать. Несмотря ни на что, мальчик собирался стать волонтером и сегодняшний поход к старикам – хорошее начало. Однако, от волнения тянуло живот! Богдан не мог стоять на одном месте и мысленно поторопил приятеля. Марат всегда ходил медленно. Наверное, это из-за горба, с ним не разгонишься. Трудно ли ходить, когда спина изогнута во всех направлениях и тащит на себе костный нарост? Богдан попытался представить себя на месте Марата, он огляделся вокруг – улица нелюдима – выгнулся дугой вправо, подался вперед и, согбенный, заковылял. Ничего особенного. Хотя... Возможно, Марат мучается болями. Наверное, когда несгибаемая сила болезни мнет спину изнутри – это очень даже больно!

– Ты очень чувствительный мальчик, верно? – Тетя Тама-

ра – радушная полная армянка – протянула Богдану чашку с горячим какао.

– Вовсе нет! – Богдан старался, чтоб голос звучал ровно, и не был похож на лепет новорожденного птенца, как пятнадцать минут назад. Он взял напиток и поблагодарил. Его дыхание уже пришло в норму, но в голове еще оставалось ощущение бестолкового надутого пузыря. Мальчик уже успел возрадоваться природной бледности своего лица – хоть это черта не выдает его состояния. Какао обжигало! Это оказалось довольно приятно. Бархатистый напиток нес в себе спокойствие, мягкость и вскоре Богдан почувствовал, как волнение отступает. Он даже осмелился расслабить пальцы, которые сжимал в кулаки, чтобы скрыть дрожь. Да, он немного понервничал, но... Пф! Это же не значит, что он чувствительный мальчик!

– Если ты оклемался, то пойдем ко мне в комнату, – с улыбкой предложил Марат. Богдан еще раз поблагодарил тетьку Тамару и пошел вслед за другом. Комнату освещала только настольная лампа, но большего и не нужно – Богдан и так знал тут все наизусть. Особенно привлекательным был книжный шкаф во всю стену. Марат всегда позволял Богдану выбрать что-нибудь почитать, и сейчас мальчик впился взглядом в полки. Вскоре выбор пал на книгу с золотыми буквами на корешке. Богдан взял ее в руки:

– Эта хорошая? – спросил он Марата. Марату требовалось подойти почти вплотную и прищуриться, чтоб разгля-

деть название.

– "Три товарища"! Конечно, хорошая! – улыбнулся он. Богдан посмотрел Марату в глаза – за стеклами очков они казались огромными. Удивительно, но Богдан никогда не пытался прятать свой белый взгляд от Марата. Он попросту не стеснялся! Чего стесняться, когда у Марата горб! Вдруг, Богдана хлестнуло чувство стыда! Он поспешно опустил взгляд и притворился, будто рассматривает книгу. Как же получается, он не дичится своих глаз рядом с Маратом только потому, что Марат еще больше уродлив, чем он? Рядом с горбом бесцветье глаз уже не столь срамно? Так? Или не стыдно, потому что Марат друг? Но ведь и Андрей друг... Бешеной гидрой взвились стыд и омерзение к себе! Богдан вскинул взволнованный взгляд и спросил:

– Марат, как ты живешь с горбом?

Вопрос захватил врасплох и Марат несколько секунд простоял ошарашенным, но потом всего лишь пожал плечами.

– Сначала, когда я только узнал о болезни, было очень тяжело. – медленно начал он. – Я все возненавидел, был зол! Со временем мне удалось осознать, что меня ждет неминуемая смерть от болезни, я даже смирился с горбом и внутри что-то перевернулось! Можно сказать, что я влюбился в жизнь, когда понял, что умираю! Я преодолел отвращение от собственного уродства и теперь стремлюсь жить. Я хочу сделать что-то, представлять из себя что-то! Понимаешь? Я остро осознаю значимость и прелесть жизни! Вокруг столь-

ко красоты, что можно быть счастливым лишь от того, что ты живой! Отведено мне немного, поэтому надо постараться все успеть. Понимаешь? К тому же, думаю, все это со мной не так страшно.

– Не страшно!?! – изумился Богдан.

– Ну да. Есть кое-что и похуже! Посмотри хотя бы на моих родителей – им же еще тяжелее!

– Как это?

– Они видят, как меня перекашивает день ото дня, мучаются, но ничего не могут поделать!

Богдан снова опустил взгляд, но тут же поддался неожиданному порыву и метнулся к Марату:

– Марат, прости меня! Прости, пожалуйста!

– За что?

– Ну, мало ли...

– Эээ, чудишь! – Марат похлопал его по плечу. – Ты, видно, не отошел еще от своего вечернего приключения!

– Да, пора домой. – Богдан направился в прихожую.

– Я тебя провожу.

– Нет, спасибо! Я немного проветрюсь.

– Как знаешь. – Марат протянул Богдану ладонь для рукопожатия и тот вцепился в нее, как очумелый. – Я приду завтра в монастырь. Сыграем в шахматы?

Богдан улыбнулся:

– Идет.

На улице похолодало, накрапывал дождь. Прекрасная по-

года, чтоб привести мозги в порядок. Ни к чему Марату болтаться вечером под дождем, Бог знает, как повлияет это на его кости! Но, главное, Богдан не мог больше выносить на себе этот добрый взгляд, он так и чувствовал свою подлость и низость. Он чувствовал себя гадиной, изменником! Как там говорит Герасимов... Гнидой!

Марина валялась на ковре и хохотала, как истеричка! Издаваемые ей вопли уже перестали походить на смех, к ним примешивалось совершенно невероятное бульканье, влажные горловые звуки, протяжный клопочущий стон, хрюканье, писк, и, кажется, вой. Безудержные приступы веселья иногда находили на сестру, поэтому происходящее не казалось чем-то их ряда вон. Наконец, Марина бухнулось лбом о ковер и затихла, чтоб перевести дух. Нет, пока Андрей лицезреет это с завидным постоянством, никто не сможет убедить его в том, что женщины – нежный пол.

– Я немного недоп-п-понял, расскажи еще раз. – сказал он Богдану.

– Мы с Маратам пришли в дом к старикам – бабушке и деду. Они много болтали, как часто делают старики, все хвастались старым купеческим самоваром, что стоит у них на подловке, просили за ним слазить. Ну, я влез наверх, а там темень, хоть глаз выколи! Свет, конечно, не работал. Под ногами что-то мягкое и трухлявое. Стою и ума не приложу, как там что-нибудь отыскать!? Но самовар – не иголка, ре-

шил, найду его на ощупь, пошел по чердаку и буквально через несколько шагов наткнулся на что-то жесткое и длинное. Прямо посередине стоит. Я стал это трогать, да и глаза потихоньку привыкли к темноте – что-то деревянное, а внутри сукно, не разобрать... Старый шкаф? Тут меня словно ледяной водой окатило – я сунул руки в гроб! Шарахнулся со страху, запнулся пяткой и упал! Упал тоже на что-то твердое и неровное. Сижу, ощупываюсь вокруг – опять сукно! Вскочил и пулей с подловки! Сказал, что нет там самовара! Со- врал. Но меня уже трясло от жути! Сумасшедшие – хранить гробы на чердаке! Никогда не знаешь, что у людей на уме. Больше не войду в чужой дом!

– Выходит, ты упал во второй гроб.

– Выходит, так.

Марина забилась на ковре с новой силой!

– Мне это вовсе не кажется смешным! – одернул ее Богдан.

Андрей только махнул рукой:

– У нее припадок.

– Может ты в гробу еще что-нибудь нащупал? Скелет? – послышалось сквозь смех. Богдан решил, что не опустится до ответа.

– Ладно, пора спать. – сказал Андрей, расстегивая рубашку. – Марина, доброй ночи! – недвусмысленно добавил он.

Марина, покачиваясь, отправилась на выход:

– Как славно перед сном проржаться!

– Послушай, Андрей, – Богдан натянул одеяло до самого подбородка и подложил ладонь под щеку, – сегодня я слышал, как старушенция рассказывала Марату о своей невестке. Они очень любили ее и всячески привечали в своем доме. Всегда готовили вкусенькое к приходу детей, подавали все с пылу с жару, старались угодить! Но однажды выяснилось, что она была не верна своему мужу – их сыну! Но тот простил ее. А вот бабушка не смогла! Сын строго настроено велел родителям вести себя с женой как раньше и никогда не вспоминать о измене. Родители повиновались. Но старушка уже не могла относиться к невестке по-старому! С тех пор, когда сын с женой приходили в гости, она все так же радушно им улыбалась, так же вкусно готовила, но только для сына, а ей подсовывала что-нибудь вчерашнее, залежавшееся, заветренное. В этом состояла ее месть!

– Ну и что? – спросил Андрей с нижнего яруса. – Есть вещи и п-п-пострашнее вчерашней яичницы – тут уж кто во что горазд! К счастью для женщины, у старушки воображение хромает!

– Но ты не слышал, как она говорила! Как горели ее глаза! Сколько яда было в голосе, сколько злости! Старушка просто захлебывалась желчью! – Богдан поднялся на локте и посмотрел вниз на брата. – Как думаешь, это может считаться злым поступком или нет?

Андрей задумался.

– В заветренных макаронах нет ничего злого. Или в остывшем супе, или в п-простокваше. Скажу больше – ни в дохлой птице, ни в инфекционных заболеваниях, ни в лесных п-пожарах нет ничего дурного, точно так же, как в первом снеге, ростках или радуге нет добра. Это не более, чем естественность! Добро и зло живут только в человеческой душе, а вне ее они не существуют; так что мы сами наделяем предметы нужными нам качествами, оружие – злом, а п-п-плюшки – добром. Наши поступки говорят о по-по-порывах души, так что, я думаю, если старуха намеренно стремилась сделать гадость, то это считается дурным делом.

– Думаешь, поступок можно считать злым только потому что она исходила из гнусных побуждений?

– Именно.

Богдан на минуту притих:

– А я считаю, что ничего в нем не было. Ведь это же мелочь! Сам посуди – какая месть может заключаться во вчерашних макаронах! И сколько б старуха ни свирепствовала, ее выходка ничтожна!

– А если бы она задумала убийство, а оно не удалось – это тоже не злобное дело?

– Уф!

– В любом случае, старушка та еще пройдоха и хорошо, что мозгов ей хватило только на вчерашнюю яичницу!

– Видимо, раз Бог не дал ума, то это не случайно.

– Не забудь, что у н-нее гроб на чердаке хранится!

– Андрей, я никогда в жизни это не забуду!

12

Дома было тихо, но за окном бушевало ненастье! По крыше барабанил дождь, поднялся и завыл ветер, бросая жесткие капли в окно, в небе гремело. И среди этого вдруг послышался скрежет! Люба прислушалась, но звук пропал. Она не боялась грозы или непогоды, однако, иногда природа умеет навести жути! Снова скрежет – странный звук! Может ветер треплет ветку о стену дома? Раньше такого не было. Люба посмотрела в окно, но мрак стоял непроглядный, виднелись лишь струи воды на стекле да желтый фонарь у дороги. Краем глаза Люба заметила какое-то движение у дома! И снова скрежет! Она ринулась к двери и заперла ее до последнего оборота замка, но тут скрежет стал настойчивей, перерос в стук и неразборчивый зов! Люба выключила свет и прижалась к окну в прихожей. Кто-то невысокий метался у двери! Собака... Кудряш! Люба отперла дверь и высунулась. Пес взвизгнул, завилял хвостом!

– Ты что здесь?

Значит, и Лодочник здесь же. Зачем он пришел? Он же сам прогнал Любу. По спине пробежал холодок...

– Сергей Вячеславович! – осторожно позвала Люба. Она вышла на крыльцо посмотреть вокруг – было пусто, только Кудряш нервно топтался и скулил. Люба хотела погладить

его, но пес рванулся к воротам, сел там и стал таращиться на Любу.

– Кудряш! – позвала она. – Иди ко мне, Кудряш!

Пес подбежал к ней, лизнул ладонь и снова бросился к воротам. Он уже изрядно промок от дождя, шерсть обвисла и испачкалась, но собака не тянулась в дом. Кудряш сидел у калитки, просяще перебирал лапами на влажной земле и скулил. Зовет – догадалась Люба!

– Куда? – крикнула она. – Что-то случилось? Куда идти?

Кудряш почувствовал, что его понимают и пуще заметался! Он заскулил, завыл, снова отбежал к воротам! Люба схватила плащ, черкнула записку для мужа и выскочила под дождь за собакой. Кудряш припустил по дорожке и быстро скрылся из виду, но Любе не нужен был провожатый, она и так знала, что надо идти в домик у реки! Пес иногда возвращался, подгонял ее, Люба и сама торопилась. Вскоре, они прибыли на место. Кудряш, похныкивая, прошел за калитку. Люба – за ним. Дом стоял темный, окна не горели, но дверь оказалась приоткрыта. У Любы засасало под ложечкой! Она поспешила войти и зажгла в прихожей лампу.

– Сергей Вячеславович! – негромко позвала она. Ответа не последовало. Пес, поджав хвост, прохлюпал мокрыми лапами в комнату. Вдруг стало страшно! Сердце забило быстрее, руки отяжелели, но Люба прошла за собакой и заглянула в комнату. Там стоял мрак, было тихо, лишь какой-то неуловимый звук... Люба распахнула дверь и полос-

ка света упала на кровать. Сергей лежал поверх покрывала, прямо в одежде, и тяжело дышал! Люба бросилась к нему:

– Что случилось?

Ответа не было. Он спал. И во сне вздыхал болезненно и громко, но не так, как Андрей в приступе удушья – от астмы дыхание сухое, оно свистит, а тут словно хрипит и клокочет! Люба тронула Сергея за плечо и даже сквозь грубую ткань свитера ощутила жар и неровную дрожь! Она прикоснулась ко лбу – горячий, с испариной! Волосы слиплись от пота, над губой выступали мелкие капельки, одежда взмокла! Лицо бледное, бесцветное, веки воспалены, сизая щетина покрывала щеки. Люба щелкнула выключателем, Сергей Вячеславович заворочался от яркого света, но веки не разлепил. Тут она заметила в его руке окровавленную тряпку. Ранен? И на подушке кровь! Люба решила осмотреть Лодочника – сначала голову, руки, потом задрала свитер. Какой же он худой! Плечи торчат, рёбра выделяются под кожей жесткими дугами! В плотной штормовке это не бросалось в глаза! Но где же рана? Тут Сергей шевельнулся и приоткрыл глаза – взгляд был туманный, больной. Он что-то пробормотал – Люба не поняла – и уронил голову на другую сторону.

– Сергей Вячеславович! – Люба постучала его по щеке, чтобы привести в чувства, он снова шевельнулся и заговорил, быстро и неразборчиво. – Что? – переспросила Люба. – Что с вами?

– Соня...

– Нет же, это я, Люба! – она наклонилась, чтобы услышать тихие слова Лодочника.

– Прости...

– За что простить? – удивилась Люба.

– Прости нас...

– Вас?

Тут Люба заметила красную полоску на сухих губах и догадалась! Словно в подтверждение, Сергей разразился долгим, тяжёлым кашлем. Приступ оказался затяжной, мучительный, от него рвались грудь и горло, Лодочник конвульсивно дергался в беспомощности, яростно выплевывая воздух, который не успевал вдохнуть! Наконец, отпустило. Сергей изнуренно откинулся на подушку и отдышался сквозь влажно-клокочущую мокроту. Он попытался поднести тряпку к лицу, но рука, в бессилии, упала на кровать – из уголка рта на подушку сбежала струйка крови. Люба ахнула и отпрянула назад. Чахотка!

Люба заметалась по комнате: схватила стакан – пуст, поставила; чистое полотенце, чтобы стереть кровь, стерла; компресс... Нет! Сначала надо сменить влажную одежду на сухое белье! Она бросилась к шкафу, отыскала чистую рубашку, отдуваясь, стянула с Сергея свитер и одела его в новое. Потом укрыла одеялом.

– Сергей Вячеславович, где у вас лекарства? – Люба потрясла его за плечо, но ответа не было. – Сергей Вячеславович! Сергей, где лекарства? – Люба снова пошлепала его по

щекам, но тщетно, он не пришел в себя. Что же делать?! Люба кинулась к окну, открыла его – ведь нужен свежий воздух! Потом побежала в кухню, намочить компресс; намочила, приложила ко лбу! На улице гроыхнула гроза, в комнату ворвался ветер. Люба закрыла окно – можно ли, чтоб было влажно и прохладно? Дома тепло, но может печь растопить? Люба не знала. Она снова подбежала к Сергею, обтерла мокрой тряпицей ему лицо и шею, уложила компресс обратно на лоб и села. Тотчас вскочила, отыскала градусник, сунула больному подмышку. Вскипятить чаю! Люба метнулась на кухню, зажгла плиту и вернулась к Сергею. Стала ждать. Он снова залепетал, невнятно, быстро! Люба наклонила ухо к его губам и прислушалась:

– Соня, прости их... Мы не подумали... Соня... Соня, стало хуже, никто не думал...

– О чем вы говорите? За что простить?

– О тебе никто не подумал... Соня... – и почти крикнул: – Соня!

– Ну что вы, что вы! – Люба погладила его по плечу. – Все хорошо! Здесь только я и Кудряш, а вы совсем бредите!

Сергей обмяк, но продолжал бормотать, только тихо и вообще не понятно. Сначала Люба еще старалась разобрать слова, но он говорил сумбурно, невнятно, так что она оставила попытки – в конце концов это бред, а значит ничего важного. Люба снова вскочила, чтобы найти лекарства. В шкафу, в комодe – пусто. Тут Люба припомнила, что искала бинт в

первый день и заглянула в коробку над раковиной. Там что-то было, но мало и знать бы что нужно! Засвистел чайник, она заварила горячего чаю, но как напоить? Лучше дать просто воды! Люба приподняла голову Сергея и поднесла стакан к сухим губам. Дрожью он расплескал немного, но отпил. Немного погодя отпил еще и словно успокоился. Но потом рванулся, хватил Любу за руку и ясно отчеканил:

– Возьми плоскодонку, коли поплывешь!

– Непременно! – Люба мягко уложила Сергея на подушку. – Ни о чем не волнуйтесь.

– Не разводи битум, не смоли... Пройдись по днищу канифолью... Оно не благо муторно, почище будет... – добавил он и послушно улегся. Ох... Только спустя минут сорок суетливых метаний и компрессов Люба догадалась вызвать скорую помощь!

Ехали долго.

Наконец в дом ввалился хмурый фельдшер и протопал в комнату:

– Что тут?

Люба сбивчиво объяснила ситуацию. Дядечка поставил на стол чемодан и выудил из него принадлежности:

– Какая температура? – Но Люба совсем забыла о градуснике, он давно провалился под рубаху или в недра постели. – Что вы мне голову морочите! – вспыхнул фельдшер. – Первым делом измеряют температуру! На что же мне опираться!?

– Есть ли разница, какая температура, когда видно, что очень высокая!

Мужичок присел на кровать и стал недовольно осматривать Сергея Вячеславовича. Любе показалось, что она уже видела этого дядечку прежде, но не могла припомнить где. Может, прихожанин? Впрочем, городок маленький, так или иначе, а все пересекаются. Тем временем фельдшер залез в свой чемоданчик, извлек лекарства и сделал Сергею два укола. Потом дал Любе листочек с рецептом и отправился на выход .

– Это все!?! – изумилась Люба.

– А что еще? – пробурчал мужичок.

– Он же совсем плох! Возьмите его в больницу, нужно лечение!

– С ним ничего страшного.

– Как это?! У него жар, бред, он харкает кровью! Сделайте что-нибудь!

– И так оклемается, – пробурчал фельдшер. Люба видела в его лице безразличие, тягость и это вывело ее из терпения. Она подскочила к мужичку и вскрикнула:

– Это все из-за слухов, да! Все из-за того, что в городе болтают!?! Это же вранье, а вы давали клятву!

Фельдшер устало вздохнул :

– Выбрось ты эту бешеную романтику из головы, деточка! Мы живем в реальности, сейчас! Что за охота тебе вошкаться с душегубом?

– Но... Что же мне делать? Самой везти в больницу? Но он неприподъемный, я не справлюсь! Дайте уколы, лекарства!

– Я написал на листочке рецепт, – сухо ответил мужичок.

– Это утром, а сейчас?

– Больше ни чем не могу помочь.

– Пойдите! – взмолилась Люба. – Взгляните сюда, может есть что подходящее? – она вытрясла коробку с таблетками на кухонный стол. Фельдшер нехотя поелозил руками по скудной горке.

– Это пойдет, – он откинул в сторону серую упаковку и пошел к двери.

– И только-то! Он же страдает!

– Ну, помолись! – раздраженно крикнул мужичок. – Сделай ему припарку святым духом! А я поехал.

Люба кинулась наперерез и преградила дверь:

– Я не пущу вас!

– Не надо устраивать сцен!

Кудряш подорвался с места к Любе на подмогу и ухватил мужичка за штаны.

– Убери псину!

– Кудряш, фу! – Люба замахала руками на Кудряша и отбежала от двери. – Видите, даже собака понимает, что человеку нужна помощь!

– Да, сейчас каждый считает своим долгом говорить гадости про врачей! – взъелся мужичок. – Мол, каждая собака умнее их!

– Дело не в том, кто умнее, а у кого есть душа!

Штанина затрещала и порвалась:

– Тьфу, дрянь! – фельдшер пнул Кудряша, тот взвизгнул и отлетел. – Который раз дерет на мне одежду!

Тут Люба вспомнила, где видела этого человека – это же тот самый мужичок, которого Сергей вытащил из воды на-медни!

– Это же вас Сергей Вячеславович вынул из реки! Вы были так пьяны, что перевернулись на лодке и чуть не утопи! Сергей спас вам жизнь!

Мужичок не ответил, но было и не нужно.

– Сергей полез за вами в холодную воду и застудился! Из-за вас он в бреду, а вы показываете пятки!

– Посторонись! – уже совсем другим, грубым, голосом потребовал мужичок.

– Стой, вражина! – Люба снова перегородила дверь.

– Дамочка! – фельдшер покрутил пальцем у виска, но Люба не двинулась с места. Тогда он решительно шагнул к ней и просто отодвинул в сторону.

– Куда... Куда же... – Люба не могла поверить, что он уходит! Она смотрела фельдшеру вслед – тот засеменял под дождем и поскорее забрался в машину. Зарычал мотор. Люба выскочила из дома, размахивая маленьким кулачком:

– Нехристь окаянная! Бандит!

Но машина уже удалялась. Кудряш рванулся вослед с лаем, но Люба позвала его.

– Идем, Кудряш! Они уехали, а Сергей Вячеславович ждет нас.

Люба вернулась в дом, прихватила с кухни остывший чай и села возле кровати. Сергей словно успокоился. Он больше не метался в постели, унялись дрожь и бред, он тихо уснул. Наверное, с уколов полегчало. Люба не знала что ей дальше делать. Хотелось пойти домой, отдохнуть, а утром вернуться уже с лекарствами. Но будет ли Сергей спать до утра или лихорадка скоро вернется? Как обычно люди поступают в таких ситуациях? Прислушавшись к внутреннему голосу, Люба решила остаться.

Неожиданно раздался стук в дверь! Люба поторопилась отворить – вдруг, это скорая вернулась! Но на пороге стоял Артем. Он стремительно вошел в дом и недовольно заозирался.

– Что стряслось? Почему ты торчишь тут среди ночи!?

– Тссс! – Люба прижала палец к губам. – Сейчас объясню!

Она рассказала мужу все по порядку и провела его в комнату. Вскоре, они уже вдвоем сидели у постели больного.

– Он не имел права уезжать! – возмутился Артем, когда услышал про фельдшера. Люба пожала плечами:

– Но он уехал! – она немного помолчала и добавила. – Ты знаешь, думаю именно поэтому Сергей Вячеславович меня прогнал – он почувствовал, что приступ близко!

– Какая глупость! Зачем выгонять единственного человека, который хочет тебе помочь!

– Далеко не каждый может выказать свой недуг перед посторонним! Некоторые готовы всю жизнь страдать молча, только бы спрятать слабые места!

Артем вздохнул. Он предложил жене отправиться домой, но Люба отказалась. Так они и остались, по очереди смачивали компрессы и сдували пылинки с Лодочника – за тем и прошла ночь.

13

Было сонное утро, может быть поэтому Андрей прошел мимо Курицына, а тот его даже не тронул. Но что-то странное просквозило во взгляде Никитки, что-то ядовитое – впрочем, теперь это его обычный взгляд. Андрей неторопливо преодолел коридор и вошел в класс. Со всех сторон слышались смешки и перешептывания, которые он сперва не заметил, но тут кто-то с силой пихнул его в плечо:

– Чижов – звезда печати! – с издевкой крикнул Прихвостень Аникин. Андрей устало вздохнул:

– Чего тебе еще? – он поднял взгляд и увидел, что на доске приколот газетный лист. Андрей вздрогнул, решив, что это та самая вырезка, ринулся вперед, но, в тот же миг понял – это совсем другая страница. "Порция милосердия", прочитал Андрей. А в центре – фотография изображает, как он, засучив рукава, усердно черпает половником из большого чана на фоне внушительной очереди из бездомных. Газетчики все же сочинили статью!

– Официант! Прислуга... – Аникин подбивал класс на издевку! Ребята прекрасно отзывались на подстрекательства и вот уже отовсюду летели хихиканье, колкие взгляды, подковырки и улыбочки.

– Они тебя тоже угощают? Из чего там суп сварен.... из очисток? С каждым лично знаком....

Удивительно, подумал Андрей, как легко человек перестает быть личностью и вливается в общую людскую массу! В глупую толпу! В ватагу! И как легко потом направить всю эту свору в нужное русло, особенно, если обладаешь звучным голосом здоровяка. Среди какофонии звуков выделился особенно колкий смех, Андрей увидел в дверях Курицына и выскочил из класса:

– К чему это глумливое лицедейство, Никитка!? – Курицын лишь злее рассмеялся:

– Я задел тебя за живое?

– Замучили твои бесп-п-п-почвенные нап-падки! Для чего это, ответь?!

– Чтоб ты не забывался.

– Ты же сам все п-п-прошлое лето п-п-пр-пррроторчал со мной в Бесплатной трапезе! П-п-п-ппп...

Курицын сделал резкий выпад вперед и прижал Андрея к стене:

– "П-п-п-ппп"! – передразнил Курицын. – Языком подавился? Сейчас помогу! – он схватил Андрея за галстук и затянул узел сильнее ...

– Сдурел!

... сильнее, еще сильнее. Узел пренеприятно вдавился в гортань, Андрей почувствовал, как напряглись вены на шее, к лицу прилила кровь. Он вцепился в Курицына, но кто-то отвел его руки мертвым хватом.

– Строишь из себя красавчика, а возжаешься с бомжатиной! – выдохнул Никитка Андрею в лицо. – Отпущу, когда признаешь, что ты занюханный пижон!

Андрей ни проронил ни слова.

– Не слышу! – крикнул Никитка. – Твоя реплика, Чижов – "Я занюханный пижон", говори же!

В груди слишком знакомо стал стягивать ледяные цепи приступ астмы, в ушах пульсировала кровь, горло саднило, но мальчик молчал.

– Сфотографируй, – скомандовал Курицын и протянул Аникину телефон. И с нажимом: – "Я – пижон и хлюпик"!

"Странгуляционная борозда" – пронеслось в голове у Андрея. Тут в поле зрения возник Герасимов и Курицын повалился на пол. Андрей, с кашлем, оперся о колени и припал к ингалятору. Богдан помог ему ослабить узел, но мальчик содрал с себя галстук и запихнул его в карман.

– Кто просил тебя соваться, новенький! – встрял Аникин. Мишка сделал резкое движение, и тот оказался на полу рядом с Курицыным.

– Опасайся, Герасимов! – вскочил Прихвостень и направился к Мишке. – Без году неделя в нашем классе, а уже руки

распускаешь! Нам с тобой хорошо известно, чем это может кончиться!

– Нечего пугать меня длинным языком! – рыкнул Мишка и припер Аникина к стене. – Я знаю, что ты таскаешь у своей матери сигареты, я видел, как ты обхаживаешь ее сумочку! Так что и мне есть, что рассказать!

Прихвостень толкнул Мишку в грудь, хотя наглости в миг поубавилось:

– Какая разница, расскажешь или нет – все одно, тебе дорога в обезьянник!

– В таком случае, и мне все равно, лишь бы тебе плохо было! – Мишка ощутил, как сами собой сжались кулаки, но тут Андрей тронул его за плечо:

– Идем, Мишка, не разоряйся на него.

Герасимов нехотя послушался и сделал неверный шаг к классу.

– Беги, Герасимов! Тебе ничего другого не остается! – хотнул Аникин.

– Ну, паскудник, берегись! – хлесткий выпад вперед, но Андрей снова схватил Мишку за локоть:

– Он просто тебя дразнит!

Аникин злорадно рассмеялся.

– Смердячая сволочь! Прихвостень! – не унимался Мишка, пока Андрей тащил его в класс.

– Лохмано! – крикнул вдогонку Аникин.

Богдан сорвал газету с доски и скомкал ее в тугий шар.

Мишка плюхнулся на свое место, потирая кулак:

– Ух! Когда-нибудь я втащу этому гаденышу! – утешал он себя.

Андрей снял очки и основательно протер их, пытаясь возродить загубленное самолюбие. Никитка здорово надоел за последние дни, что же будет дальше!?

– Не обращай на них внимания, Андрей! – вдруг услышал он вкрадчивый голос за спиной – Дашка Шестакова с мудреной прической из косичек. – Это была лишь неудачная попытка тебя очернить!

– П-п-попп-ппытка как раз удалась!

– Не принимай близко к сердцу! Слабаки всегда тянут вниз тех, кто сильнее, так легче пережить собственное ничтожество! – Андрей удивленно повернулся и посмотрел ей в глаза. У Дашки были светло-зеленый глаза, под ними веснушки ... – Ты решил задачу?

– Ах, вот что! – Андрей протянул ей тетрадь.

– Я просто свериться! – Дашка взяла ее и юркнула к себе за парту. Андрей пригладил медные волны на голове, оправи пиджак, одел очки и тут же нарвался на колючий взгляд Курицына. Неужели он еще не истратил всю сегодняшнюю злость!?

Сегодня легкая персиковая блузка и брюки из плотной ткани. Елена Сергеевна стремительным вихрем летала по классу, раздавала сочинения, и говорила приветливые сло-

ва ученикам. Богдан ждал. Он старался не глазеть на учительницу, но кожей, спиной и каждым своим волоском ощущал все ее движения, слышал мимолетные замечания, улавливал дуновения воздуха, который нес терпкий, чуть заметный аромат духов. Вот она подошла к Андрею:

– Андрей Чижов, ты слишком к себе строг!

Тетрадь легла рядом с Ритой Калашниковой. Рядом с Дашкой... Очередь Герасимова, учительница на минуту остановилась и прижала пальцем тетрадь :

– Когда ты перестанешь хитрить и лениться, Миша!? – Мишка поднял на нее виноватый взгляд. – Даю тебе последнюю возможность исправиться! – и снова стрелой по классу.

Герасимов открыл тетрадь и Андрей мог заметить одну сиротливую строчку под заголовком сочинения: я не доживу до старости.

Елена Сергеевна ушла вперед к парте Курицына. Богдан позволил себе направить взгляд в ее сторону. Тут он заметил, что Прихвостень, пока учительница не видит, протянул руку в ее сторону и схватил... Ох!... Там, где нельзя хватать! Елена Сергеевна вздрогнула, Прихвостень это заметил и сальная улыбочка расползлась по его лицу! Богдан даже смог расслышать, как он слюнявым шепотом бросил Курицыну что-то вроде: "Покраснела, как рак"! Елена Сергеевна вернулась к своему занятию, будто ничего не случилось. Но кое-что случилось – гадкий омерзительный акт бесчестия! Богдан стиснул зубы и буравил затылок Прихвостня непо-

движным взглядом. Возможно, впервые в юной душе обжигающе вспыхнула колкая ярость и заклокотал , завозился гнев! Взвыло остервенение! На миг Богдан даже забыл где находится и хотел вскочить, закричать, но опомнился. Он сглотнул, пропихивая оковалок злости подальше от поверхности и опустил взгляд. Перед ним лежала тетрадь. Богдан завертел головой в поисках учительницы, она уже была за своим столом.

– Что она сказала? – взволнованно спросил он Риту Калашникову.

– Что?

– Что Елена Сергеевна сказала о моем сочинении?

Рита пожала плечами:

– Вроде бы, ничего.

Наверное, она видела, что Богдан заметил выходку Прихвостня и ей стало неприятно, решил он! Как же это все все неудобно! Богдан почувствовал, как где-то под языком его кусает досада.

– Шестакова, пошла вон с первой парты – терпеть не могу, когда перед учительском столом сидят ученики!

Дашка Шестакова ловко подцепила свои вещи и переместилась на соседний ряд.

– Отвечать идет... – Могила в раздумьях постукивала ручкой по журналу. Ее волосы так крепко были стянуты в пучок, что , казалось, уголки глаз отползают вверх. Губы

незаметно скривились в ниточку отвращения. Глухие удары кончиком ручки: пэк, пэк, пэк... Пэк! Ручка застыла, взгляд сверкнул – избрала жертву... – Ну иди, Даша, отвечай!

Дашка с готовностью выскочила из-за парты и встала у доски. Не ней была бордовая безрукавка и серая юбка в складку. Андрей взглянул на девочку и ощутил что-то теплое и успокаивающее при виде восхитительно отглаженных острых углов ее юбки. Дашка бодро начала зачитывать доказательства божественной теории происхождения человечества, как вдруг Могила резко повернулась к ней, мотнув головой:

– Стоп! – Шестакова оборвалась на полуслове и бросила на учительницу боязливый взгляд. – На дом было задание по рядам! Ты сидишь на втором ряду, а второй ряд доказывает теорию эволюции!

– Но вы же только что меня пересадили! До этого я была на первом!

– Хочешь сказать, ты не готова?

– Готова! – на лице у девочки появился румянец. – Когда вы раздавали задания я сидела на своем привычном месте. Доказательства божественной теории у меня в тетради!

– Делаешь из меня дуру!?! – рывкнула Могила. Дашка ссутулила плечи и судорожно сглотнула. – Не можешь ответить, значит не готова! Раз не готова, получай заслуженную оценку! – Могила черкнула что-то в журнале.

– Но... – пискнула Дашка, ее глаза покраснели, а голос

дрожал.

– Тебе так нравится слушать свой голос, Шестакова!?! С тобой разговор окончен, марш на место!

Дашка бесшумно села за парту и низко склонила голову. Повисла гробовая тишина и только ручка упруго пэк, пэк...

– Герасимов!

– Уф!– Мишка подскочил на месте, богопротивно выругался, помянул матушку, уличную девку, собаку и затих!

– Тебе лучше выйти к доске, – шепнул Андрей.

– Но... – Мишка замялся и потрепал тетрадь. – У меня тут кукиш!

– Да ты что! – удивился Андрей. – Ты вообще к урокам не готовишься!

– Готовлюсь!

– Неуж-то! И когда это было по-последний раз?

– Ммм... Давеча!

– ГЕРАСИМОВ!

– Иди! – Андрей сунул Мишке в руки свою тетрадь. – Глобус не забудь!

– Зачем мне гло... – Герасимов заметил на лице Андрея лукавую ухмылочку – Хм.

Мишка встал перед классом, раскрыл тетрадь и неловко принялся читать написанное. Он чувствовал себя не важно, честно говоря, совсем глупо, и все ждал, что учительница оборвет его. Но этого не происходило! Мало-помалу он стал обретать уверенность, голос становился ровнее, а под конец

удалось придать даже какое-то выражение своим словам. Завершил он свое выступление с гордо поднятой головой.

– Вполне неплохо. – нехотя сказала Могила. – Это точно твоя работа? – Мишка плотно сжал губы с намерением молчать. – Покажи ее мне, Герасимов! Очень может быть, что тетрадь не твоя. – Мишка не шелохнулся. Могила ударила ладонью по столу. – Я не собираюсь ждать и умолять! Герасимов, живо!

Мишка отдал ей тетрадь и отошел.

– Угу! Чижов! – удовлетворенно вскинула брови Могила, рассматривая округлые завитки почерка. – Пожалуй, я поставлю отлично вам обоим.

Мишка открыл было рот, но тут же захлопнул его и быстро сел обратно.

– Это не справедливо! – вскрикнула Дашка Шестакова.

– Что не справедливо, Шестакова? – рывкнула Могила. – Герасимов смог ответить, в отличии от тебя! А Чижов замечательно выполнил работу!

– Магдалина Лаврентьевна, так же нельзя!

– Вторая пара в журнал, Шестакова – за то, что споришь с учителем!

Дашка бросила на Андрея свирепый взгляд и с негодованием отвернулась, ее косички бойко взметнулись в воздухе. Что ж, это действительно было несправедливо .

– Я такой ненормальной теткой еще не встречал! – признался Герасимов.

Курицын нагнал Андрея, когда тот спускался по лестнице к спортивному залу. Никитка с наигранной важностью потыкался в телефоне, потом аккуратно запрятал его в карман и заговорил:

– Ох, даже не знаю, что с тобой делать, Пижон!

Андрей решил молчать во что бы то ни стало и притворился, что не заметил Никитку.

– Поганая ты личность.

Мальчик в молчании преодолел лестничный проход.

– Что ты за человек!? Подвел Дашку Шестакову сегодня!

Впрочем, Андрей никогда не славился выдержкой:

– Я не могу отвечать за выходки Могилы! – гаркнул он.

– Но за свои поступки отвечать можешь! Ты, Пижон, наверняка помнишь – у нас с отцом есть договоренность на счет моих оценок: за хорошим он дает мне деньги, за плохие – чего-то лишает.

– Да, я знаком с вашей п-п-прогнившей системой.

– Так ты мне уже кое-что задолжал! – Курицын толкнул Андрея в плечо. – Урок литературы, помнишь! По твоей милости я схлопотал пару!

Андрей резко повернулся к Никитке, чтоб ответить, но тот перебил:

– Выворачивай карманы, Пижон! С тебя причитается! – Курицын протянул руку к карману пиджака, но Андрей хлестко отбил ее.

– Тебе ли не знать, что у меня с рррроду не было денег!

– Мне не важно, где ты их возьмешь!

– Ни оценки, ни даже деньги всего света не в силах помочь тебе, Курицын, поскольку мозгов у тебя, как у дрозофилы! – Андрею очень понравилось, как он сказал, получилось даже не заикаться! Ингалятор, все же, понадобился. Мальчик вынул его и поднес ко рту, но тут Никитка выхватил его и швырнул Андрею за спину, прямо в открытое окно спортзала. Андрей ломанулся к подоконнику, но успел лишь услышать, как ингалятор, с кротким металлическим звуком, ударился о ствол липы и упал в траву.

– Балда, я же без него дышать не могу!

– Так тебе и надо, церковная мышь! – Курицын подкрепил свои слова неприличным жестом.

– Ну тты и урод!

Курицын дернулся было вперед, чтоб задать Андрею, но тут раздался резкий свист:

– Строимся!

– Твое счастье, Пижон. Однако, я тебя прищучу!

Дмитрий Осипович был добродушным бесхитростным мужичком лет сорока. Каждое занятие он приобщал Андрея к труду, вручал ему тряпку и отправлял мыть подоконники, плинтуса и батареи спортзала. На уроках физкультуры Андрей научился штопать маты толстой иглой, чинить лыжные ботинки, клеить подошвы на кроссовках, ставить крепе-

ния, мастерить набивные мячи, вкручивать шипы в шиповки и еще много чего. Однако, в начале года он всегда делал одно и то же, а именно, переписывал своим красивым почерком списки учеников разных классов из журналов в специальную тетрадь – для Дмитрия Осиповича эта тетрадь являлась самым весомым документом. Андрей должен был внимательно написать все фамилии, разлиновать листы и внести в таблицу нормативы – работа не пыльная. Осипович усадил его за стол в коморке и Андрей раскрыл журнал. Спустя четверть часа дело было сделано, мальчик отложил тетрадь в сторону и потянулся к журналу, чтобы закрыть его. Вдруг его взгляд упал на имя учителя на верхней строке листа – журнал был раскрыт на предмете Могилы. Повинуясь сиюминутному порыву, Андрей подался вперед и нашел фамилию Дашки – напротив нее стояла основательная двойка, но лишь одна! Вместо другой виднелась легенькая точка. Испокон веков точка в журнале означала, что учитель сомневается! Кто бы мог подумать, что Могилы хоть в чем-то может сомневаться! Без раздумий Андрей схватил ручку и нацелил ее в клеточку журнала – слегка волновался, будет ли похоже, ведь Могилы пишет остро, у нее даже круги выходят угловато! Медленно поверх точки стала появляться горделивая отметка отлично. Вот и посмотрим, подтвердится ли миф о дырявой памяти Могилы! Мальчик закрыл журнал и поспешил скрыться с места преступления в раздевалку.

Андрей старался поаккуратнее пробраться через зал.

Физкультура, как ни один другой школьный предмет, разделяет учеников на охотников и их жертв. Очень хорошо в этом помогает так называемая Перестрелка. Суть ее в том, что ученики с двух сторон спортзала лупят мячом по тем, кто оказался в центре. Конечно, те, кто послабее, быстрее, а иногда и позорно, выбывают из игры, ребята половчее остаются, захлебываясь в пылу сражения. Герасимов и Прихвостень норовили побольнее засадить друг другу мячом. Девочки визжали. Иной раз, когда игра затягивается, Осипыч разрешает взять второй мяч. Вот и сейчас Богдан остался один на площадке, а остальной класс гонял его мячами с двух сторон, как вшивого по бане! Богдан маленький и шустрый, так что с ним такое не впервой.

Астма – противный недуг, но она позволяет избежать позора быть выбитым прямым попаданием мяча по лицу! Удивительно, на дворе век технологий, научных открытий, творческих свобод, а общество все равно превозносит лишь тех, кто способен сильнее запустить мяч в перестрелке!

Андрей сел на скамью в раздевалке и достал учебник литературы. С каждым годом читать задают все больше, иногда приходится сильно напрягаться, чтобы все успеть – Андрей не мог себе позволить готовить уроки не идеально! Вдруг его пробрала дрожь. Мальчик вспомнил, что минуту назад он бессовестно и незаконно сунул свои руки в главнейший документ класса – он исправил оценку! Андрей закусил ноготь и качнулся взад-вперед. Как же он посмел? Андрея бросило

в жар, лоб вспрел, к нему прилипли волнистые пряди. Мальчик промокнул лицо платком. А что будет, если все вскроется, если Могила не такая уж забывчивая, как о ней твердят? Внутри завывли тревога и страх, дыхание сбилось, Андрей зажмурился и притянул колени к груди. О чем он только думал! Конечно, все решат, что Дашка сама подрисовала себе пятерку, будет разбирательство – ох и влетит же ей! Безбожно! Андрей куснул палец слишком сильно и дрогнул. Ничего ей не сделается! Если учителя обнаружат обман, он тут же признается – о другом и речи быть не может! Он признается и скажет, что не мог стерпеть такую уродливую несправедливость, что сам не понимает как поддался порыву и исправил отметку. А зачем.... Непонятно. Да и вообще, не станет он оправдываться, вот еще! Что-то Андрей не замечал, чтоб учителя в чем-то держали ответ перед ним! Они делают все, что им на ум взбредет – играют в карты, унижают, лицемерят. А ведь эти люди призваны служить примером для детей – а быть ребенком ох как непросто, когда всюду правит жесткий взрослый ум! Решено, объясняться он не станет! Тут на смену страху пришло новое необычное чувство ликования и восторга от неповиновения! Сердце застучало громче, в горле приятно защипало, захотелось смеяться! А может и к лучшему, если все откроется – подсказало новое чувство – тогда выпадет шанс сказать учителям, что они не правы и сами виноваты во всем! Андрей невольно улыбнулся. И давно он стал недолюбливать учителей?

Мальчик раскрыл учебник и немного почитал. Вскоре шум игры затих и разгоряченные мальчишки стали наполнять раздевалку, слышались голоса, смех, поддразнивания.

– Ребята, верните на место баскетбольный мяч! – крикнул Осипыч, но его никто не слышал. После напряженной партии в перестрелку ученики становятся глухи к просьбам учителя. Прибежал Богдан и, пытая и отдуваясь принялся стягивать с себя одежду и мокрые горячие кеды. Нет ничего хуже потных носков – убедился Андрей, окруженный толпой взмыленных одноклассников.

– Эй, Чижов! – Андрей безотчетно повернулся на зов. – Это тебе за длинный язык! – Андрей даже не успел отследить резкое движение Курицына, как вдруг звонкий баскетбольный мяч отскочил от пола – мгновенно лицо расколола острейшая боль! Голова откинулась назад, рот наполнился кровью, мальчик свалился с лавки, как ватный матрац! Горячие струи побежали по лицу. Перед глазами поплыло! Грудь вспыхнула свербящим жаром – там уже тлело удушье! Андрей попытался втянуть воздух, но только зря напряг жилы – стянутое раскаленными щипцами горло не желало вздохать! Тяжелый, вязкий воздух застрял на поверхности и лишь стискивал глотку, как маньяк с удавкой! Андрей задыхался. Рядом появился Богдан! Он что-то говорил, но в ушах так шумело, что Андрей не разобрал слов! Наконец, Богдан вскочил и исчез...

... Богдан выскочил из спортзала и со всех ног понесся

по длинному школьному коридору. Он перескакивал через три ступени разом, босые ноги едва касались паркета, и все равно казалось, он бежит слишком медленно! Богдан проскочил меж двух учителей, он не заметил, кто это был, успел взглянуть лишь светло-персиковый рукав блузки. Наконец, показались двери! Мальчик стрелой вылетел на улицу, обогнул здание школы и бросился обыскивать траву под липой. Вскоре он нащупал ингалятор, схватил его и метнулся обратно. Как долго, невыносимо долго! Вечность! Богдан протолкнулся через толпу одноклассников у входа в раздевалку – Андруй уже заметно побледнел – и запихнул ингалятор брату в рот. В комнату вбежал Герасимов, за ним медсестра со шприцем. Она отстранила Богдана и припала к Андрею. Никто не может осознать вечность... Но Богдану показалось, что он пережил вечность, в которую вытекли те двадцать секунды меж гробовой тишиной и сиплым вздохом. Он опустился на колени рядом с братом, Андрей слепо водил рукой, пока не наткнулся на его плечо:

– Богдан, – надтреснувшим голосом позвал он, – Богдан, в Индии погибли десятки тысяч человек!

– Ты о чем...

– Во время Ганди, – это был сип морского дьявола, а не человеческий голос!

– Тебе бы связки побережь!

– А я один!

– Мы же с тобой!

Медсестра снова отстранила Богдана, чтобы осмотреть Андрея. Она проверила его дыхание, пульс и вытерла кровь с лица :

– Что с тобой произошло? – взволнованно спросила она.

– Я ударился об лавку, – не моргнув глазом соврал Андрей. Вскоре он сел, чтоб лучше прийти в себя, а толпа по-маленьку стала расходиться.

– Почему у меня брюки расстегнуты!? – удивился Андрей.

– Медичка тебе укол впендюрила! – ответил Мишка. – Ты не заметил?

– Точно.

– Богдан Чижов! – прогремел ледяной голос классного руководителя за спинами ребят. – С каких пор у нас по школе принято бегать в трусах!? – Богдан обернулся и встретился взглядом с Татьяной Михайловной, но тут же отвел глаза и сглотнул! За ее плечом виднелись полные непонимания глаза учительницы литературы! Он быстро натянул одежду и поплелся объясняться. Герасимов помог Андрею встать.

– Куда это вы собрались? – возмутилась медсестра. – Андрей, немедленно отправляйся в медпункт! Я уже вызвала скорую помощь!

– Скорую? З-зачем!?

– Удушье – это не шутки! Приступ может повториться, тебя необходимо показать врачу! – она настойчиво повлекла Андрея за собой. Мишка проводил их взглядом, вздохнул и поплелся на урок. Все разошлись и никто не заметил, что

Курицын так и остался стоять в углу с открытым ртом и белее мела!

14

Андрей осмотрел себя в зеркало – под глазами уже стали наливаться голубоватые синяки. Нос болел изрядно!

– Как ты отвязался от врачей? – спросил Богдан.

– Нап-плел им, что споткнулся и ушибся о скамью. Теперь они думают, что я п-п-просто неуклюжий! Зато, отпустили домой. – Андрей отошел от зеркала и лег на кровать. – П-п-поверить не могу – Никкккитка меня чуть не убил!

– Этого он не хотел. – Богдан сел рядом с братом. – Я видел его лицо – он перетрухал больше нашего! Я помчался за ингалятором, Мишка ринулся к медсестре, а Курицын, весь бледный, тарачился на тебя с открытым ртом! Он даже не шевельнулся за это время – я воротился, а он все стоит, как истукан!

Андрей застонал и сунул в рот ноготь:

– Выходит, – грызя палец проговорил он, – выходит, Курицын видел, как я извивался и корчился на п-п-п-полу в п-п-пррредсмертной горячке!

– Ты там просто лежал, а не извивался. Правда, шея у тебя сильно напряглась и шла носом кровь, но ты точно не корчился! – Богдан ободряюще потрепал брата по руке. – Все не так уж плохо!

– Не плохо!?! – подскочил Андрей. – Окстись, Богдан! Я

чуть не п-п-помер!

Богдан взглянул брату прямо в глаза – что делал очень редко – и серьезно спросил:

– Почему ты не рассказал об этом? Андрей, эта выходка перешла границы обычных издевок! Курицын слишком много себе позволил – он выбросил ингалятор и спровоцировал удушье, не важно намеренно или нет, он сделал это от безнаказанности! Ты зря его покрываешь, такие вещи нужно пресекать!

– Я п-п-покрываю не его, а себя! – поспешил оправдаться Андрей. – Мне не нравятся его издевательства, но и остановить их я не могу! Еще не придумал способ. А п-п-п-ока я ищу выход, никто не должен знать, что я жжжжертва этой курицы! – Андрей приподнялся на локте и с нажимом добавил: – Никто, Богдан!

Богдан считал это глупостью, но согласился и кивнул. Ребята немного помолчали потом Андрей произнес:

– Знаешь о чем я под-д-думал, когда п-понял, что вот-вот задохнусь?

– О погибших в Индии, – ровным тоном ответил Богдан.

– Да. Но и еще кое о чем! – Андрей на мгновение притих, подыскивая слова. – Меня заботило только одно, п-п-перепппполняло единственное желание – вздохнуть! Я пытался дышать изо всех сил, но вдруг п-п-появилась другая мысль... Не знаю откуда она взялась, но она растворилась в сознании и на миг затмила даже вздох! Я п-подумал – а за-

чем цепляться за жизнь? Чем она нап-полнена, какую ценность несет, что я из себя представляю – что мне спасать!? И стоит ли это таких усилий?

– Ты что, сдурел! – крикнул Богдан. – Конечно стоит!

– Ты не п-п-понял! – успокоил его Андрей. – Для чего мы все живем? Можно это по-постичь или нет – не знаю. А вот для чего живу я? Ведь я должен знать зачем дана мне жизнь! Не может быть, чтобы человек п-п-пприходил в этот мир без заветных истин, где-то в закромах сознания они должны б-быть! Не может Господь п-п-просто бросать дитя в жизнь! Эти воп-просы засели у меня в голове и не д-д-дают пппокоя. Даже жизнь червя п-природа наделила п-п-преддд-п-ппредд... смыслом! Он должен ползать в земле, рыхлить почву, питаться, рожать себе подобных – в сущности, он должен пппросто быть! И эта крохотная жизнь несет в себе больше п-по-по-ппользы, чем все человечество!

– Ну ты махнул!

– Хорош-шо, зачем на свете я? Зачем-то я родился и зачем-то должен буду умереть! Но что я оставлю п-п-после себя – аккккууратно сложенные брюки!? Я рассудил – только инстинкты заставляют меня цеп-пляться за воздух! Если их исключить, чистый разум откажется от этой затеи – он всегда презирает бессмысленность. Зачем было цеп-п-пляться за жизнь, если она ппуста. Нет! Хуже того, не пппросто п-п-уста, я сам обделил ее смыслом! Тринадцать лет мне не хватило, чтоб увидеть суть, хотя червь замечает ее в одно

мгновение! – в голосе Андрея послышались нотки отчаяния и Богдан поспешил его успокоить

– Мы просто есть и все! Таков божий замысел. От нас скрыто наше предназначение, так же, как и червю неведома цель его бытия! Он ползает бездумно, лишь заодно, попутно, рыхлит почву. Так и мы будем жить, как приказывает сердце, тогда и толк получится!

– Но человеку не достаточно п-п-просто быть, чтобы опп-правдать существование! Человек слишком отделился от п-п-природы, выстроил огромное обособленное общество, п-п-по-поэтому он не может просто жить и ничего не отдавать взамен! П-п-ппо крайней мере, мне не достаточно пппросто быть! Я хочу знать зачем живу, хочу цели! Для любого сознательного человека унижительно б-бездумно влачиться от рождения до смерти, не видеть свою значимость! Я не могу существовать п-п-пр-р-росто так, бестолково слоняться п-по жизни и убивать время! Вот что меня озаботило – я бесполезнее, чем червь! Умру я в тринадцать лет или в девяносто, все одно от меня останутся лишь брюки! Я так не хочу! И оп-ппять загвоздка: что я хочу? Чем я хочу быть? Что мне вложить в жизнь, чтобы она не была п-п-пустой!?

Богдан покачал головой:

– Повторяю, Андрей, нам не дано это знать! Помнишь, на биологии нам рассказывали об одном опыте?

– Нам много о чем рассказывали.

– Это был опыт с обезьянкой. Ее посадили в клетку, пе-

ред клеткой положили банан, так, чтобы обезьяна могла его видеть, но не могла дотянуться. А рядом положили палку. Так вот, обезьяна догадывалась палкой подтащить банан к себе. Но когда у этой же обезьяны забирали палку и клали ее позади клетки, так, что обезьяна не могла одновременно видеть и банан и палку, тогда она терялась! Обезьяна не могла догадаться сделать то же самое, потому что не видела палку и банан одновременно!

– Очевидно же, что это очень глуппая обезьяна! Я был о них лучшего мнения!

– Да, возможно не самая башковитая, но я не об этом! Мы не способны осознать смысл нашей жизни так же, как и обезьяна не догадывается взять палку; как и от червя скрыта суть его бытия! И вот что я скажу: если червяк остановится в своей норке и начнет размышлять над целью жизни, вот тогда настанет конец света!

– Неужели тебя успокаивают эти доводы! Неужели ты никогда не хотел большего!?

– Я предпочитаю не терзать себя такими мыслями. – голос Богдана был ровный и спокойный. Он ткнул пальцем в брата и добавил: – Как раз от того, что ты слишком много думаешь над тем, чему ответа не найти, вот поэтому-то и грызешь ногти! И зубами скрипишь во сне!

– Что же ты п-п-прррпредлагаешь, совсем не думать!?

– Я предлагаю думать только над тем, чему есть ответ! А о том, чему человечество веками найти ответа не может, ду-

мать вредно . Так можно надорваться и нервы расшатать! Не лезь на место Господа – это может плохо обернуться. Вспомни Адама и Еву!

– Так далеко заходить я не стану, но п-п-понять, зачем живу мне необходимо! П-п-пподумать только, я мог умереть сегодня! И вскоре обо мне бы больше никто не вспомнил!

– Я всю жизнь буду тебя помнить, можешь умирать спокойно.

– Ссспасибо.

– Ох, я не то хотел сказать!

– Я п-понял.

Ребята ненадолго притихли, но тут Богдана осенило:

– Ты же можешь сам наделить свою жизнь смыслом! Ты повзрослеешь, обзаведешься убеждениями, семьей и будешь радоваться жизни! А когда человек рад и счастлив ему в голову не лезут губительные мысли о тщетности бытия!

– Счастлив, – задумчиво повторил Андрей, – что вообще значит это слово? Ты хотя бы иногда бываешь счастлив?

– Очень даже часто!

– А я вот ни разу не п-п-пррриппомню! Счастье для меня – это что-то такое, что ждет вперрреди, в будущем, слишком далеко от сего дня! – Андрей сипло прокашлялся и нервно добавил. – Да что вообще это такое – счастье!? Как его узнать?

Богдан пожал плечами:

– Это чувство полноты жизни. Когда у тебя есть все со-

ставляющие, что бы сделать жизнь прекрасной!

– Такого не может быть! – усмехнулся Андрей. – Ни один человек не п-п-признается даже самому себе, что у него есть все, что нужно! Людям всегда мало – это какая-то дьявольская задумка!

– Иметь цель в жизни, стремиться к чему-то – тоже частичка счастья. Тем более, думаю, счастье скорее осознают, нежели ощущают. Его часто путают с радостью и экстазом, с яркими вспышками чувств, с душевным подъемом! А счастье, оно тихое по своей природе, поэтому его не замечают.

– Все-то ты знаешь! – буркнул Андрей.

Тут Богдан вспомнил то, что должен был сказать брату с самого начала, то, что он должен знать в любое время суток и уметь повторить хоть днем, хоть ночью:

– Вспомни о Боге! – сказал он. – О том, что твердит нам отец – живите ради добра и сейте добро вокруг! В этом вся сущность нашей веры, чтобы окутать мир светом души и мысли. Помочь людям избрать путь добра! Или ты хочешь поставить под сомнение убеждения нашего отца?

– Что ты, нет! Так оно, наверное, п-п-правильно. – но Андрей ответил вяло, безучастно, словно соглашался с Богданом только по велению разума. – А ты веришь в это, в дорогу добра?

– Да. Я полагаю это правильно.

– И т-ты живешь так, неся добро и свет? Что-то я не замечаю за т-тобой шлейф благодеяний!

Богдан стушевался:

– Я не очень силен в этом. – пробормотал он. – Вот если бы можно было помогать людям, но не сталкиваться при этом лицом к лицу с ними, не болтать о пустом, не выслушивать бесконечные жалобы, тогда было бы гораздо проще! – Богдан наклонился поближе к Андрею: – Понимаешь, как только я поближе узнаю человека, так, почти наверняка, он перестает мне нравиться! Стоит мне лишнюю минуту пообщаться с новым знакомым, и уже тошно, хоть вой! Хочется убежать от него, куда глаза глядят! И так всегда. Меня тяготит общество, я дикарь! Я лучше почитаю книгу, чем общаюсь с живым человеком.

– Но книги написаны людьми! Это зап-п-писанные мысли автора.

– Вот именно, что только мысли – обдуманнные, взвешенные, интересные, а не целый человек. Книгам можно нарушать границы моего мира!

Андрей приподнялся и быстро проговорил:

– Есть же благотворительность! Ты помогаешь людям, но не видишься с ними нап-п-п-прямую! Можно готовить в Бесплатной трапезе – ты возишься на кухне, а бедняки сыттты, пппри этом вы не встречаетесь!

– Да, но мне кажется ... – Богдан не разделял восторгов брата. – Я не вполне уверен, что это настоящее добро. Если я не испытываю любви к людям, глядя им в глаза, то насколько искренны мои чувство за их спиной?

– Это можешь сказать только ты сам, но вп-п-полне искренни, п-полагаю! – поддержал Андрей. – Всем свойственны слабости, а иметь добрые намерения куда лучше, чем не иметь никаких!

Богдан поджал губы и недовольно покачал головой:

– Вряд ли. Тут важны не намерения, а самоотдача, но она меня душит! Я не хочу на это идти. – Богдан усмехнулся и добавил: – Похоже, я отъявленный мизантроп!

– Такой сппоооокойный человек, как ты не может быт мизантропом!

– Дело в том, что я намеренно не хочу волновать свои чувства. Это очень неприятно, поэтому, чтобы ни происходило, мое спокойствие для меня важнее всего!

– Ну ты и наглец, Богдан! – усмехнулся Андрей.

– Да! И гореть мне за это в аду!

– О, это уже богохульство!

Богдан встал и взглянул на часы:

– Ты опоздаешь в художественную школу, – предупредил он брата.

– Я не п-пойду сегодня, – заявил Андрей, – нет настроения.

– Тебя можно понять. – Богдан расположился за столом и стал вытаскивать учебники.

"Странно, – подумал Андрей, – сегодня я чуть не умер, но уже через несколько минут жизнь вошла в прежнее русло, ничего в мире не поменялось! Хотя, совсем недавно со мной

произошло самое вероломное, самое чудовищное событие в жизни! И в тот миг даже время не остановилось! Чтобы мне не чудилось, оно продолжало свой бег. Неприподъемная машина жизни двигалась вперед и была готова оставить меня позади! Как ужасно осознавать, что мир проживет и без меня, что ничего с ним не случится от моей смерти! Чувшь собачья – не может мир без меня! Ни небо, ни земля, ни вода – ничто не может без меня! Не может, хоть ты тресни, потому что... А почему? Я не пуп земли, не живительная венка мира. Я только еще один человек... Но это же несправедливо! Несправедливо, что жизнь будет идти дальше, когда меня в ней уже нет! Получается, я бы в могиле лежал, а Курицын или Дашка Шестакова продолжали загорать на солнце, прятаться от дождя, ходить в школу, радоваться жизни! Получается, этот мир для них!? Я умру, а все останется, как и было!? Нет, это уж точно полная чушь! "

Такие размышления только еще больше огорчили Андрея. Что он там пытался осознать десять минут назад? Смысл жизни? Это подождет. Завтра же новый день, надо делать уроки. Учителя начнут приставать, им же невдомек, что он чуть не умер. И пусть Андрей скрыл это ото всех, должны же иногда быть исключения! Дни, когда можно покопаться в себе, в мыслях, поразмышлять о жизни и судьбе. Нет же, учителя зациклены на прилежном выполнении заданий, словно человеку в свои тринадцать больше не о чем подумать.

– Что ты бормочешь? – прервал ход мыслей Богдан.

– Да так, – Андрей и не заметил, что все это время бубнил. Он тоже сел за стол и достал уроки. Вдруг среди тетрадей показался сложенный газетный лист со статьей. Андрей с Богданом переглянулись.

– Может, все таки порасспросим Сашку? – робко спросил Богдан

Андрей миг поколебался:

– Идем!

15

Мальчики нашли Сашу в одной из бесчисленных организаций монастыря, он вставлял стекло в общежитии. Вокруг сновали люди, поэтому Андрей попросил брата выйти на улицу, намекнув на серьезный разговор. Они пристроились под сенью раскидистой яблони у боковых ворот. Для удобства, Сашкины волосы были собраны в хвост, торчащий на затылке. Он вытер ладони о замызганную кофту – весьма дырявую и жалкую, в каких не встретишь даже посетителей Бесплатной трапезы – и вперил руки в бока:

– Ну? – Саша хмурился, выказывая нетерпение, по лбу сползла капелька пота и скрылась в густых зарослях бровей. Андрей не продумал свою речь и теперь растерялся, Богдан выхватил у него из рук листок и протянул Саше.

– Вот, прочти. – тот пробежал глазами по статье и вернул листок Богдану:

– И что дальше?

– Мы хотим знать об этом больше! Хотим знать всё!

– Отправляйтесь лучше к отцу, я ничего не знаю об этом.

– Он решительно отказывается говорить! Велел нам не со-со-совать нос в эту историю!

Саша пожал плечами, давая понять, что на этом разговор окончен, и что мальчики уже наскучили ему. Однако, Андрей уловил малейшее изменение в лице старшего брата. Взгляд стал жестким, совсем как тем вечером, когда Сашка спорил с отцом, брови насупились сильнее.

– Расскажи, Саша! – взмолился он. – Ты не можешь не знать! Речь идет о нас и скрывать п-п-прррр... истину несправедливо!

– В самом деле, – поддержал Богдан, – что такого случится, если мы все узнаем? Не столь большой руки секрет, раз о нем писали в газете!

– Ты лучше скажи, что у тебя с лицом? – Саша в пол-оборота смотрел на Андрея.

– Ударился на физ-з-культуре.

– Ты же не ходишь на физкультуру.

– Споткнулся в раздевалке и ушибся об лавочку.

Саша поджал губы, но взгляд смягчился. Он выдохнул и развел руками:

– Но я вправду не могу помочь, поскольку ничего не знаю о вашем прошлом. Родители никогда не говорят об этом.

– Ты старший, что-то можешь п-п-помнить! Какие-то де-

тали! В статье сказано о пя-пятерых детях, значит двое других родные, кто?

– Двое... – Саша покачал головой. – Родители взяли меня, когда мне было шесть лет, у них уже была Люба. Через несколько лет появились девченки – Лика и Женя.

– Через насколько!?! – переспросил Богдан. – То есть, они тоже живут здесь не с младенчества?

– Да, Лике было года четыре-пять, Жене, соответственно, два. Родители просто привели их домой и все! Мы стали жить все вместе. Мне это показалось совершенно естественным.

– Ты говоришь, они появились одновременно, вместе?

– Вместе. Они родные сестры. Позже принесли тебя, Богдан. Ты был очень маленьким и хилым, без просвета болел. Вскоре появилась Марина. И последним Андрей.

– Почему последним был я, а не Марина? Как такое случилось, я же старше?

– Марину принесли младенцем, как и Богдана, а тебе было уже годика три к моменту усыновления. Помню, ты был очень тихим, все время молчал. А когда, наконец, заговорил, то сразу стал заикаться. Вот и все, что я могу сказать. Родители попросту приводили детей в дом и никогда не упоминали о том, где их берут. И, честно, никто раньше об этом не спрашивал.

– Получается, все же Люба – родной ребенок. – подытожил Андрей.

– Наверное, – расплывчато сказал Сашка. – По большому счету, не так уж это и важно.

– Да-да, – пробормотал Андрей, обдумывая услышанное.

Саша уже шел по дорожке к зданию, когда Богдан ринулся за ним:

– Постой! – старший брат обернулся, но продолжил идти. – А что ты помнишь о себе? Ты знаешь, какая из этих историй о тебе?

– Я ничего не помню. – Саша прибавил шагу, так, что Богдану пришлось семенить.

– Не может быть! Тебе было шесть, в таком возрасте дети все помнят!

– А я – нет!

– Саша!

– Богдан, отстань! – Саша влетел на крыльцо корпуса и хотел захлопнуть дверь, но брат ухватил его за руку.

– Что ты знаешь!?! – с нажимом прокричал Богдан.

– Ладно. – сквозь зубы процедил Саша, и только сейчас Богдан увидел, что лицо его искажено не гневом, а мукой. – Это меня нашли у дороги! Я шел у дороги! – и уже сорвавшимся голосом: – Доволен?

Богдан отпустил брата, позволив закрыть дверь, а сам остался стоять на крыльце в замешательстве. Нет, он был вообще не доволен! Сейчас он понял, сколько терзаний и боли стоили брату воспоминания и почувствовал острейший укол сожаления. Стало тоскливо и горячо от стыда – к чему бы-

ло настаивать!?! Буйный варвар! Раньше Богдан не наблюдал за собой склонности силой врываться в человеческую душу, ворошить память и раскаленным клещами выволакивать наружу потаенные страхи!

Богдан поглядел на Андрея, который так и стоял под яблоней. Несомненно, он наблюдал за сценой и все слышал.

У девочек было свежо и просторно. Лица упорхнула гулять и воздух еще хранил мягкий аромат ее духов. В комнату неспешно пробирался, пронизанный золотыми нитями сумрак – скупой осенний закат разгорался далеко за стенами монастыря. Марина быстро ухватила всю суть рассказа и теперь усердно соображала. В неверном вечернем свете четко вырисовывались ее кудряшки и вполне явно виднелся здоровый румянец на круглых щеках.

– Значит, нас с тобой взяли младенцами, – взглянула она на Богдана, – значит те два новорожденных, о которых идет речь в статье, это ты и я! – Богдан согласно кивнул. – Хорошо бы ещё понять, кто из нас кто!

– Тут, как раз, вопросов не возникает. Если уж я точно рожден раньше срока – так утверждает мама – то тебе остается лес, ты уж извини!

– Хм. – Марина не казалась столь же уверенной в этом. – Мы оба можем быть недоношенными – это путает все карты! Что еще он сказал о тебе, Андрей?

– Ничего, что могло бы п-п-пролить свет. Только то, что

я был молчаливым и тихим.

– Значит, либо трагедия в семье, либо самоубийство.

Андрей безучастно покивал головой:

– Чем ближе мы к разгадкам всех историй, тем гор-рр-рячее интерес! Но, – мальчик повертел в руках сложенный вчетверо листок, – но, как-то не хочется узнать, что мои родители со-со-совершили самоубийство. Значит, они не хотели жить. А зачем же им нужен был я!? Или пуще этого, они хотели жить! И радовались жизни, но вдруг, ппогибли! Вот так вот, при трагических обстоятельствах, а ребенок остался сиротой! Я даже не знаю, что лучше. – Андрей закусил ноготь. – Точнее, не знаю что хуже!

– Меня тоже в дрожь бросает, как подумаю, что я могла быть брошенной в лесу! – подхватила Марина. – Сразу душит отвращение и накатывает страх!

– Подождите терзаться! Мы еще не знаем правды! Но, если хотите, можем оставить это, пока не поздно!

– Нет! – вскрикнула Марина. – Нужно узнать все как можно быстрее! Может расспросить Любу или Лику?

– Вряд ли это что-то даст. – ответил Богдан. – Сашка сказал, что дома это не обсуждалось. Если уж он ничего не знает, так остальные и подавно!

– Можно сходить в библиотеку. По-посмотрим газеты за п-п-период нашей вырезки, мммможет тема развивалась где-то еще.

– Выходит, все же Люба. – пробормотала Марина. Маль-

чики согласно покивали. – И как вы теперь... – Марина поковыряла невидимое пятнышко на подоле платья. – Вы чувствуете что-нибудь из-за этого? Из-за того, что мы не родные?

На несколько минут повисла тоскливая, тягучая тишина. Мягким бархатом по стенам струилась тьма, только уличный фонарь давал немного света и играл тенями. Жестким силуэтом над головой торчала люстра, в углу мрачно корячился пузатый шифоньер. Дом затих.

– Ничего, – прошептал Богдан, – я не чувствую ничего.

– А я все еще растерян.

16

Мишка возился в прихожей, когда ребята зашли за ним. Как и в первый раз, там царил полумрак, а воздух был наполнен чем-то мягким и домашним. Пахло маслом, выпечкой, тряпьем, деревянным домом, стариками и теплом. Возникло странное чувство, будто время тут течет по-другому, медленнее, размереннее. Казалось, совершенно противоестественным спешить, торопиться под запах этого дома. Не ровный дощатый пол устилал пестрый половик, Мишка выволок на него ботинки, обулся и прокричал в сторону коридора:

– Я пошел в школу!

– Подоил козу? – громко и отрывисто крикнул дед.

– Да!

– Точно!?

Мишка откинул волосы с лица. Он был совсем уже одет, но мялся и не спешил уходить. На цыпочках он подошел к двери в ближайшую комнату, тихонько приоткрыл ее и сунул туда голову:

– Бабушка, можно я возьму деньги на стрижку, а то оброс совсем? – шепнул он.

– Хрен тебе, а не деньги! – из глубины дома выскочил дед, потрясая кулаком. – Куда ты их только деваешь!?

– Деру! Деру! – шикнул Мишка и ребята высыпали на крыльцо.

Утро было прохладным и светлым. На траве и ветвях деревьев все еще висела роса, солнце и ветер играли в ней, рассыпая по каплям радужные лучи. С каждым новым утром осень овладевала природой все больше. Она еще не оголила деревья и не затянула небо свинцом, но уже играла студеным ветерком, распугивая дрожащие листья. Андрею нравилось медленно брести по этой старой извилистой улочке и рассматривать бревенчатые дома. Всюду росли деревья и пушистые кусты, рдела рябина, красовался боярышник. Если пойти дальше по этой улице, не вглубь к школе, как сейчас, а к окраине, то можно выйти на лесистый пригорок, откуда просматривается весь монастырь и часть городка. За пригорком текла река, куда ребята ходили рыбачить. Андрей повернулся к солнцу, которое еще не успело подняться высоко над горизонтом и , хоть нос еще саднило, а лицо заметно оте-

ло и отяжелело, он подумал, что в жизни еще не было утра милее этого! Кругом тишина. Солнечный свет такой чистый, такой искристый и сияющий, что не было сомнений – он может проникнуть в мысли и освятить человека изнутри. Было так хорошо, что на некоторое время Андрей позабыл о том, как едва не задохнулся вчера, утихли даже бесконечные изнуряющие рассуждения о своем появлении в семье. Воистину, божественное утро!

Мишка остановился у кирпичного забора, залез рукой в прореху меж камней и вынул сигареты. Он взял одну и закурил, медленно втянув в себя дым.

– Не может быть, ты куришь! – воскликнула Марина

– Хотите? – спросил Герасимов.

–Нет!

–Нет!

– Извини, Андрей, тебе даже не предлагаю. – виновато сказал Мишка и спрятал пачку в карман сумки. – Астма! – Он даже не заметил, что Андрей единственный, кто не отказался.

Марина отмахнулась от вонючего дыма:

– И как только тебе нравится курить?

Герасимов дернул плечом:

– А мне не нравится!

– Зачем же ты делаешь это!?

– Потому что запрещено! – он улыбнулся и скосил глаза на Марину. – Мне нравится делать это тайком!

– Мишка, ты умеешь доить козу? – поинтересовался Богдан.

– Что там уметь! – махнул рукой Герасимов. – Бабушка дурно себя чувствует сегодня, вот мне и пришлось. – он сунул одну руку в карман, а вторую, с сигаретой, поднес ко рту. Андрей взглянул на серый дым в прозрачной прохладе утра и невольно улыбнулся. Мишка был свободным, раскрепощенным! Он мог курить, сквернословить, драться, плясать на девчонок и делать то, что Андрей, в силу воспитания и боязненности, не сделает никогда! Герасимов вдруг остановился и сморщил нос:

– Вообще-то, я не хотел сегодня идти в школу!

Андрей удивился:

– Чем же ты хотел заниматься?

– Да так, болтаться по улицам, сходить к реке, на природу.

– Что за радость – болтаться!? П-п-подумай лучше о своей больной бабушке – что б-б-будет с ней, если она пппрознает о прогулах!

– Ммммм! – простонал Мишка в терзаннях нахмурился. – Эх, хорошо вы на меня влияете! – наконец улыбнулся он. – Идем в школу. Может, там будет что-нибудь интересное, чем черт ни шутит!

– Хочешь сказать, в школе бывает что-то интересное, если только черт по-пошутит!

– А то! Может, ты уже сподобишься и задашь Курицыну трепку!

– Ни в коем случае! На зло надо отвечать добром! Это заставит врага задуматься!

– Угу. Держи карман шире!

Первым уроком шел английский, что не могло не радовать! Занятие еще не началось, вокруг нарастали гам и возня, но Андрей сидел притихший. Он думал о предстоящем дне и легонько улыбался. Юлия Борисовна положительно ему нравилась! Ему нравились и грубоватость ее голоса, и дерзость поведения, и небрежность с которой она вела уроки. Без сомнения, Юлия Борисовна было необычным учителем. Конечно, необычный – не то слово! Она была нахальной, себе на уме! Но, главное, она была уставшей. Утомленной и издерганной учениками, обществом, быстротой жизни. Андрею казалось, что он единственный понимает эту женщину, он остро осознавал, как ей хочется остановить спешку, не гнаться за лошадиным галопом современности, приостановить мгновения, растянуть их. Андрей думал, что разделяет ее взгляды. Он думал, что мог бы стать ей другом! И она могла бы увидеть в нем родственную душу, если бы пригляделась. К сожалению, ей мешала привычка грубить в ответ на помощь.

– Она никогда не появляется вовремя? – Герасимов ерзал на стуле, как гипервозбудимый.

– А тебе невтерпеж? – вскинул брови Андрей. В тот же миг в класс медленно вошла Юлия Борисовна. Она была в

длинной юбке, просторной блузе с узором и огромных темных очках. Мишка дернулся, принимая дозволенное сидячее положение и столкнул с парты учебник. Тот громко шлепнулся на пол! Лицо учительницы исказила гримаса страдания и она тихо выдохнула:

– Ставлю тебе "два", Герасимов.

– Ядрена вошь! за что!?

– За шум! – почти шепотом ответила Юлия Борисовна. – Тот, кто будет сидеть тише всех, получит отличную отметку. – добавила она, присаживаясь за стол.

– Блин, да у нее похмелье! – догадался Мишка. Щеки Андрея вспыхнули:

– Мигрень! – тут же бросил он.

– Ну-ну !

Несколько минут стояла тишина. Ученики наблюдали за Юлией Борисовной, пока та держала голову руками, глядя куда-то в окно.

– Мне нужен доброволец. – сказала она. Лишь одна рука взметнулась вверх. Слабым жестом учительница подозвала Андрея к себе. – Вот, – немощными пальцами она выковыряла деньги из сумочки, – купи мне воды без газа и покурить. Андрей мгновение поколебался:

– Но сигареты мне не п-пр-продадут.

Юлия Борисовна сняла очки и подняла на Андрея глаза в красных прожилках:

– Ты хочешь меня расстроить, Чижов?

– Нн-нет! Я...

– Сейчас покажу, какие нужно, – она принялась снова ворошиться в сумке негнушимися пальцами, но Андрей ее прервал.

– Я знаю, какие вы ппп-п-преее-... курите! – и ушел.

Андрей воротился быстро, точнее, он сам так думал. Впрочем, в классе ничего не поменялось за его отсутствие, лишь Юлия Борисовна снова одела очки и глядела в окно. Молча она забрала воду, открыла ее и припала к бутылке. Спустя несколько долгих секунд, отставила ее в сторону и можно было заметить, как ее дыхание наполняется жизнью.

– Итак, – учительница принялась листать учебник, но руки все еще не слушались. – Ох. – Андрей открыл нужную страницу и протянул книгу Юлии Борисовне. Та осталась безучастна – снова отвернулась к окну и замерла.

– Страница двад-двадцать с-семь, читать и п-п-ппер-пп... Ну вы поняли! – Андрей взглянул на учительницу – она не шелохнулась – и вернулся на свое место, где его поджидал Мишка.

– И как ты польстился на эту тетку? – шепнул Герасимов. – Таких пучок за пятачок в каждом дворе!

– Много ты по-понимаешь!

– Она тебя использует, а ты и рад! – шепнул Герасимов. Андрей нарочито не замечал его и с великой важностью раскрыл учебник. – Быть тебе подкаблучником! – пропел Мишка ему на ухо.

– Страница двадцать семь! – напомнил Андрей. Мишка безгладиво поморщился и откинул тетрадь подальше от себя.

– Где ты взял сигареты? – удивился Богдан.

– По-попросил бездомного. Мы и впрямь всех их знаем!

– Зачем вести кружок по английскому, если даже уроки вести не можешь!? – философски заметил Мишка.

– За это же доплачивают! – шепотом пояснила Рита Калашникова.

Мишка покачал головой:

– Какая же она несчастная ! Несчастливым людям нельзя идти в учителя. Чему они могут научить детей, если сами потеряны и побиты жизнью!

– Герасимов, замолчи! – шикнул Андрей.

Раздалось щелканье зажигалки – в тишине класса звук походил на гром – зашипело пламя. По воздуху поползли серые кольца дыма, медленно растягиваясь вверх и в стороны. Андрей предусмотрительно достал ингалятор.

– Ты не станешь заниматься английским? – спросил он Мишку. Герасимов откинулся на стуле, вытянул ноги и запрокинул голову:

– У меня есть дела поважнее!

– Какие!? – усмехнулся Андрей.

– Предамся своим мыслям!

Мишка застыл в одной позе, лениво наблюдая за медленным танцем сигаретного дыма, и позволил себе погрузиться в умиротворение и тишину этих мгновений. Андрей тайком

взглянул на учительницу. Она все так же сидела чуть обернувшись к окну. Худое лицо с оттенком землистости, прямой нос, острый подбородок; темные волосы были зачесаны назад и собраны под заколку. Длинная шея такая сухенькая и хрупкая! Пестрая блузка совершенно не к лицу.... Юлия Борисовна подняла руку, потерла лоб и снова застыла, глядя на улицу. В тонких пальцах сигарета томно выпускала дым.

" Почему люди такие странные? – подумал Андрей.– Если вдуматься, каждый человек считает другого странным, а правильным только себя. Наверное, это от того, что все мы разные. Эта разность заставляет народы веками искоренять друг друга; а кого-то толкает на самопожертвование и мученичество! Неужели люди так далеки друг от друга!? Все мы одинаково рождаемся на свет и мозг, вроде бы, у всех одинаково устроен... Зато живем по-разному. Любовь и ненависть – это не выбор разума! Не удивительно, что в мире столько одиночества! У каждого внутри своя галактика, только вот если взглянуть в космос, там они редко соприкасаются. "

– Нет, не понимаю. – Мишка решительно покачал головой. – Зачем мы явились в библиотеку? Как это может помочь!?

Богдан сложил руки на груди и терпеливо объяснил:

– Часто, если читателям понравился материал, в газете пишут продолжение. Или разные издательства печатают ста-

ты на одну и ту же тему, если та остра и злободневна, вот мы и хотим просмотреть другие выпуски газет за тот период. Понимаешь? – Мишкино лицо оставалось непроницаемым, взгляд не дрогнул. – Наша статья было написана восьмого июля две тысячи девятого года, в день семьи, любви и верности. Мы посмотрим ближайшие выпуски тех дней, чтобы отыскать там что-нибудь про нас и нашу семью. – Мишка не отреагировал. – Герасимов, ты слышишь!?

– Конечно, слышу. – его лицо так и было неподвижным, словно он глубоко ушел в себя, – просто, эта затея кажется бессмысленной. Ты правда думаешь, что вы что-то найдете?

Богдан пожал плечами и сильнее стянул руки на груди:

– Честно, не знаю, – ответил он неуверенно, – маленькая надежда есть всегда. – Мишка устался на спине Андрея, который разговаривал со старушонкой в пуховой шали. Она уже вручила Марине скудную стопку материалов и теперь снова скрылась в недрах библиотеки. Марина положила все на стол между Богданом и Мишкой.

– В нашем городе всего две газетенки! – пожаловалась она.

– Для меня вообще большая новость, что кто-то бережет столь старые выпуски! – признался Мишка. – Я думал, хранятся только книги и справочники. Ну, может, журналы в добавок!

– Это же библиотека, – вздохнула Марина, – тут полно старья. Богдан решил промолчать. На несколько мгновений

он закрыл глаза, чтобы остаться одному в прохладе библиотеки: за столом меж высоких стилажей, меж узких полок, среди шероховатости страниц и сухого шелеста бумаги. Богдан вздохнул поглубже, стараясь впитать в себя пряный аромат старых книг и задержать, запомнить его подольше. Дух всевозможных историй! Было столько силы и спокойствия в этом запахе, что даже кощунственные речи двух дикарей не могли нарушить душевную гладь безмятежности и умиротворения Богдана.

– Я п-п-принес выпуски , по-посвященные дню семьи и за другие года. Вдруг, что-то по-по-попадется!

Богдан открыл глаза и увидел перед собой потрепанные страницы. Марина права, материалов действительно мало. Ребята просмотрели все со скрупулезной тщательностью – оказывается, газеты любят писать о празднике Петра и Февронии! Несколько раз попадалась история праздника, переиначенная и переделанная под интересы статей. Впрочем, изменения мало влияли на легенду. По мимо этого, ничего. Никаких упоминаний ни о старом монастыре, ни о семье батюшки Иоанна, ни о его детях не встретилось. Первым сдался Мишка. Он откинулся на спинку стула и, с полуприкрытыми веками, простонал какую-то ересь о невыносимости печати. Ребята еще нависали над газетами, но вот Андрей снял очки и устало вздохнул. Невольно, вздох получился слишком печальным, даже скорбным. Это погибала надежда унять любопытство! Впервые он решил пойти

наперекор отцу и сделать все по-своему, но, жаль, попытка сорвалась ! Андрей не мог понять, что больше опечалило – бесплодность дерзновения или нулевой исход поисков. Но наверняка он знал одно – интерес разгорелся сильнее и жарче. Герасимов достал из сумки шоколадку, разломал на части и положил среди стола.

– Для мозгов полезно.

– Твоя п-правда.

Еще какое-то время ребята посидели в тишине, которую нарушал лишь звук переворачиваемых страниц и шуршание фантика. Вскоре Андрей достал из кармана вырезку и зачитал ее вслух.

– Одного оставили в род-д-доме, д-д-другой осиротел в связи с трагедией, – Андрей снова стал перечислять ключевые моменты статьи, – шестидневный младенец в лесу, ребенок самоубийц и Сссашка. Он шел вдоль дороги, это мы знаем т-точно.

– Нет смысла снова мусолить все по кругу, – вяло заметила Марина, – мы говорили об этом вчера весь вечер! Старые выпуски газет не помогли, я больше не знаю, что еще может пролить свет на нашу историю.

– У меня от этого уже голова болит. – Андрей напряженно уставился в одну точку и стал грызть ноготь. Он ссутулился, погружаясь в свои думы, так что пиджак оттопырился в плечах и пошел складками на животе, но мальчик не придал этому значения. Он только острее вгрызся в ноготь и весь

сжался, скукожился в погоне за мыслью, меж бровей пролегла усердная складка. И снова Богдану показалось, что можно кожей ощутить волны мысленных потуг, что исходят от брата. Вдруг, карие глаза Мишки Герасимова сверкнули:

– Постой! Что там про младенца в лесу?

– "Шестидневного младенца подобрали в лесу с гипотермией и сорванными голосовыми св-связками", – пробормотал Андрей с пальцем во рту.

– Ну вот! – вскричал Мишка. Но остальные не разделяли его восторга, поэтому Мишка решил объяснить. – Это событие наверняка освещали в газете!

– Но мы же не знаем, когда это произошло, – напомнила Марина.

– Нужно всего лишь прибавить шесть дней к одному из ваших дней рождения!

На мгновения все замерли.

– А это дельная мысль! – подхватил Андрей. – С кого начнем?

– Давай, начнем по старшинству. С Любы, – предложил Богдан.

– Нет! – выпалила Марина. – Начнем с нас! Нас тут трое, много газет брать не придется, но если ничего не найдем – тогда, по старшинству.

Так и поступили. Вскоре, стол снова был занят старыми номерами газет и каждый просматривал подшивки. Несколько минут фанатичного вгрызание в текст, судорожного пере-

листывания и безудержного проглатывания статей, и тут Богдан почувствовал, как сердце ухнулось в пропасть! С его и без того бледного лица медленно исчезла краска, даже вишневые губы стали меловатыми! Он тревожно глянул на сестру и хрипло шепнул,:

– Вот оно. – мигом все сгрудились возле Богдана. Он указал на небольшую статью в центре газетного листа. Андрею потребовалось время и ингалятор, чтобы волнение позволило осознать прочитанное. В статье говорилось о человеке, который наткнулся на новорожденного во время прогулки в лесных зарослях за рекой. О том, как его арестовали, подозревая в умышленном желании принести вред ребенку и о том, как позже отпустили на волю, поняв, что человек хотел помочь младенцу, а не погубить его. Андрей посмотрел на дату в верхнем углу страницы и перевел взгляд на Марину. В отличии от Богдана, ее бросило в жар! Рот в удивлении приоткрыт, на лице играло негодование и брезгливость.

– Взгляните на фото, – добавил Богдан. В замызганном расплывчатом изображении ребята безошибочно узнали изъеденное шрамами лицо Лодочника!

17

Отголоски скандала все еще гуляли по дому, как блеклые тени; как призраки, снующие по углам. Воздух все еще был наполнен звоном голосов, бунтарский румянец не сошел с лиц, дыхание не унято, а тиканье огромных часов в столовой

вторило брошенным в сердцах словам.

Ли́ка переезжала жить в келью.

Отец был против.

Как и обычно, Ли́ка не выбирала слова для своих доводов, и, как и ожидалось, отец вспыхнул за считанные минуты. Он знал, что дочь получает несказанное, болезненное удовольствие от того, что заставляет его нервничать, выходить из себя и повышать голос! Множество раз отец Иоанн мысленно зарекался не идти на поводу у чувств, обещал себе оставаться спокойным – он верил, что именно спокойствием и сможет убедить дочь. Но тем не менее, каждый раз Анжелика умудрялась выкинуть что-то такое несусветное – куда уж ему, грешному, стерпеть!

Отец был категорически против!

Слишком ярко воображение рисовало ситуации и картины, которым могут произойти, если Ли́ка вырвется из-под родительского крыла. При этом, еще больше Иоанн страшился того, что скрыто от его глаз, того, что он и представить себе не может – что произойдет вполне вероятно, зная непредсказуемый нрав дочери!

Ли́ка утверждала, что ей нужно личное пространство, собственная комната, чуть больше свободы.

Отец стоял на своем.

Ли́ка говорила, что вырастет, и, порой, необходимо скрыться от чужих глаз!

Отец был негибам.

Вскоре, скандал вышел за пределы комнаты девочек и стал достоянием всей семьи. Отец Иоанн знал, что их слышат младшие дети, хоть и не показываются; со двора появился Саша. Отец хотел отложить разговор до лучших времен, но Лика не привыкла откладывать ругань.

Отец сдался.

– В конце концов, она переезжает не за тридевять земель, а в соседнее здание. – успокаивал Александр. – В келью!

В келью... Так и есть. Откуда же тогда это навязчивое чувство неправильности происходящего?

Отец сидел за столом собранный и строгий, но впадинка меж бровей сегодня была глубже, чем обычно, что выдавало его настроение. Лика была нарочито медлительна и спокойна, Иоанн догадывался, что этим дочь пытается еще больше поддеть его.

Марину, впрочем, мало тревожили чужие события и настроения; она сидела ровно и тихо, к еде не притронулась, щеки ее горели, под столом пальцы крепко сжимали подол юбки.

– Почему вы никогда не рассказывали, что меня нашли в лесу? Что меня подобрал Лодочник!?! – наконец выпалила она.

Сердце Андрея екнуло в груди! Он вздрогнул, выронил вилку, та звякнула о тарелку и упала под стол. Андрей наклонился за ней, желая скрыться от глаз отца. Но отец Иоанн лишь мельком взглянул на Марину:

– Ешь скорее, а то ужин простыл.

– Мама! – Марина взгляд на матушку. – Почему вы никогда не говорили, что мы усыновленные!?

– Я просил вас оставить это дело! – прогрехотал гулким басом отец. Андрея раздирали на диво разные чувства – одновременно ему хотелось скукожиться в невидимый комочек и вскочить, расправить плечи, требовать ответов! Он не знал, как поступить лучше, поэтому, по привычки, втянул голову в плечи и ссутулился, ожидая не доброго.

– В лесу!?! – удивленно переспросила Лика. – С чего ты взяла?

– Вы знали, что мы не родные? – в отчаяние обратилась Марина к остальным.

– На прямую никто об этом не говорил, но не нужно большого ума, чтоб догадаться. – тихо ответила Женя.

– Неужели вас никогда не интересовала правда!?

Женя не нашла что ответить и повернулась к отцу. В ее глазах, как и в лицах остальных, явственно читался вопрос.

– Прекратите это немедленно, мое терпение вот-вот лопнет! – потребовал отец.

– А меня где нашли? – нахмурилась Лика.

– Тут две возможности: или твоя семья п-п-погибла ппри трагических обстоятельствах, или – самоубийцы.

– ЧТО!?! Папа!

– Не желаю продолжать!

– Нет! – отчеканила Марина. – Мы уже многое узнали,

поэтому вам стоит рассказать все как есть!

Дерзость! Отец хотел было возразить, но тут же оборвал себя – дети, с разной степенью удивления во взгляде, смотрели на него не отрываясь. В едином порыве они затаили дыхание и лишь Марина возмущенно сопела на грани взрыва. Отец Иоанн ощутил мягкое прикосновение к своей ладони :

– Пожалуй, нам стоит все рассказать, – тихо проговорила матушка.

– Да, расскажите все о каждом из нас по очереди! – взмолилась Лика.

Отец еще минуту колебался, наконец, взглянул на Марину и заговорил:

– Тебя нашли в лесу, Марина, это правда.

– Лодочник меня нашел!

– Не Лодочник, дочка, а Сергей. А если точнее, то его пес.

Это было двенадцать лет назад, когда он только перебрался в наши края. Однажды, он отправился прогуляться в лес, далеко заходить не стал, ведь места незнакомые, как вдруг собака скрылась из виду. Сергей звал и искал ее, но бестолку. Наконец, он решил, что пес сам найдет дорогу домой и совсем было отправился уже вон из леса, как собака, в большом возбуждении, выскочила из кустов. Животное взвизгивало, лаяло, делало короткие пробежки и хватало за полы плаща, так что легко можно догадаться, что оно куда-то зовет хозяина. Если уж на чистоту, то собака была единственным существом, которое общалось с Сергеем, именно поэтому он

отправился за ней в чащу незнакомого леса. Вскоре они нашли тебя. Ты была совсем переязбшая! И только открывала рот, а крика не было! Сергей укутал тебя в плащ и унес из леса. Конечно, его тут же арестовали, помятуя темное прошлое, но, поняв что к чему, вскоре отпустили. С тех пор он часто спрашивается о тебе! Все спрашивает: как там девочка? Я отвечаю, мол, хорошо! Тогда он радуется!

– Вот почему он пялился на тебя! – взволнованно прошептал Богдан. – Просто хотел взглянуть!

– А кто... Кто же оставил меня в лесу?

Отец пожал плечами и тяжело вздохнул:

– Этого не выясняли. Проверяли родильные дома – ведь тебе было лишь несколько дней от роду, искали семьи, женщин, но безрезультатно. Дело не зашло дальше догадок.

– Я не понимаю, – покачала головой Марина, – зачем оставлять ребенка в лесу? Почему не в роддоме, или в приюте? Ведь это же верная... – тут она осеклась и замерла.

– И из-за этого, в частности, вам не нужно было копаться в прошлом!

– Нет! – встряла Лика. – Теперь расскажи нам все! О каждом!

Отец в глубокой задумчивости хранил молчание.

– Папа! – не выдержала Лика.

– Будь по твоему! Но, Анжелика, прошу тебя отнестись к моим словам спокойно и с пониманием!

Лика смиренно кивнула.

– Думаю, для всех вас не секрет, что вы, девочки, – Евгения и Анжелика – родные сестры. Это становится очевидно стоит только взглянуть на вас! Я был немного знаком с вашим отцом, но лишь мельком, поверхностно – тем не менее, я и впредь корю себя за прошлое легкомыслие! За то, что не разглядел опасности, не повлиял на него! Мы вместе были в семинарии, но он учился на несколько лет младше. Слыл вольнодумцем, был весельчак, но себе на уме! Мог днями сидеть в задумчивости взаперти, а мог пуститься во все тяжкие, нарушая мыслимые и немыслимые правила! Мы посмеивались над ним и только! После учебы меня определили сюда, жизнь потекла своим чередом, но я все еще немного общался со старыми приятелями. Доходили слухи и о вашем отце. Он избрал темную тропу – сочинял ересь и лженауку в своих умозаключениях и тем жил! Говорили, у него даже были приверженцы и ученики, впрочем этот горячий человек всегда умел убеждать! Очень жаль, что тогда я не придавал значения его чудачествам. Так, один за другим, проходили года ; дела монастыря шли в гору, мама задумала организовать Бесплатную трапезу – да, это было именно в тот год – как вдруг нас поразила страшная новость: две маленькие сестренки целый день бродили по дому, заходили в гости к соседям, пили с ними чай, играли до поздней ночи, пока кто-то не забил тревогу и не решил проводить их в квартиру. Входная дверь была открыта, а вот одна из комнат оказалась заперта... Ваши мама и папа покончили с собой в этой ком-

нате. Повесились. Рядом друг с другом, едва соприкасаясь руками! Позже выяснилось, что таковым был взгляд вашего отца на загробную жизнь – погибнешь молодым, значит душа останется молодой на том свете. Глупость, конечно, но он твердо в это верил! Его жена всегда была тиха и смиренна, она отправилась бы за ним куда угодно – в итоге так и вышло. Они специально вкрутили два больших крюка в потолок, чтобы...

– Иоанн!

Отец осекся. Девочки смотрели на него со смесью изумления и ужаса.

– Возможно, – виновато продолжил он, – если бы я серьезней отнесся к слухам о вашем отце, все могло бы сложиться иначе! Мне стоило поехать к нему, поговорить, вразумить! Даже после того, как мы взяли вас, я не переставал упрекать себя за то, что не распознал беду!

– Ты не в чем не виноват, папа! – бросилась защищать Лика. – Ты же сам говоришь, что едва был знаком с нашими родителями. Вряд ли бы они к тебе прислушались!

– Но чем же еще объяснить груз вины у меня на душе!

– Они похоронены на кладбище? – хрипло спросила Женя

– На кладбище. Далек от сюда, в другом городе. Если хотите, мы съездим посетить могилы.

Девочки в задумчивости промолчали.

– Лика, ты помнишь что-нибудь из прошлого? – обратилась к сестре Женя.

Та медленно покачала головой:

– Увы... Вот только мне часто снится сон, будто я брожу по дому и не могу найти из него выход...

– Вы были еще маленькие, – вставила матушка, – Анжелике было всего пять лет, она водила тебя по дому за ручку! Вполне вероятно, что воспоминаний не осталось совсем.

– Странно, – пробормотала Женя, – пять – уже достаточно, чтобы помнить!

– Почему вы не рассказывали об этом раньше?

– Собирались рассказать, когда ты достигнешь совершеннолетия, Анжелика. Тогда бы мы больше не имели права утаивать правду! Согласись, эти знания не из легких, еще несколько дней неведения не помешали бы!

– Но как они могли так поступить с нами!? Они же оставили нас!

Отец грузно поерзал и вздохнул:

– Каждый из вас, ребята, еще не раз будет задавать этот вопрос. Беда лишь в том, что ответа на него нет! Зачастую люди совершают необъяснимые поступки. А иногда – ужасные, невыносимые! Их трудно даже осознать, а понять совсем нельзя. Пытаться разгадать причину или постичь ход мысли людей во многом невозможно! Поэтому, постарайтесь впредь не мучить себя тупиковыми вопросами, поисками виноватого или, еще хуже, самобичеванием! Вы только исковеркаете душу, обмусоливая эти вопросы на разный лад в поисках ответа, который, если и есть, то не принесет вам ни-

чего, кроме новых страданий! Иногда прошлое должно оставаться далеко под толщей лет, а не хватать за сердце цепкими крючками воспоминаний и загадок.

Отец Иоанн немного помолчал, ожидая от девочек новых вопросов, коих не последовало – до поры до времени, – и перевел взгляд на Сашу. Тот быстро, коротко мотнул головой и опустил глаза; отец повернулся к Богдану :

– Богдан... – пробурчал он в бороду. Богдан почувствовал, как сердце замерло на миг, а потом забилось в лихорадке! Во рту пересохло, в горле ком:

– Отец... – бесцветно произнес он.

– Мы забрали тебя из больницы совсем маленького, и знали о тебе совсем немного – только то, что рассказала нам санитарка. Твои настоящие мама и папа долго прожили вместе, но никак не могли зачать дитя. Много лет ожиданий, попыток, врачей, процедур привели к нулю, тогда они решились на последнее... – отец Иоанн вдруг сконфузился, что было совершенно не свойственно для него, и поджал губы в поиске подходящих слов, но при этом намерено избегал называть вещи своими именами – Они, знаешь ли, пошли на... Они привлекли к этому постороннего человека...

– Еще одного врача?

– Нет. – отец опустил голову и засопел в бороду, стараясь скрыть отвращение к тому, что собирался сказать. – Твои родители пригласили женщину. Наняли ее для весьма странного дела... Наняли женщину для...

– Суррогатную мать, – прервал его потуги Саша.

– Именно так!

– Как? – вскочил Богдан. – Вы обалдели, что ли!?

– Выбирай выражения, сын!

– Простите.

– Так вот, твои родители наняли женщину, чтоб она выносила и родила им тебя. В нюансы таких дел я вдаваться не привык, знаю лишь то, что этой женщине нужны были деньги. Она забеременела. Сначала все шло прекрасно! Родители были на седьмом небе от счастья, всячески лелеяли и обхаживали свою новую подругу, ни в чем ей не отказывали, готовились к рождению дитя. Они носились с медицинскими анализами, детскими кремами, распашонками, сосками; разговоров было – только о малыше! Тебе придумывали имя, для тебя выбирали кровать и одеялко, весь мир был только для тебя, как вдруг случилось непредвиденное! Отчего-то организм этой женщины отказался дальше вынашивать чужого ребенка и она родила намного раньше срока! Я слышал, как врачи говорят про таких детей: они не говорят "ребенок", они называют его "плод". "Плод" – обезличенно, обезчеловечено, обездушено, – возможно, чтобы было легче смириться со смертью такого ребенка. Так или иначе, а ты родился совершенно не готовым жить и дышать, ты был все еще эмбрион. Родители отвернулись от тебя – им нужен был здоровый и сильный ребенок! Женщина, родившая тебя, пошла на все это ради заработка, поэтому ей ты тоже оказался

не нужен. По слова санитарки, скандал разгорелся прямо в больнице! Родители обвиняли женщину в неосторожности, она требовала свое – чем все кончилось, я не узнавал. Мне это не важно. Важно то, что тебя положили под прозрачный купол, затыкали всего трубочками и тебе пришлось лежать там одному без поддержки, любви и внимания!

– Они что, просто ушли?

– Да. В лесу оставлять детей по закону нельзя, а вот в больнице, приложив дополнительно специальное заявление, почему-то можно! Они ушли и больше ни об одном из них вестей не было. Мы узнали о тебе по слухам и решили взять к себе. Мы дали тебе имя, которое сами выбрали – Богдан. Потому что решили, что ты Богом дан этому миру!

– Зачем прилагать столько усилий, чтоб отказаться!?

Отец развел своими большими руками:

– Я уже говорил – есть поступки, осознать которые нам не под силу. Остается только принять все как данность. Или постараться забыть.

– У меня складывается впечатление, что я вообще не должен был родиться! Кто же их просил!

– Прекрати, Богдан! – отец строго взглянул на него. – На планете проживают семь миллиардов человек – прошу заметить, никто на этот свет сам не просился – треть из них живет хуже, чем наш дворовый кот Порфен. И не жалуются, а даже находят, за что поблагодарить Бога! И вот, что я скажу, – он окинул детей строгим взглядом и поднял внушительный

перст, – никто из вас пусть не смеет роптать и жалобиться на жизнь! Не приведи Боже хоть кому-то из вас строить из себя обиженное дитя, ссылаясь на прошлое! Пока я жив, пусть никто даже не думает утопать в унынии и жалости к себе – это удел слабых! Пресмыкающихся! У вас есть все для счастливой жизни и для будущего, хотя многие на этом свете не представляют, что станет с ними к вечеру – цените то, что вам дано жизнью, цените настоящее! Помните, что в каждом есть великая сила духа!

– А как же мои глаза? С ними-то что?

– Тут все остается по-прежнему – такой уж ты родился. Мы показывали тебя врачам, но они лишь разводили руками. Может быть, потому что ты родился раньше срока, а может быть Бог знает что еще.

Богдан притих. У него было еще много вопросов, но в груди с необычайной силой клокотали чувства, и они казались такими горячими и громкими, что затмевали даже голос разума, который требовал ясности и немедленных ответов на все! Богдан откинулся на стуле и сложил руки на груди, стараясь перебороть ревущиеся изнутри ощущения.

– Так значит, правда! – вдруг вскрикнул Андрей.

– Что такое?

– Люба – ваш родной ребенок! В статье не сказано лишь об одном ребенке – о родном! Остаются т-т-т-только Люба и я! Но это не я, п-п-потому что я – рыжий! Т-так значит – Люба!

– Нет, не Люба.

– ...

Матушка Анна сжала ладонь мужа:

– Господь не дал нам своих детей.

– Любу мы взяли малюткой. Ее родные погибли в страшном пожаре! Огонь разгорелся ночью, когда все спали, большинство людей угорели в дыму. Любина мама, совсем еще молодая девушка, смогла выскочить из горящего дома с ребенком на руках, но сама она так сильно пострадала от ожогов и дыма, что вскоре скончалась в больнице. Люба тоже оказалась ранена, но не сильно – у нее до сих пор остались шрамы на руках.

– Ее история кажется нормальной. – Заявила Марина.

– Что ты имеешь ввиду?

– Все мы здесь начали жизнь через пень-колоду – так или иначе безумно – но только не Люба!

– Она все-таки первенец! – сказал отец. – Мы просто пошли и усыновили ребенка.

– А мы? Почему мы, как на подбор, с темным прошлым? Вы, будто, специально собирали!

– Специально, дочка. – Все разом устремили взгляды на отца Иоанна. – Когда мы с вашей матушкой углубились в вопросы усыновления – а это было именно тогда, когда мы взяли к себе Любу – мы убедились, с какой неохотой люди берут на воспитание чужих детей! К таким детям относятся несмело и с опаской, а если у ребенка дурное прошлое

– оно как клеймо! Мы поняли, что если дитя сделалось сиротой из-за пожара, автомобильной аварии, или стихийного бедствия, то у него есть шансы попасть в новую семью. А вот если ребенок несет за душой темную историю прошлого – самоубийство, лес, и все, что угодно – он пугает! Не важно насколько он маленький и беззащитный, главное, что тени былого плотно окутывают его, рождая дурные образы в чужих глазах! Возможность обрести семью становится совершенно мала, мы решили, что это несправедливо! Мы решили, что возьмем тех, кого никто не захочет брать.

Отец закончил говорить и в столовой повисла тишина. Андрей занервничал. Вдруг ему показалось, что стало душно, в ладонях загудело, грудь стала медленно наполняться тяжестью – мальчик безотчетно нащупал ингалятор сквозь ткань кармана. Андрей ждал, что вот-вот отец переведет на него взгляд и заговорит; сейчас, с минуты на минуту; еще мгновение... Однако, после некоторого молчания, отец Иоанн лишь кивнул, поднялся во весь исполинский рост и отправился к двери.

– Отец, п-п-ппостой! – Андрей вскочил. – А как же я!?

Отец Иоанн устремил на него вдумчивый, тяжелый взгляд, сложил руки за спиной и произнес:

– Хорошо. Как доешь, зайди ко мне во флигель.

– Я уже п-п-по-по-пп... Сыт! – Андрей ринулся за ним.

Богдан лежал без сна. Он пытался читать, но книга не за-

нимала. Мальчик отложил ее и дал волю мыслям. Ему казалось, что сегодня произошло нечто безбожное и кошмарное! Не правда. Нечто безбожное и кошмарное случилось с ним тринадцать лет назад, а сегодня он всего лишь узнал об этом. Богдана не покидало ощущение, будто он выпачкался в нечистотах!

"Две женщины, – думал он, – его мамы, их две! Как это вообще возможно!? Как странно. Как мерзко! Одна его родила, а другая... Какова роль другой? Ничего не понятно! Надо бы спросить у кого-нибудь завтра, Лика или Сашка должны знать общий принцип. И зачем его оставили? Отец прав, можно прожить долгую жизнь, да так и не разобраться в поступках людей. Почему люди не могут мыслить разумно, линейно!? Вот предположим: двое хотят ребенка, пытаются, ходят по врачам, нанимают – Бог с ними – другую женщину, она рождает дитя, все довольны! Как, объясните на милость, как в простейших размышлениях появляется вывих и все идет кувырком!? Наверное, скоро семьи будут образовывать не пары – муж и жена, – а три человека – муж, жена и третий, кто поделится своим организмом. Тогда отношения между людьми станут еще сложнее, семьи будут раскалываться чаще, ведь ответственность уже делится ни на две половины, а на трети! Чем больше людей, тем сложнее найти общий язык! Что станет с церковью!?"

Богдан крутил в голове эти мысли по-всякому, чтобы хоть как-то приладиться к ним, свыкнуться и смириться. Но за-

нимало его не только это – Андрей до сих пор не вернулся. Почти час, как он ушел во флигель и до сих пор ни весточки! Что же такое отец рассказал ему? Богдан мысленно перебрал представленные в статье варианты возможного прошлого брата, к сожалению, все указывало на то, что именно его историю не затрагивали в газете. Дверь в комнату приоткрылась, прервав мысли Богдана, и Андрей, подобно тени, проник внутрь. Он небрежно стянул брюки, рубашку швырнул на стул, рухнул на постель и зарылся лицом в подушку. Богдан свесился вниз и прошептал:

– Андрей, как ты там?

Андрей промычал что-то неразборчивое и больше не издал ни звука.

18

Марина чувствовала себя прескверно. Она вертелась с боку на бок, долго не могла уснуть и все прокручивала в голове рассказ отца. Мысли лезли бессвязные, обрывочные и тусклые, ни на одной из них девочка не могла долго задержаться, впрочем, вовсе не мысли мешали уснуть, а странное тяжелое чувство стыда. Марине было стыдно за себя, за то, что произошло с ней! Ей было стыдно перед родными, братьями и сестрами; она ощущала себя бесчестной обманщицей, лгунишкой, самозванкой, которой не место в обществе и в их большой семье! Казалось, что всем своим существом она нарушает равновесие вселенной; она вдруг почувствовала се-

бя виноватой, хотя даже не понимала в чем именно. Марина осознала, что все это пустое, и вовсе ей не чего стыдиться, и вины нет ни в чем, но чувства упорно твердили свое. На утро не случилось никаких изменений и ей пришлось выйти к завтраку, как ей казалось, с дымящимся клеймом позора на лбу. Она вела себя тихо, прятала взгляд и старалась не привлекать внимания, лишь бы только никто не заметил ее рваной расковырянной раны! Марине казалось, что все ее страдания на виду. Казалось, что от нее смердит болью, что она испаряет страдания с поверхности кожи! Пока Марина шла по улице или была в школе не меньше сотни людей смотрели на нее и, как ей казалось, видели ее разбитую душу, жуткие следы прошлого. В мгновение растерялась былая бойкость и самоуверенность, поник румянец. Даже голос стал тонким и несмелым, с нотками мучения. Изменилось все: люди стали видеться в новом свете, звуки слышались на новый лад, краски и тени переплелись в неузнаваемые пятна, словно солнце вздумало вставать с другой стороны. Все перевернулось с ног на голову. Эти неожиданные перемены обескураживали. Марина уже не знала, что за люди перед ней, как с ними разговаривать, как себя вести; она больше ничего не знала о себе и не узнавала себя. Ей казалось, что громкая смелая девочка, которой она была, исчезла. Что это пережиток прошлого, беспечное детство – все ушло, а вот что же осталось и кто она теперь, пока не ясно. Ей хотелось вернуть себя обратно, но что-то подсказыва-

вало, что эта потеря безвозвратна. Марина запуталась. Ее затянула вязкая паутина меланхолии. Как и всякий ребенок, она быстро уверилась, что это навсегда, что отныне и впредь не видать ей хорошего настроения, что будет она до скончания века продирается сквозь переплет своих чувств и страданий без надежды на свет, что привыкнет к этому когда-нибудь и, не ропща, заживет уже взрослой жизнью. И казалось ей, что так и должно быть, что это по справедливости с ней происходит, ведь столько она жила в сладком неведении, что теперь пора отдавать дань жизни и принять судьбу лесного найденыша. Так, в скомканных чувствах, прошло несколько дней. Мир продолжал пестреть искаженными образами и выворачиваться наизнанку, Марина догадалась, что с этим уже ничего не поделаешь и решила встречать перемены в лицо. Кое-что, все же, оставалось неизменным... Глеб Козлов! Марина заметила его скрюченную фигурку, мальчик неуютно мялся у входа в класс и посасывал прядку отвислой челки. Его лопатки торчали двумя подвижными углами, плечи, напротив, выписывали дугу. Глеб стоял в неестественной позе зигзага, выдавая вперед впалый живот, что только подчеркивало его птичью худобу. Мальчик зыркнул по сторонам, украдкой сунул палец в нос, покрутил им, извлек и принялся щелчком избавляться от улова. Это переходило все границы! Марина решительным шагом направилась к нему и с размаху саданула ладонью по спине. Глеб взвился от неожиданности и мотнул головой так, что его волосы взлетели в

воздухе, разбрызгивая слюну.

– Распрямись, огрызок! – отчеканила Марина и пошла дальше, но сзади послышалось недовольное сопение и, кажется, Козлов даже что-то промямлил в ответ. Такого еще не случилось! Марина повернулась к нему:

– Что?

– Не волнуйся, скоро придет конец твоей ненависти ко мне. – пробормотал Козлов.

– Слишком много ты о себе возомнил, раз думаешь, что я тебя ненавижу. Это скорее гадливость!

– Плевать!

– О чем ты вообще бормочешь? – Глеб впервые заговорил с Мариной, хоть лупила она его неоднократно.

– Мы опять переезжаем, так что скоро я уйду в другую школу! Перестану мозолить тебе глаза!

Марину захлестнула удушливая волна жалости и отвращения, она метнулась к Козлову:

– Думаешь, в другой школе будет лучше!? Думаешь, там никто не заметит, как ты облизываешь свои сальные волосенки или козявки достаешь!? Да ты везде будешь грушей, пока не расправишь плечи, пока не перестанешь быть жалким червем! Очнись, Козлов – что ты с собой делаешь? Вымой голову, распрямись, простирни рубашку! Видно же, что тебя самого от себя воротит!

Глеб только бросил:

– Дылда! – и поплелся в класс.

Марина заметила рядом с собой Андрея и устало покачала головой:

– Так бы и дала палкой по хребтине, чтоб он лопатки выпрямил!

– Отстань от него! – неожиданно крикнул Андрей. – Кто дает тебе п-п-право делать из человека жертву! Что ты, что Курицын – одного п-п-пполя ягоды – тираны!

Марина опешила на миг, но вскоре взяла себя в руки :

– А ты не приравнивай себя к Козлову! Он корчит из себя амебу, жалкого человечка – надо выбить из него эту дурь! Ты не такой! Тебя Курицын колотит по вполне определенной причине... – но Андрей был уже далеко. Ушел, и не дослушал. В нем поднялась горячая волна протеста и разбудила бывшие обиды, даже ярость! Это были первые мало-мальски живые чувства, которые ему довелось испытать за три дня. Время, что прошло с того памятного вечера, как отец рассказал им все и до сего момента Андрей прожил совершенно неосознанно, механически. Он был сбит с толку правдой, которую отец поведал ему во флигеле и все никак не мог осознать ее до конца. Она казалась Андрею слишком громадной и увесистой, чтобы принять ее в себя всю и поместить в голове так, чтоб не потеснить рассудок. Мальчик попросту был ошарашен, так, что на какое-то время даже перестал чувствовать! Он ни с кем не разговаривал, вел себя прилежно, рано ложился спать, избегал общества, немного хандрил и совсем не смеялся. Даже Герасимов был не в силах расше-

велить его. Да что там, партия в карты с Юлией Борисовной не тронула чувства! Он отыграл лишь из соображений долга. Очень кстати, к концу урока заверещали девчонки, оказалось, они заметили хомячка за батареей и перепугались. Андрей отправился выманивать кроху, который забился вглубь и затих, напуганный криками. Наконец, его удалось достать. Во всю шла перемена, ребята покинули класс и лишь Богдан дожидался брата у двери.

– Обязательно потом вымой руки, Чижов – крысы переносят оспу и испанку! – посоветовала Юлия Борисовна. Андрей оставил ее слова без внимания. Только уже у самой двери он обернулся и, поглаживая хомячка, произнес:

– Вы такая классная баба, Юлия Борисовна! Я бы вам даже руку и сердце предложил, но вы же опять все опозлите! – учительница открыла рот от удивления, а Андрей тихо ушел. Богдан предпочел сделать вид, что ничего не слышал.

Эти несколько дней были настолько бесчувственные, что даже ингалятор завалился в кармане мертвым грузом, будто забыл свое предназначение. Лишь изредка Андрей клал на него ладонь, только чтобы убедиться в его наличии, если стальные прутья удушья сдавливали грудь. Это бывало, когда Андрей уходил глубоко в себя, следуя за мыслью, вгрызался в нее и хмурил брови, долго размышляя о своем. В такие минут взгляд его стекленел, он сидел недвижно, лишь иногда шевелил губами, и совсем забывал о времени. В прошедшие три дня такое случалось часто. Он проваливался в

раздумья, как в черную дыру. И чем больше Андрей углублялся в мысли, тем мрачнее становилось его лицо, он суровел, хмурился – его напряжение могло передаваться по воздуху, – наконец, он превращался в сжатый сгусток нервов! Как вдруг мысль пропала! Андрей бросался, было, за ней, старался ухватиться за хвост, удержать, но она мгновенно проскользнула в темные недра сознания, не оставляя даже памяти о себе. Прежде внезапные мыслительные углубления в себя делали его тревожным, раздраженным, и не раз приводили к приступам. Однако, последнее время, даже приступы перестали волновать. Такая чувствительная нагота не могла тянуться долго, мальчик это понимал. Действительно, вскоре ощущения стали оттаивать, и, кто бы мог подумать, происходило это с болью. Андрей как раз рылся в себе и силился разгадать причины своего дурного настроения, как вдруг кто-то сильно толкнул его плечом! Андрей отлетел к стене.

– Ты же и не думал помирать, Пижон! Просто прикидывался бедненьким! – конечно это был Курицын. После выходы с мячом он перетрухал, померил свой пыл и вел себя тиши мыши. Но, видимо, сегодня Никитке стало скучно.

– Конечно! – ответил Андрей и сам удивился, услышав в своем голосе злобу. Еще не хватало, чтоб Курицын думал, что с ним можно справиться всего лишь мячом. Раздавить, как жука! – А ты п-перетрусил, Курица! Видел бы ты свое лицо!

Никитка притиснул Андрея к стене локтем, сам прибли-

зился вплотную, словно влюбленный, и шепнул :

– Ты об этом пожалеешь, божий одуванчик!– Курицын вдавил локоть Андрею в грудь. – Вспоминай свои молитвы!

Герасимов отшвырнул Никитку легко, как тряпицу.

– Пора уже наподдать ему хорошенько! – посоветовал он Андрею. Тот одарил Мишку неприятной ухмылкой, за которой явно таился замысел и зачем-то отправился в кабинет труда.

Могила захлопнула за собой дверь и в классе тут же воцарилась гробовая тишина. Учительница звучно процокала к столу, скинула с себя пиджак, и, вместо приветствия, холодно отчеканила:

– Ты когда-нибудь дождешься, Шестакова! – У Андрея всплыла мысль, что, возможно, Могила заметила исправление в журнале, но тут он увидел, как Дашка неуклюже подцепила учебник и тетрадку и поспешила убраться с первой парты.

– Чижов, ты поймал мышь?

– Это не мышь, а хомяк, я выловил его вчера.

– Все одно – грызун! Грызун – это зверь!!

– Грызун это не зверь... – начал Андрей, но Герасимов толкнул локтем и повертел пальцем у виска:

– Что ты ее злишь!?! – шепнул он.

– МОЛЧАТЬ!!! Достаем двойные листочки!

Худшая из бед! Мишка жалобно застонал.

Чем ближе было к концу урока, чем чаще Андрей поглядывал на часы. Он давно закончил работу и отложил ее в сторону, теперь только ждал когда минуют последние минуты до звонка. Курицын тоже ерзал на стуле. Он весь искрутился, извился, задержал Прихвостня, проще говоря, не находил себе места. Никитка что-то искал. Вдруг Андрей повернулся к нему и дождался, пока Курицын остановит на нем взгляд.

– Он у меня, – шепнул Андрей и вытащил из-за пазухи телефон. Курицын открыл рот, мысленно подбирая ругательства и стал пунцовый от гнева.

– Откуда он у тебя? – изумился Герасимов.

– Сп-п-пер, п-пока Курицын жался ко мне на перррремение! – Андрей напустил на себя деловой вид и тыкал в кнопки, но телефон его не интересовал. Краем глаза мальчик следил за Курицыным и упивался его бешенством! Пока шел урок, Никитка мог только краснеть и крутиться на пупе! Андрей снова глянул на часы и вынул из кармана маленький плоский конверт, затем медленно развернул его и осторожно извлек лезвие. Мишка отложил ручку и откинул волосы с лица, его брови медленно сошлись на переносице в насупившиеся бугры, он с подозрением произнес:

– Ты что задумал!?! – Андрей не ответил. Он сложил лезвие вдоль и, надавив не него, сломал пополам. Двумя пальцами поднял половинку, придирчиво осмотрел ее, сломал еще пополам. Последний взгляд на часы и Андрей уверенным движением отправил четверть лезвия в рот! Закрыв гла-

за и сделал несколько неторопливых жевательных движений. Сунул пальцы между губ и медленно вытащил окровавленную пластинку, за которой тянулась упругая ниточка багровой слюны. У Мишки отвисла челюсть:

– Андрюха...

Андрей запрокинул голову и плотно сжал губы, чтобы удержать кровь. Звонок! Весь класс зашевелился. Что было мочи Андрей плюнул в Курицына кровью и рванул из класса! Он бросился на утек, прытко обскакивая всех, кто попался на пути, но уже слышал топот погони. Курицын с Прихвостнем гнались за Андреем, чуть отставали сзади Мишка и Богдан. Андрей быстро преодолел коридор, ринулся по лестнице вниз, на второй этаж, вильнул направо, ломанулся в мужской туалет и резко затормозил у последнего клозета у окна. Он сплюнул еще немного крови, положил очки на подоконник, но не успел перевести дух, как появился Курицын. Никитка встал, как вкопанный, вперив полный ярости взгляд в Андрея – тот держал телефон над жерлом унитаза. Подоспели остальные и на мгновенье повисла тишина.

– Ты не посмеешь!

– Да ну! – Андрею вдруг стало весело! Он почувствовал остроту ситуации и это забавляло! Азартная улыбка заиграла на его лице и запенилась красным. – Останови меня, Курица! Или трусишь?

– Ну все Пижон, считай ты котлета! – выкрикнул Курицын, но приблизится не решился. Андрей потряс телефоном

– о, какое наслаждение дразнить Никитку, упиваться его беспомощностью и гневом!

Богдан не знал что ему делать, но чувствовал, что должен вмешаться. Он посмотрел на Мишку, тот только переводил задумчивый взгляд с Никитки на Андрея и ждал естественного исхода событий. Тут Богдан заметил, что Прихвостень стоит рядом, в двух шагах! Аникин улыбался с нотками оскала, а в глазах горел огонь. Богдан уже видел это спесивое выражение на его лице: "Покраснела, как рак..." – пронеслось в голове у Богдана и уже знакомая волна гнева поднялась внутри, разрывая горло. Захотелось немедленно вздуть Прихвостня! Задать ему трепку, вытрясти дух, отколошматить! Но как? Аникин – бугай, он намного крупнее Богдана. Да что там говорить, в классе большинство девчонок крупнее Богдана! К гневу приплелось чувство щемящей несправедливости, которое еще больше расщекотало нервы...

– Швыряй! – крикнул Богдан брату. Брови Андрея дрогнули от удивления, и, все же, он разжал пальцы. Шмяк!... Курицын неистово зарычал, но Богдан его не услышал – стремглав он бросился на Прихвостня в оглушающем порыве прибить гада! Мальчишки сцепились и вылетели в коридор. Богдану удалось дать Аникину пару раз, прежде чем Прихвостень скинул его и подмял под себя. На тщедушное тело Богдана посыпались удары, но он не обращал на них внимания! Пусть Прихвостень побьет его, но и он попытается намять отморозку бока! Богдан старался, стиснув зубы и

ощущал под кулаками то что-то мягкое, то что-то твердое, то непонятно что! Краем глаза он заметил, что рядом Андрей с Курицыным сплелись в пыльный комок. Перевес сил был на стороне Курицына, но Андрей вел себя, как сумасшедший! Драка рождала в нем ликование, а боль вообще приводила в извращенный восторг! Он дрался с Курицыным сквозь смех, выставляя на показ окровавленные зубы, пока изо рта стекала алая струйка. Герасимов подскочил сзади и потянул Курицына за плечи, чтоб освободить друга. Он не хотел вмешиваться – Мишка с самого начала был за кулачный исход – но Андрей явно терпел бедствие, а Курицын лупил его нещадно! Андрей схватил Никитку за грудки и подтащил обратно к себе, захлебываясь весельем! Тогда Мишка вклинился между Андреем и Курицыным и постарался оттолкнуть ребят друг от друга. Но Андрей вывернулся и выжил Герасимова из схватки. Вокруг стали мелькать люди, слышались крики и голоса учителей. Андрею удалось высвободить руку и он жесткими пальцами впился Никитке в кадык! Курицын вытаращил глаза, а через мгновение вывалил язык.

– Андрей, ты озверел, что ли! – Мишка потянул друга за руку. – Андрей! – но тот не слышал – его глаза горели синим бесовским огнем! Вдруг, словно хлыст, мальчишек обдала ледяная волна и они отпрянули друг от друга – с ведром в руках над ними стояла Марина. Андрей опомнился и посмотрел по сторонам – их окружала толпа школьников и несколько взрослых.

– Все в учительскую! Живо! – выкрикнула приказ Татьяна Михайловна. Мальчишки нерасторопно повиновались. В ушах стоял гул, руки дрожали, но Богдан постарался расправить плечи и смотрел открыто. Их выстроили в рядок у стены, как раз напротив учительских столов под осуждающие взгляды взрослых. Могила тоже приплелась и встала у двери, руки в боки, буравя мальчишек колючим взглядом.

– Что вы себе позволяете! – разъяренно выговаривала классная руководительница. – Это же школа, храм науки! А вы ведете себя, как сброд! Устроили разборки, словно в подворотне! Никак не ожидала от тебя, Богдан! Такие родители, а ты... С чего началась драка?

Мальчики молчали.

– Отвечайте! Чего не поделили?

– Чижов утопил мой телефон! – выкрикнул Курицын

– Богдан? – Татьяна Михайловна перевела на него удивленный взгляд.

– Да не он! Андрей!

– Андрей? – переспросила учительница. – А где же он сам?

Богдан и Мишка завертели головами, но Андрея среди них и правда не было!

– Смылся! – хохотнул Курицын.

– Сейчас это не важно! – заявила Татьяна Михайловна. – Но, Никита, ты выдвигаешь серьезное обвинение! Ты уверен, что именно Андрей Чижов утопил твой телефон?

– Конечно уверен! Он ухнул его в сортир! Это произошло на наших глазах!

– Я могу подтвердить! – вставил Прихвостень.

– Заткнись ты! – шикнул Мишка.

– Но зачем? – изумилась учительница.

Никто не ответил.

– Что произошло у вас на уроке Магдалины Лаврентьевны? Вы удрали с него, словно дикая стая!

– Чижов плюнул в меня кровью!

– Кровью!? Откуда взялась кровь!?

– Андрей, он... – Курицын вдруг замялся, словно сам не верил в то, что хотел сказать. – Он сунул лезвие себе в рот!

– ЧТО!? Богдан!? – учительница перевела на него полный удивления взгляд. Вся учительская в эту минуту тарасилась на него! Богдану захотелось провалиться сквозь землю, но – увы! – нужно было ответить. Врать он не хотел, но и правду выдавить из себя не мог, поэтому он молча опустил взгляд.

– Ладно. Разберемся. – пробормотала Татьяна Михайловна. – Пока ступайте, приведите себя в порядок. Но инцидент не исчерпан!

Богдан умыл лицо, которое так и горело, и вымыл руки. Мишка рядом просто сиял! Он крутился вокруг Богдана и трещал без умолку :

– Как же я мечтал втоптать этому гаду! Кулаки так и чесались! Но это сделал ты, ты дал в бубен поганцу! Задал ему трепку! Богдан, ты хорошенько ему вломил?

– Я не уверен. – промямлил Богдан. На него накатила тяжелейшая усталость, ноги подгибались, руки казались огромными и ватными, было ощущение, что его измял медведь! И все же он чувствовал некое приятное удовлетворение, которое граничило с умиротворенным спокойствием.

– Даже жить на свете лучше стало! – продолжал Мишка. – Ничто в мире не сравнится с основательной дракой! Есть много приятных вещей, но махач занимает особое место, понимаешь? А Прихвостень заслужил! Здорово ты его, кто бы ожидал! Давно пора было начистить ему наглую морду! Ух! Богдан – богатырь! – восторгам Герасимова не было предела. Ребята вернулись в класс и стали собирать вещи. Мишка глянул на соседнее место – там было пусто. Стало быть, Андрей уже ушел. – Куда подевались мои жакет и палантин? – разразилась недоумением Могила. – Я повесила все на спинку стула, а теперь их нет! Ребята, кто-нибудь видел куда они делись?

Все притихли и принялись озираться.

– Богдан, что такое жакет и палантин? – шепнул Мишка.

– Это шарф и... И что-то еще..

– Пиджак и шарф. – шепнула Рита Калашникова и уже громко. – Магдалина Лаврентьевна, вы их, наверное, в учительской забыли.

– Возможно. – рассеянно пробормотала Могила. – Наверное.

На улице стояла духота. Тугие пунцовые тучи без движения висели над землей, угрожая вот-вот разразиться дождем. Мишка закинул сумку на плечо. Она, как плеть, повисла, оттягивая ворот заношенной водолазки. Герасимов побрел прочь от дверей школы, тоскливо поглядывая по сторонам. Рядом, нога за ногу, плелся Богдан. Страсти утихли и оставили за собой усталость; духота давила со всех сторон, Богдан почувствовал как, запульсировали ссадины на лице. Больше всего на свете ему хотелось сейчас скрыться от глаз людей в какой-нибудь неведомый уголок и побыть одному. Богдан был рад, что Мишка прекратил наконец изливать свои несказанные восторги, и уже подумывал, как бы поскорее распрощаться с ним, как вдруг у школьного забора замаячила знакомая фигура. Андрей дожидался друзей. Вид у него был тот еще! Рванный пиджак, окровавленная рубашка, рыжие волосы торчат в беспорядке, на лице уже приступали синяки, от чего очки смотрелись как-то не к месту. Зато в глазах горел огонь!

– Я удивлен, что ты слинял!– признался Мишка.

– Так надо! – прищурился Андрей. – А что было?

– Да в общем..

– Не важно! – перебил Андрей. Он немного мямлил, потому что язык распух от порезов

– Как же твоя политика Ганди?

Андрей вздохнул:

– Она для сильных! Я, видимо, еще слаб.

Ребята шли по улице медленно, из них только Андрей пребывал в приподнятом настроении, и Богдану явно не нравились ни подозрительный взгляд брата, ни тон, с которым он произнес:

– Есть идея! Сегодняшний день был совершенно особенным, во мне многое изменилось, много чего произошло! Нужно отметить! – Андрей крутился вокруг друзей, расплескивая неумную энергию.

– Что ты предлагаешь? – без интереса спросил Мишка.

– Я хочу выпить!

– У меня была водичка в сумке. – Богдан полез в портфель.

– Я не о водичке говорю, Богдан!

Мишка вдруг остановился, по лицу расплзлась озорная улыбка – скуки как небывало!

– Ого!

– Ты обалдел, Андрей!

– Очень надо, Богдан! Сегодня я избавился от гнета тирана! Я сам переменялся! Стал другим! Я хочу запомнить этот день и выделить его из серой массы остальных!

– Он недостаточно выделился мордобоем!?

– Правда, Богдан! У вас сегодня боевое крещение! – вклинился Мишка.

– Может, хватит чудить! – но Андрей уже не слушал брата. Он повернулся к Герасимову и серьезно спросил:

– Где нам раздобыть выпивку?

Мишка сунул руки в карманы, несколько секунд его взгляд блуждал по редевшим кронам деревьев, наконец он откинул волосы с лица и расплылся в своей многорядной улыбке:

– За мной! – он прибавил шагу и повел друзей в сторону своего дома. – Надо подумать, куда мы пойдем. Не в монастырь же!

– Пойдемте в рощу у реки, недалеко от того места, где мы рыбу ловили. – тихо предложил Богдан.

Мишка удивленно на него глянул:

– Приятно знать, что ты на нашей стороне!

Богдан ничего не ответил. Он не хотел участвовать в идиотской затее, но чувствовал, что не должен оставлять брата в пылу сумасбродного возбуждения. Ребята быстро добрались до Мишкиного дома, он шепнул:

– Ждите здесь, – а сам, с невероятно серьезным лицом, зашел в избу. Не прошло и трех минут, как Герасимов вернулся обратно. В волнении, ни слова не говоря, он прошел мимо друзей и направился вверх по улице на пригорок. Там до реки рукой подать! Ребята семенили следом.

В такую погоду, когда свинец свисает с небес, грозя а любую минуту обрушиться на землю; когда воздух становится вязким и сырым, а порыв ветра кажется вымыслом; когда краски природы мрачнеют, а все звуки раздаются особенным эхом, тогда и река, перекликаясь с тяжестью туч, распевно

гудит водами, ворочаясь меж берегов. Богдан позволил себе полюбоваться природой пару минут, ему нравилась эта роща. Здесь было тихо, только птички, да шорох! Главное, безлюдно. Мальчики забрались поглубже в заросли и отыскали упавший внушительный ствол – Мишке он показался верхом уюта – на который и уселись.

– Ну что! – потер ладони Герасимов. – Я еще шоколадки прихватил! – он положил шоколад на ствол, вынул стаканчики, следом показалась бутылка с какой-то прозрачно-оранжевой жидкостью.

– Что это такое? – спросил Андрей, пристраиваясь на упавшем дереве.

– Рябиновая настойка. Умыкнул ее у деда! – Мишка понемногу налил в стаканчики.

– Нет-нет, я не буду! – запротестовал Богдан, когда Мишка наполнял третий стакан. Герасимов прищурился и бросил на него странный взгляд:

– Если он не будет пить, – шепнул Мишка Андрею, – то может сдать нас!

Андрей покачал головой:

– Нет, что ты!

Друзья принялись уговаривать Богдана. Он с самого начала не хотел в этом участвовать, но любопытство подтолкнуло его согласиться. Мишка поломал шоколадку, на мгновение застыл в нерешительности, и протянул Андрею стаканчик.

– Нужен тост.

– За второе дыхание! – без колебаний произнес Андрей и опрокинул выпивку в рот. Сначала обожгло язык и небо! Андрей протолкнул настойку в глотку – вспыхнули внутренности, продрало нос, захотелось кашлять! Брызнули слезы, мальчик зажмурился и поторопился запихнуть в рот шоколадку.

– Ну и дрянь! – услышал он голос Богдана.

– Пробирает! – подхватил Мишка.

– Вы знаете что такое дегенеративные заболевания нервной системы? – спросил Андрей, все еще крепко сжимая веки.

– При которых наблюдается упадок развития личности, – еще не отдышавшись ответил Богдан.

– Именно. Человек все забывает, становится раздражительным, нервным, глупым, перестает узнавать людей, не помнит, как держать ложку и многое другое. Моя бабушка страдала этим. – он открыл глаза и посмотрел на друзей. Богдан бросил портфель на землю, уселся на него и приготовился слушать. – Она была довольно богата – управляла какой-то фирмой или предприятием. Дела шли хорошо, но вот в семье не ладилось! Она часто ругалась со своим сыном – говорят, не сносный был человек – в конце концов, он отказался знаться со всей семьей и ушел. Вскоре у бабушки стали проявляться признаки болезни. Ее лечили сначала на дому, потом в специальном заведении, но бестолку! Через несколько лет бабушка умерла, по завещанию все состояние

перешло моей маме. Дядя не был упомянут. Это показалось ему страшной несправедливостью, он пытался оспорить завещание, утверждал, что бабушка написала его не в здравом уме, но у него ничего не вышло. Тогда он пришел к маме с миром, чтоб снова восстановить семейные узы. Она приняла его, конечно! Заправлять стали вместе. Ну где там твоя настойка, Мишка? – Мишка поторопился разлить оранжевую жидкость. Андрей хлебнул и горло снова вспыхнуло огнем! – Мой папа был милейший человек! Кроткий и тихий. Они долго не заводили детей, поскольку мама была занята делами предприятия. Однажды я все же появился на свет. Тогда и настали тяжелые времена! У папы начали проявляться признаки душевной болезни, стали происходить приступы, сознание туманилось! Врачи, правда, давали светлые прогнозы! Была большая надежда на выздоровление. Мама много времени уделяла ему, и мне тоже, так что на работу уже не оставалось сил. Дядя, тем временем, старался стянуть все руководство в свои руки. Мама была против, ей не нравились ни дядины идеи, ни его методы, ни взгляды. Она поняла, что он хочет все заграбастать себе, а ее оставить с носом! Тогда они сильно поругались! Но дядя не мог диктовать условия, ведь все права были у мамы, так что он притих и стал выжидать. Он стал чаще навещать нас в гости, приходил в больницу к папе, которому становилось все хуже. Так тянулось какое-то время, отец то лежал в больнице, то был дома, как вдруг случилось непредвиденное! Папа с ма-

мой поругались... Соседи вызвали милицию, они утверждали, что за стеной без остановки слышится громкий плач – они решили, что это я. Из квартиры в самом деле доносился надрывный вой, когда участковый ворвался в дом, мы с папой сидели над израненным телом мамы. Папа выл и бился, а я молча смотрел. Его забрали в больницу. На суде вскрылось, что это мой дядя науськивал папу! Тайком дядя наговаривал на маму, будто она специально сводит папу с ума, подсыпает ему что-то, желает вреда, даже смерти! Он поощрял галлюцинации, поддакивал, когда папа болтал сам с собой, будоражил папино воображение! Он запудрил папе его некрепкие мозги и добился своего! Мама умерла. А у папы окончательно сдали нервы – диагностировали шизофрению. Он зачих в лечебнице... Мишка! – Герасимов плеснул еще. Богдан спрятал стаканчик за спину, давая понять, что с него хватит. – Дядя тоже получил свое: его осудили. Вскоре он стал забывчивым, раздражительным. Руки переставали слушаться, имена и даты выскакивали из головы. Оказывается, дядя унаследовал болезнь бабушки! Его поместили в специальное заведение, может он и по сей день там! Мне было два с половиной года, когда все произошло. Меня определили в детский дом, потом забрали наши родители. – и вдруг Андрей вскрикнул – Вот что теперь с этим делать!?

Богдан пожал плечами:

– Что ты тут можешь поделать? Просто свыкнись с этим и живи дальше. – Богдан немного помолчал и добавил :– От

меня отказались трое родителей.

Мишка прислонился к растущему позади дереву, достал сигарету, в полной тишине выкурил ее, тщательно затушил, вышвырнул чинарик и произнес:

– А мои в тюрьме.

– Что они там делают!?! – изумился Богдан.

– Эм... Ну... – Мишка развел руками, а Андрей спросил:

– За что они там?

– За кражу. Бомбанули склад. С друзьями. Конечно, их вскоре поймали!

– Они решили обокрасть склад вместе, и мама и папа?

Мишка снова развел руками:

– Они всегда были друг за друга горой – такая вот у них любовь! Теперь я с бабушкой и дедом. Не проходит и дня, чтоб дед не поминал их крепким словом! Все сетует, что плохо в детстве воспитывал мою маму, говорит, она ремня недополучила! Уж меня-то они воспитывают как надо! Бабушка боится, что я вырасту бандитом! Каждый раз, стоит мне натворить что-нибудь, ей грезятся тюрьма и решетки – она боится, что я пойду по стопам родителей! Чуть только что, бабушка бросается пить капли, сует таблетки под язык, а дед принимается бранить меня на чем свет стоит и разбрасывает угрозы.

– Долго им еще сидеть?

Герасимов зашевелил губами, подсчитывая:

– Год и пять месяцев. – Мишка подался вперед. – Только

никому ни слова!

Мальчишки закивали.

– Семейные тайны – это наша стезя! Только вот, Мишка, – Богдан посмотрел на Герасимова, – тебе следует с большей уверенностью в голосе говорить, что твои родители – геологи. И лучше не на севере, а на востоке, например!

– Согласен.

Андрей сидел приунывший. Мишка подал ему еще рябиновой настойки, друг взял ее, но пить не стал. Погода, помаленьку, менялась, тучи пришли в движение, заворочались, заворчали, подул холодный ветерок.

– Деньги и шизофрения – вечные болезни человечества, – задумчиво сказал Андрей. – В средневековье еще чума была, но она не так опасна! У меня осталась уйма денег на каких-то банковских счетах. Теперь мне придется стать финансистом, экономистом, или еще бог знает кем!

– Это зачем?

– Разве мне теперь не полагается учиться управлять капиталом? Стать коммерсантом, постигнуть банковское дело, вкладывать инвестиции и играть на бирже? Я должен что-то делать с этой пропастью деньжищ!

– Брось! – махнул рукой Герасимов. – Эти деньги и так принесли тебе много несчастья! Лучше, когда вступишь в права наследства, промотай все и заживи, как нормальный человек!

– Дельная мысль! Это кровавые деньги, из-за них погиб-

ла мама! – и пробубнил себе под нос: – Надо будет как-то помянуть ее.

– Думаю, она хотела бы, чтоб ты ни в чем не нуждался, – сказал Мишка.

– А я думаю, она хотела бы, чтоб ты стал хорошим человеком! – добавил Богдан.

– Пожалуй, потрачу их на что-нибудь полезное. У меня еще много времени, чтобы подумать над этим. Ты лучше скажи, Богдан, как нам теперь относиться к нашим родителям? Я имею ввиду тех, которые сейчас.

Богдан вопросительно поглядел на Андрея.

– Что значит, как?

– Всю жизнь я думал, что они мои мама и папа, но оказалось не так! Оказалось, мои родители мертвы, а я с трех лет живу в приемной семье! Я никак не могу переварить эту мысль, она застряла в мозгу – никак ее не вывернуть! Как мне быть? Как смотреть на наших родителей, если они и не родители вовсе?

– Ты забываешься, Андрей! Если вдуматься, от того, что ты узнал правду ничего не изменилось! Мы всю жизнь живем в старом монастыре, у нас есть мама, отец, Сашка и ку-ча сестёр – это и есть наша жизнь! Я тоже думал об этом и вскоре понял, что правда о нашем рождении ничего не меняет. У нас есть только одни родители!

– Всего три дня прошло, а ты уже уверился в этом!?

– Чтобы понять очевидное, много времени не нужно!

– Это очевидно только для тебя. – со вздохом сказал Андрей. – Тебя, Богдан, бросили, когда ты был еще зародышем. А у меня все же была счастливая семья. Пусть не долго, но была! Что же, я должен забыть об этом, вычеркнуть из жизни?

– Судя по рассказу, твоя семья была не такая уж счастливая! Да и зачем вычеркивать их? Это твое прошлое, от него никуда не деться – прошу заметить, наши родители в нем не виноваты! А мы твое настоящее и будущее. Так сложилась жизнь – не самым плохим образом, – а жизнь не повод для нытья!

– Тем не менее, я считаю, что родители должны были рассказать нам обо всем раньше! Мы имели право знать! Такое укрывательство правды почти что вранье!

– Отсутствие правды не всегда означает наличие лжи, иногда это просто неведение! К тому же, как ты себе это представляешь? Ходить за маленькими детьми и толдычить: твои родители умерли-повесились-умерли-ты-нам-неродной; тебя нашли в лесу; папа убил маму...

– Мда... – Андрей сложил ладони лодочкой. – Тогда, может отец был прав, что ничего не говорил нам. Может, для правды тоже должно быть свое время. Взгляни на Марину, она ходит, как тень! Может, зря мы все это затеяли?

– Теперь уже нет смысла сомневаться. Мы разворошили эту тайну и должны с полной ответственностью принимать все известия. Мы должны подходить к этому разумно и с го-

ловой!

Андрей устало вздохнул:

– Думаю, ты прав.

– Ты лучше ответь, зачем ты лезвие в рот потащил?

Андрей растянул засохшие губы в хитрой ухмылке и стукнул о Мишкин стаканчик своим. Разом опрокинул в себя содержимое, быстренько зажевал шоколадкой и снова улыбнулся:

– Я хотел сделать что-нибудь дикое, ненормальное! Чтоб Курицын в штаны наложил от страха и даже не подумал бы больше соваться к такому чокнутому, как я!

– У тебя получилось.

– Груз дурной наследственности должен иногда сыграть и на благо! – тут вдруг Андрея осенила мысль. – Отец был прав! С таким прошлым меня бы никто не усыновил, так что мне сильно повезло с нашими родителями!

– Наконец-то!

– Наверное, я должен сказать им спасибо? Но, честно говоря, я не чувствую сыновней благодарности, я не могу питать благодарность только потому что должен! С одной стороны, я понимаю, что для меня все сложилось как нельзя лучше и я признателен им, но при этом, в душе, этой признательности не испытываю. Ее нет, не созрела! Все это так сложно и неправильно!

– Оставь, – махнул рукой Богдан, – человеческие чувства, как правило, не бывают просты.

– Да-да. – промямлил Андрей, зажмурившись и вдруг вскочил на ноги и закричал. – Я злюсь на него, Богдан! Я очень зол на нашего отца, так, что видеть его не хочу! Даже знать не хочу! Но с чего бы? – продолжая Андрей ринулся к Богдану и схватил его за плечо. – Ты все на свете знаешь, так ответь пожалуйста, с чего бы мне злиться на отца!?

Богдан медленно отвел руку брата, но не далеко и сжал ее.

– Он принес тебе дурную весть. То, что ты узнал и что пережил в детстве – это очень тяжело. Такие известия оставляют след не меньшей глубины, чем само горе! Ты злишься на отца, потому что из его уст прозвучали эти слова, потому что все это время он хранил твою историю в памяти. Тебе кажется, что он виноват в чем-то только потому, что все это время знал о твоём прошлом. Но злость – это лишь поверхностная реакция, лишь то, что следует сразу за плохими новостями. Истинные чувства лежат глубже и, я уверен, они все так же исполнены любви и почтения, как прежде!

– Я не такой человек, чтобы жить реакциями, как опарыш в пробирке! И мне не требуются виноватые, чтобы отвести на них душу!

– Иногда можно позволить себе чувствовать то, что есть. Дать волю душе израсходовать злобу, а не засовывать ее гнить в глубине!

– Умник! – бросил Андрей и отвернулся от брата. Богдан нахмурился, но промолчал. Оскорбление его не тронуло, однако, он заметил, что в Андрее созревает что-то неприятное.

Брат метался по роще, резко останавливался, то закусывал ноздрю, то сжимал руки на груди. Он излучал беспокойство! Видно было, что в сердце у него что-то тлеет, что-то тревожно и требовательно жжется изнутри. В порыве, Андрей снова подскочил к Богдану:

– Вот какой человек поистине добрый? Тот, который от природы знает только хорошие, светлые чувства, или тот, кто преодолевает, ломает в себе злобу, корысть, ненависть, чтобы на их месте выросло что-то стоящее и человеческое!?

– Эээ... С христианской точки зрения... – начал Богдан.

– Впрочем, плевать! – грубо оборвал его Андрей и вновь заходил из стороны в сторону. Вскоре он остановился, выражение лица смягчилось и уже совсем другим тоном, сказал:

– Еще бы как-нибудь смириться с мыслью, что мне судьбой уготовано помереть от шизофрении в расцвете лет!

– Никогда не слышал, чтоб от шизофрении умирали! Наверное, человек просто становится настолько сумасшедшим, что делает что-то опасное, или специально причиняет себе вред. А сама по себе шизофрения не смертельна!

Андрей вздохнул:

– Так или иначе, а от судьбы не удрать!

– Ну что ты заладил! – возмутился Богдан. – Судьбы вообще нет! Нет такого природного явления! Это всего лишь пустое слово, которое придумали те, кто не хочет отвечать за свои поступки. Те, кто хотят, чтоб за них уже все было решено!

Мишка вдруг подался вперед. Взгляд его горел, в лице виднелся интерес, но он замешкался, прежде чем сказать. Герасимов поднес к губам кулак, открыл рот, тут же захлопнул его, вздохнул и наконец произнес:

– Вы меня простите ребята, но я должен сказать! Судьбу я тоже не признаю, но считаю не ее, а веру в бога трусостью и способом укрыться от окружающей жизни!

Повисло молчание. Мальчики смотрели на Мишку с недоумением, а тот застыл с кулаком у рта и молчал. Спустя немного времени Андрей спросил:

– Ты все это время считал нас трусами? – он говорил спокойно, однако Мишка расслышал стальные нотки в его голосе.

– Нет-нет! – поспешил оправдаться Герасим. Он почувствовал, что должен объясниться перед ребятами, должен рассказать им все, что думает о вере в бога! Что не правильно и несправедливо с его стороны дольше утаивать свои убеждения! Что это даже обман! Мишка с жаром продолжил: – Нет! Вас я считаю друзьями и то, что хочу сказать, не имеет к вам отношения! Именно потому, что мы друзья, будет некрасиво с моей стороны умалчивать то, что веру я считаю проявлением трусости к жизни.

– Почему же, позволь узнать? – с присущим ему спокойствием поинтересовался Богдан.

– Тут все просто. Верующие люди привыкли уповать на бога, а не на себя; возлагать в его руки всю ответственность

за свою жизнь, только бы самим ни за что не отвечать! Ничего не делают и гордятся бедностью, как залогом райской жизни, а в тех, кто живет получше, тычут пальцем! В трудные минуты на них нет надежды! Будь то война, тюрьма или болезнь, верующий падает ниц перед распятием и шушукается с иконами пока его храм горит! – Мишка испугался, что перегнул палку! Слова повисли в воздухе и Герасимов уже упрекнул себя за длинный язык, как вдруг Андрей расхохотался:

– Ты из средневековья что ли! Все, что ты говоришь, было во времена инквизиции у католиков, когда они ведьм сжигали! Или отлучали от церкви неугодных! В те времена богом пугали народ! Сейчас бога любят и верят иначе! Взгляни на наш монастырь, сколько там всего: общежитие, Зеленый городок, Бесплатная трапеза, волонтеры... Разве это устроят те, кто просто шушукается с иконами!?

Мишка откинулся на ребристый ствол дерева и поежился. Ветер стал дуть сильнее, от недавней духоты и след простыл, со стороны горизонта катился гром, природа настойчиво твердила о приближающейся буре.

– Речь о том, что истинное добро в поступках! – продолжал Андрей. – Вся вера в бога сводится к стремлению к свету, к вере в абсолютное добро! А если человек совершает добро, но не верит в бога – не беда, на небе все решено! Ты скажи, во что же ты тогда сам веришь, раз не в судьбу и не в бога?

Мишка пожал плечами:

– Ни во что. Нет ни вселенской справедливости, ни написанного плана. Есть только я и жизнь. И то, что я нажил, то и получаю.

– Но это же и есть вера! Вера в то, что каждый получает по заслугам. Все едино!

– Бог тоже вроде бы един, зато сколько из-за него войн!

– Воюют те, кто хочет воевать! Верующий скорее подставит вторую щеку...

– Ладно! – прервал его Мишка. У него вдруг закружилась голова и слова Андрея стали казаться нудными и тяжелыми. – Это все мозгоблудие! Хотя, надо признать, я еще ни с кем так не разговаривал! Согласись хотя бы, что жизнь одна и прожить ее нужно всласть, чтоб нравилось!

– Верно!

Мишка подал Андрею еще рябиновой настойки.

– Может пойдем домой? – робко спросил Богдан

– Нет... О! – мир вдруг пошатнулся, когда Андрей вскочил на ноги, роца зарябила и поплыла перед глазами. – У меня есть замечательные планы на вечер! Но я вот что подумал: мне не так уж и много осталось до слабоумия, нужно успеть пожить! Я чувствую нестерпимое желание натворить что-то! Что-нибудь безрассудное и веселое, запоминающееся! Чего мы никогда не делали, то, чего нельзя! – Андрей вновь заметался меж деревьев, охваченный небывалым бушующим возбуждением. Он закусил ноготь и на минуту

задумался.

– Но ты уже натворил! – напомнил ему Богдан. – Устроил драку с Курицыным, смыл его телефон, слинял с уроков, теперь это! – мальчик обвел рукой поваленный ствол, на котором восседал Герасимов. – Уйми свой нервный срыв!

Андрей не внял словам брата. Внутри бурлила кровь, жарким демоном жалило безумие, вскипал бунт и душа куда-то рвалась и требовала небывалых утех!

– Я хочу татуировку! – заявил Андрей.

– Эвана че! – вскинул брови Герасимов. Богдан вскричал:

– Ты что, дурак!

– Где ее можно сделать?

– Очнись! – Богдан подскочил к брату и встряхнул его за плечи. – Я тебя не узнаю, Андрей! Ты несешь ахинею!

– В центре есть маленький салон, где вставляют сережки и делают татуировки. Там еще работает Сашкин одноклассник, такой белобрысый и тощий. Думаешь, я могу его упростить?

– Как ты сунешься домой с татуировкой?!

– Вряд ли он согласится. – сам себе ответил Андрей. – Он знает нас и тут же все разболтает Сашке.

– Андрей! – Богдан хорошенько встряхнул его и Андрей, наконец, взглянул на него.

– Богдан, я к тридцати годам стану или шизик или деградант! Я хочу жить сейчас, иначе будет поздно, как ты не понимаешь!

– Но татуировка...

– Мне нужно до зарезу! И надо придумать, как сделать ее без чужого ведома.

– Мишка, скажи ему! – взмолился Богдан. Но у Герасимова снова горели глаза:

– Я слышал, что можно и самому ее набить с помощью чернил, если вгонять их неглубоко в кожу.

– И где же ты мог это слышать... – Богдан оборвал себя, чтоб ни сболтнуть гадость, но Мишка ничего и не заметил. Он уже был по уши увлечен сумасбродной идеей Андрея и продолжал:

– Нужно только найти человека, который умел бы рисовать.

– Хм, – Андрей лукаво улыбнулся, – за мной! – и он стремительным шагом отправился в сторону города. Мишка затолкал бутылку и шоколад в сумку и вскоре нагнал друга. Богдан глядел им вслед. Андрей сказал, к тридцати годам... Да он уже сбрендил! В мгновение Богдан проклял и газетную вырезку, и их неумное любопытство, и Курицына, и весь сегодняшний день! И потащился за братом.

20

Дашка Шестакова как раз возвращалась из художественной школы, так что не пришлось заходить к ней домой. Завидев ее, Андрей тут же стащил с себя драный пиджак и запихал его поглубже в портфель.

– Привет! – сказал он.

Шестакова остановилась и недоверчиво прищурилась:

– Почему ты прогулял художку и кружок по английскому?

Андрей лишь пожал плечами.

– Впрочем, в таком виде я бы тоже не пошла в приличное место. Говорят, Курицын порядочно тебя отделал!

– Вранье, – вальяжно ответил Андрей. Язык порядком распух и болел, так что мальчик еле-еле им ворочил.

– Ты правда плюнул в него кровью?

Андрей снова пожал плечами, так, словно не знал ответ.

Он подошел поближе к Дашке и забрал у нее портфель:

– Развеселый нынче день! А погода-то какая, благодать!

– Какая!? Сейчас дождь ливанет!

– Пойдем погуляем?

– Нет.

– Отчего же?

– Во-первых, ты странно себя ведешь. А во-вторых: я в обиде на тебя, Чижов! Ты здорово подставил меня на обществознании! Могила и так терпеть меня не может, а теперь еще эти двойки исправлять! Я даже родителям в них еще не призналась!

– Я тут не при чем, но если тебе так хочется думать, что ж... Я, как истинный джентльмен, должен искупить свою вину, даже если леди ее выдумала! – Андрей наклонился к Дашке и зашептал ей на ухо о том, как он подрисовал отметку в журнале.

– Ах! – Дашка отпрянула от него и прикрыла рот рукой. – Как ты мог? Что же теперь будет?

– Не бойся!– Андрей улыбнулся, ему понравилось как Дашка пискнула. – Если Могила что-то заподозрит, я тут же во всем сознаюсь!

– Ты совсем свихнулся!

– Предположим. А еще я придумал чудесную месть Могиле – тебе должно понравиться!

– Ты!?! – Дашка рассмеялась. – Да что ты можешь сделать – просфирку отравить!?

– Идем с нами и узнаешь.

Дашка перестала улыбаться, что-то в поведении Андрея, в том, как он говорил и держался, сильно насторожило ее.

– Мы просто немного прогуляемся до школьного двора, – бархатным голосом уговаривал он.

– Постой... Чем от тебя пахнет? – Андрей промолчал. – Ты что, пьян!?

– Если только совсем чуть-чуть!

Дашка снова отпрянула от него, но потом подошла поближе и взволнованно шепнула:

– Хорошо, я пройду с вами, но только...

Андрей вопросительно вскинул брови.

– ...только я тоже хочу попробовать!

Андрей подарил ей льстивую улыбку волокиты:

– Все, что дама пожелает!

Когда ребята пришли на школьный двор, все уже были

навеселе. У Дашки Шестаковой появилось игривое настроение, она стала сговорчивее, на щеках разгорелся румянец. Мишка много болтал и без конца разбрасывал шуточки, все охотно смеялись, только Богдан боролся со сном в стороне. Поднялся и загудел ветер, постепенно вечерело, серые сумерки только-только окропили небо. Заметно похолодало. Богдан присел на торчащую из земли покрывку и стал наблюдать за друзьями, не вторгаясь в их веселый кутеж.

– Ну и что мы сюда притащились? – требовательно спросила Дашка.

– Еще каплю терпения! – прощепетал Андрей. – Мишка, у тебя есть спички? Нам нужно собрать костер!

– Объясни наконец, мне становится скучно! – Дашка вперила в Андрея грозный взгляд, но мальчик только лукаво улыбнулся и полез за сарай. Спустя мгновение он выволок оттуда большую корявую палку с каким-то тряпьем на конце. Андрей скинул ветошь, вонзил корягу в землю, так, чтобы она торчала, удостоверился, что ветка стоит крепко и стал натягивать тряпки поверх нее. Богдан подавил зевок и растер лицо ладонями, чтоб отогнать сон. Ему было вовсе не интересно наблюдать за дурачествами брата, но когда Андрей расправил лохмотья, в них мелькнуло что-то знакомое... Осознание пришло резко, Богдан лишь успел округлить глаза!

– Это же жакет и палантин Могилы Лаврентьевны! – вскрикнула Дашка. – Это ты их стащил!

– Сожжем всю мерзость Могилы вместе с ее чучелом! – Андрей надел на палку пиджак и накрутил шарф сверху. Герасимов притащил сушь и свалил на землю, создав жертвенный костер.

– Дай спички, Мишка! – скомандовал Андрей. – Если в огонь выкрикивать все пакости, что мы натерпелись от Могилы, то они забудутся! Если упомянуть также черты ее отвратительного характера – она лишится их! – Андрей чиркнул спичкой и поднес огонь к хворосту, тот задымился и робко запылал. – Мы сделаем одолжение и ей самой и ученикам, что есть и будут у нее!

– Нужно шибче огонь, а то не займется! – крикнул Мишки и выхватил у Андрея коробок. Герасимов ловко поджег кучу с разных сторон и дунул внутрь – костер заурчал и вспыхнул ярким огнем! Пламя медленно полезло вверх по ветке, потрескивая в обвислой коре, и, наконец, тронуло краешек пиджака. В секунду ткань занялась и вот уже все чучело полыхало, объятые пламенем!

– Что ты хочешь сжечь, Дашка!? Говори, пока не поздно! – Андрей заскакал вокруг горячей ветки, увлекая и Мишку за собой в уродливый танец.

– Высокомерие. Бахвальство, – начала Дашка, – хамство! Оскорбления! Эволюционная теория происхождения жизни! Первая парта! Холодная бесчувственность, мстительность! Злость! – стало совсем горячо от огня и Дашка отступила подальше. Но мальчишки продолжали прыгать и драли

глотку :

– Цинизм! Самодурство! Гори, поганый жупел! Дьявольское пугало с пучком на голове!

Герасимов затынул "We are the champions", Андрей подхватил...

Грянул гром и небо разразилось ливнем. Богдан возвел кверху взгляд и шепнул:

– Спасибо, боже!

Огонь погас с шипением, оставив лишь черные ошметки на обугленном стволе. Мишка прервал богохульный танец и оперся о колени, чтобы отдышаться. Дождь колотил ледяными каплями по спине, темные волосы слиплись в отдельные пряди и повисли вдоль лица; задору заметно поубавилось, Мишка сказал:

– Пора домой. – они с Андреем обнялись, Герасимов распрощался со всеми и побрел прочь. Однако, Андрей и Дашка, похоже, только вошли в раж!

– Герасимов, стой! – завопила Дашка. Мишка обернулся к ней, – Оставь нам настойку! – Мишка отдал Андрею бутылку и ушел.

– Нужно скорее убраться от дождя! – Дашка Шестакова вопросительно взглянула на Андрея.

– Я знаю, куда нам идти! – сверкнул глазами тот.

– Ты решил покутить в монастыре!? – изумился Богдан, когда ребята подошли к обители.

– Богдан, не суетись! – ленно поговорил Андрей.

– Вы что же, рассядитесь прямо в гостиной ?

– В самом деле, Андрей, зачем мы сюда заявились, – подхватила Дашка.

– Сейчас увидишь!

Андрей распахнул перед Дашкой калитку боковых ворот и позволил даме войти первой.

– Постой, ты куда? – удивился Богдан, когда Андрей свернул с аллеи на заросшую скользкую тропинку.

– К Лике в келью. – ответил тот и повернулся к брату. – Иди домой, Богдан. А то стоишь над душой и причитаешь, как монашка!

Богдан смотрел на Андрея, пока они с Дашкой пробирались по тропинке к ветхому строению и чувствовал, как внутри у него борются два порыва. Один, наверное совесть, влек его отправиться в келью – на край света – вслед за братом, чтоб убереечь его от неприятностей. Другой давил усталостью и гнал домой, прочь от дождя и забот. Да и что Богдан может сделать? Ведь не получилось же остановить Андрея, когда тот затеял пьянку и жертвенный костер... Все уговоры и взывания к разуму оказались тщетны. Ну и в конце концов, Андрей уже в стенах монастыря!

На груди слева, ближе к плечу, под ключицей, вот там Андрей хотел татуировку! Птица – сокол или ястреб, главное хищник, вырывается из клетки, разбивая ее сильными

крыльями! Рисунок фломастером получился хорошо, теперь Дашка скрупулезно тыкала в Андрея иголкой. Когда она нагибалась поближе, пряди волос соскальзывали с ее головы и щекотали голую кожу Андрея.

– Ты знаешь, что так можно всякую заразу схлопотать: нагноение, нарыв, заражение крови!

Андрей безучастно махнул рукой. Силы вдруг покинули его, веки отяжелели и стали слипаться; язык болел и так распух, что трудно было держать рот закрытым! Он никак не мог определить, сколько времени они уже находятся в келье, ему казалось, что долго, хотя с тем же успехом могло пройти и пара минут.

– Как там получается?

– Отлично! Я почти завершила контур! – Дашка оторвалась от своего занятия и полезла в портфель. – Нужна музыка! – она достала телефон и включила какого-то простенького иностранного исполнителя. Андрей воспользовался моментом и поднес маленькое зеркальце к груди, чтобы лучше рассмотреть татуировку. Здорово! Получается просто здорово! Грозный крик рвется из заточения, израненными крыльями и грудью разбивает стальные прутья клетки! Дашка окунула кончик иглы в чернила и снова склонилась над Андреем. Он откинулся на стуле и огляделся. Все вокруг дрожало и разлеталось на множество расплывчатых кусочков, но Андрей напрягся и сосредоточил взгляд на келье. Помещение было совсем крошечным, с низким потолком и

окном, которое защищали кованые решетки. В углу стояла кровать, напротив у стены – маленькая кирпичная печка, тут же рядом – старинное пузатое бюро с просторной столешницей и бессчетным количеством ящичков! На нем Дашка и разложила бумагу, телефон и блюдце с чернилами. Пол устилал какой-то дешевый серый линолеум, немного в стороне валялась почти пустая бутылка с рябиновой настойкой. Последний раз, когда они с Дашкой приложились к ней, Андрей сильно пожалел о том, что не забрал у Герасимова остатки шоколада! Еще немного улавливался в воздухе тяжеловатый запах краски – Лика выкрасила стены в темно-синий цвет, теперь келья казалась еще мрачнее и теснее, хотя и в этом было что-то уютное.

Дашка отложила иглу и села на кровать.

– В чем дело? – спросил Андрей.

– Я устала. Глаза слипаются!

– Неужели ты хочешь вздремнуть? – с издевкой проговорил Андрей. Тут в носу защекотало, мальчик зажмурился, поднес ладонь к лицу, но не удержался и чихнул! Продрало все раны, которые лишь недавно затянулись! Из носа хлынула кровь в два ручья, закапала на грудь и на пол.

– О, мерзость! – воскликнула Дашка. Андрей схватил угол рубашки и стал утирать им кровь, но та бежала слишком сильно, чтобы так просто с ней сладить!

– Зараза-Курицын разбил мне нос дважды за неделю!

– Дважды? Ты же вроде ударился об лавку?

Андрей серьезно взглянул на Дашка, словно вспомнил что-то и пробормотал:

– Ах, да!

– Что между вами произошло? Вы же раньше были друзьями!

Который раз уже этот вопрос заводит Андрея в тупик! И по-прежнему мальчик не знает, как на него ответить! Что может случиться, чтобы лучший друг возненавидел тебя и стал всячески унижать!? Наверное, что-то серьезное... Андрей откинулся на стуле и запрокинул голову назад:

– Никитка всегда был гадом, но я раньше этого не замечал.

– Хочешь сказать, это ты поломал всю дружбу?

– Да, я. – Андрей даже удивился, как легко с его уст соскользнула эта маленькая ложь! Дашка все равно рассмеялась:

– Ни за что не поверю, чтоб ты пошел на кого-то войной!

– Почему это?

– Зачем тебе злить их? Курицын лупит тебя нещадно, он из тебя душу может вытрясти, к тому же и Аникин с ним спелся! Правда, теперь этот второгодник Герасимов на твоей стороне...

– Пусть даже против будет целая армия Курицыных, я никому не позволю впрягаться и решать за меня проблемы! – возмутился Андрей.

– Но что с ним поделаешь? Против лома нет приема! Сегодня вы подрались и он здорово тебя отметелил, а значит,

понял, что справится с тобой при любых обстоятельствах!

Андрей хитро улыбнулся:

– Есть решения и поумнее драки! Запугать, например.

– Брось, Чижев! Не пори горячку! Чем ты его, кадилкой запугаешь!?

Андрей почувствовал, как внутри что-то неприятно шевельнулось и подался вперед, тем временем Дашка продолжала:

– Ты божья коровка, Чижев! Очкастый астматик-заика, тебе только псалмы читать!

– Вот как ты считаешь! – Дашкины слова его сильно задели.

– Да! – с вызовом ответила она. – Вот только сегодня ты словно с цепи сорвался!

– Это верно подмечено! – Андрей вскочил на ноги. – А что если я тебя поцелую!

– Да у тебя кишка тонка! – снова хохотнула Дашка.

– Прямо в губы! – Андрей направился к ней.

– Не посмеешь. – Андрей уверенно потянулся к ней, за долю секунды девочку осенило, что он не врет и она оттолкнула Андрея! Он качнулся, угодил губами Дашке в плечо и рухнул рядом с ней на кровать. Она тут же попыталась выпихнуть его:

– Ты что разлегся! Уйди!

– Сейчас-сейчас, минутку полежу... – пробубнил он в подушку, понимая, что ему уже не вырваться из липких лап

сна.

Богдан резко проснулся от сумбурного сна. Он уснул прямо в одежде, на нижней кровати Андрея, но теперь вскочил с дрожащей тревогой в груди. Стояла темень, дома тишина, а Андрея так и не было! Богдан тихо вышел из комнаты и направился к выходу. Стараясь не шуметь, он пробрался на улицу и быстро пошагал к кельям. Дождь прошел, земля была сырая и скользкая, так что мальчик тут же вымок. Вдруг Богдан услышал шаги! Он завертел головой, ища куда бы спрятаться, но...

– Все бродишь! – услышал он голос Сашки. Старший брат положил ему руку на плечи и повлек за собой к дому.

– А ты что тут делаешь? – взглянул на него Богдан.

– Запирал замки! Что это вас не было на ужине?

– Эээ... Мы...

– Отец решил, что вы от позора прячетесь!

– От позора?

– Ему звонили из школы и приглашали завтра явиться к директору!

– Ох!

– Где Андрей?

– Он...

– Он дома? Давай и ты домой, мне надо дверь закрыть!

– Я сейчас, Саш, я только кое-что... Надо посмотреть, уточнить, у ворот...

Но Сашка только подтолкнул его к двери:
– Живо в дом, Богдан! Хоккей уже идёт!

Доброе утро, вы хорошо выглядите! – Лодочник, конечно, не выглядел хорошо – он осунулся, побледнел, под глазами пролегли темные круги, – но все же лучше, чем в бреду! Он сидел на кровати, когда Люба вошла, и коротко кивнул в ответ.

– Как вы себя чувствуете сегодня? – как обычно, он не ответил, но Любу это больше не задевало. Она поставила сумку на тумбочку и выудила оттуда иконы.

– Целитель Пантелеймон, Матрона и Спаситель. Я повешу их над кроватью. Не возражайте, так надо!

Сергей и не думал возражать. Казалась, что сил у него едва хватало на то, чтобы дышать и сидеть прямо. Он безучастно следил за тем, как Люба вколачивала гвозди в стену и развешивала иконы.

– Какое сегодня число? – хрипло спросил он, когда Люба перестала стучать.

– Вы пролежали четыре дня.

– Стало быть... Ясно.

Люба слезла с табуретки, отложила молоток и села на стул рядом с кроватью:

– Вы бредили, бормотали в горячке, – вкрадчиво сказала она Сергею. Он поднял на нее взгляд, но не ответил. – Вы

все время повторяли имя... Звали какую-то женщину. – Люба тайком поглядывала на Лодочника, чтобы узнать, какое впечатление произведут ее слова, но он совсем не проявлял интереса. – Вы все звали Соню...

– Соню!? – удивленно переспросил он.

– Да! Вы просили простить вас... Нас... Или их, я не разобрала.

– Простить!? – Лодочник с великим изумлением смотрел на Любу, но вдруг словно забыл о ее существовании и проворчал себе под нос: – Да, наверное, у нее стоит вымаливать прощенье.

– Почему вы так удивились? – спросила Люба. – Ведь это ей вы пишете письма, верно?

Сергей промолчал, но молчание звучало как "да". Его взгляд стал странным, туманным, словно он смотрел вглубь себя.

– Кто она такая? – Люба не ожидала, что он ответит, но Сергей послушно сказал:

– Она... Она дочь моего старинного друга.

– Вы часто с ней переписываетесь?

– Нет, мы не переписываемся. Я пишу, но она не отвечает.

– Зачем же вы пишете ей?

– Потому что я перед ней виноват. Я чувствую, что должен писать... Хотя, возможно, лучше оставить ее в покое!

– Но почему она не отвечает? – Люба говорила шепотом, она боялась шевельнуться или издать громкий звук, боялась,

что Лодочник опомнится и перестанет с ней разговаривать. Сергей молчал и Люба решила на вопрос: – Она не хочет отвечать, потому что вы сидели в тюрьме?

Лодочник помотал головой:

– Скорее, потому что я убил ее сестру.

Сердце екнуло и зашлось! Люба прислонила ладонь ко рту и вжалась в спинку стула, а Лодочник так и сидел с отсутствующим видом, еле дыша.

– Да, я слышала, что вы убили двух человек.

– Двух? – с новым удивлением переспросил Сергей. – Я убил лишь одного. Хотя... – он снова поник и ушел в себя. – По совести, конечно, двух.

– Ложитесь, у вас снова температура поднимается! Ложитесь, поспите, а я сварю суп.

Стало невыносимо душно, страшно находиться в одной комнате с этим человеком! Любе захотелось уйти, лучше убежать, но ни в коем случае не быть с ним под одной крышей. Она встала и пошла на кухню, но за спиной вдруг раздался жесткий голос Лодочник:

– Ты для этого сюда приходишь? Чтобы умаслить любопытство, покопаться в грязном белье?

Люба резко обернулась :

– Не скрою, мне любопытно, что вы за человек и что натворили, но вы не можете обвинять меня во лжи! Я прихожу к вам с чистыми намерениями, потому что вы больны! Другого повода соваться в дом к душегубу у меня нет!

Сергей опустил взгляд и тихо сказал:

– Извини. Не думал, что кому-то интересна моя судьба.

Люба решила еще немного задержаться в комнате:

– Я очень испугалась, когда вы заболели, – призналась Люба.

Сергей поднял на нее взгляд и произнес:

– Возможно, она не получила ни одного письма. Когда я освободился, то сразу уехал, не справлялся о ней. Не знаю, может она давно живет в другом месте, у меня сохранился только ее старый адрес.

– Почему вы не узнали?

– Не хотел соваться. Знаешь ли, мне там не рады!

– Понимаю. У вас еще кто-нибудь есть, родственники или знакомые? Вы общаетесь с кем-нибудь?

– Нет. Я решил ни с кем не видеться, никому не сказал, где буду жить. Тогда я и сам не знал, куда отправлюсь. Было нелегко обосноваться где-то, но вот здесь осел – смолить лодки дело не хитрое.

– Вы просили не смолить! – Люба приблизилась на шаг под вопросительным взглядом Сергея. – Вы велели пройтись канифолью! – и тут впервые увидела, как он улыбнулся.

21

Богдан никак не мог взять в толк, откуда столько народа в монастыре – всего лишь полседьмого утра! Все серьезные, в резиновых сапогах, кое-кто с рюкзаками и компаса-

ми. Женщина в серой толстовке деловито развернула карту, вокруг нее тут же сгрудились другие и о чем-то быстро заговорили. Откуда-то доносился приятный запах кофе. Может сегодня праздник? Все эти люди пораньше собрались на службу? Нет, тут что-то не стыкуется... Голова никак не хотела работать! Богдан прибавил шагу и старался не привлекать к себе внимания, вот только как на зло все расположились на боковой аллее – растянулись от конторки Зеленого городка до самых ворот! В толпе мелькнула светловолосая головка Лики; Богдан лелеял надежду, что сестра ночевала дома, в своей прежней комнате, а не в келье – иначе, где же теперь искать Андрея? Мальчик свернул на тропинку и пробрался к покосившейся двери, трава была еще сырая от росы и вчерашнего дождя, так, что он тут же промочил кеды. Длинный приземистый коридор шел через все здание, в нем было влажно, шаги раздавались гулким эхом. Богдан знал, где келья Лики – там дверь была новая, мальчик открыл ее и проскользнул внутрь. Воздух в келье стоял тяжелый и колкий! Зато Богдан тут же увидел брата, Андрей лежал на кровати ничком и посапывал в безмятежном сне.

– Андрей! Вставай, вставай! – Богдан подскочил к нему и схватил за плечо – ответа не было. – Андрей! – Богдан постучал брата по лицу. – Андрей, сюда идет Лика! Андрей, поднимайся!

– Что? – Андрей разлепил осовелые глаза. – Ты что?

– Идем отсюда, Лика сейчас тебя увидит! – Богдан потя-

нул брата за руку и тот, наконец, поднялся. Андрей удивленно осмотрелся по сторонам и провел рукой по лицу:

– Вот блин! – только и вымолвил он. – А сколько сейчас...

– Раннее утро, идем!

В голове гудело. Лицо все перекошено и словно стянуто, во рту сушь, раздражал какой-то чесоточный зуд на груди, но Андрей постарался забыть о неудобствах и откинул покрывало. Он уже почти сполз с кровати, как вдруг за спинами мальчиков раздался требовательный голос :

– Вы что тут делаете? – Лика вошла в келью и встала в позу. Ее взгляд метнулся по комнате – кровь на полу, пустая бутылка – и остановился на мальчишках.

– Лика, я сейчас все уберу! – Богдан старался прикрыть собой измятого Андрея.

– Чем воняет? Вы что, напились? – Лика подскочила к братьям. Она казалась разъяренной и гневной, так она разговаривала порой только с отцом, но уж никак не с младшими братьями!

– А ты где была? – брякнул Богдан.

– Не твое дело! Что вы здесь натворили?

– Это только я , Богдан не при чем. – высунулся Андрей.

Лика взглянула на него и сморщилась от жалости и отвращения:

– Что с тобой, Андрей? Ты будто сбежал со скотобойни! – она все еще хмурилась, но голос стал мягче.

– Откуда на улице столько людей? – отвел тему Богдан.

– Это волонтеры. Они собрались на поиски – говорят, ребенок пропал!

– Ребенок? – взволнованно переспросил Богдан.

– Да, девочка. Ее мама не на шутку перепугана! Дочка не вернулась вчера домой из школы, уже звонили в полицию, в больницы! С рассветом собрались волонтеры прочесывать местность. Я тоже собираюсь!

Андрей нащупал очки рядом с собой и кое-как напялил их на нос:

– Что... Что это у тебя? – дрогнувшим голосом спросил он, указывая на лист бумаги у Лики в руке.

– Это описание девочки, там всем раздают, – она протянула лист с фотографией ребенка. Богдан скользнул по ней взглядом и вопросительно уставился на брата. Андрей крепко зажмурился: нет-нет, это не наяву! Это все еще сон! Пьяный, разнузданный сон! Он открыл глаза, но ничего не изменилось – с фотографии на него взирала ликующая Дашки Шестаковой!

– Ты знаком с ней?

Андрей коротко кивнул. Тут он ощутил у себя под боком что-то живое. Лика тоже бросила туда взгляд – меж сгруженных подушек показалась сиротливая косичка.

Лика ахнула и зажала рот рукой:

– Вы обалдели! – кажется никогда в жизни Андрей не видел ее такой – Лика испугалась! В глазах читались ужас и паника!

– Пол города ищет девочку, а она тут с тобой! Ночью она была в монастыре!?

– Что такого? – удивился Андрей. – Уж лучше тут, чем на дне реки!

– Да вы даже не представляете, чем это может обернуться!

– Боже, я уснула! – проямлила Дашка и оправила скосившееся за ночь платье. – Сколько сейчас время?

Все уставились на нее, но никто не ответил.

– Что тут делает моя фотография? – Дашка подняла с кровати листок. У Лики назревала истерика. Она заходила взад-вперед, пока мальчики объясняли Шестаковой что к чему.

– Ты ненормальный псих, Чижов! – завопила Дашка. Она соскочила с кровати и встала посреди кельи. – Все из-за тебя! Сколько крови ты мне уже попортил! Остолоп! Пижон!

Андрей удивленно глянул на Дашку, но отвечать не стал.

– Ну что мне теперь делать? – захныкала она.

– А почему мы не можем просто сказать, что Дашка нашла? – неуверенно спросил Богдан.

– Ни в коем случае! – воскликнула Лика. – Если есть хоть малейшая возможность скрыть то, что она ночевала тут, нужно ее использовать!

– Я все равно не понимаю, почему...

– Да никогда в жизни я не признаюсь, где была! – оборвала Богдана Дашка. – Лучше пытка и смерть! Как мне уйти отсюда?

Лика помотала головой:

– Не получится уйти незамеченной – слишком много народа на улице и все только тебя и ищут!

– Может, тебя переодеть? – предложил Андрей. – В какое-нибудь длинное пальто с капюшоном, только чтоб суметь выбраться за ворота!

– Тебе слова не давали! – огрызнулась Шестакова. Андрей бросил на нее гневный взгляд, но решил промолчать – ситуация и без того накалена!

– А нет никакого подземного хода – это все-таки старый монастырь?

Никто не ответил.

– Окно! – Дашка ринулась к окну у дальней стены. Лица незаметно отступила на шаг.

– Там решетки, – обреченно пробормотал Богдан, – к тому же, из этого окна ты выползешь аккуратно под ноги волонтерам!

Дашка плюхнулась на стул и спрятала лицо в ладони. Андрею стало нестерпимо жаль ее, к тому же он чувствовал за собой вину. Он приблизился и мягко положил руку девочке на плечо:

– Ничего, мы что-нибудь придумаем.

– Отстань! – она скинула его руку. – Ты уже достаточно напридумывал!

Стоя поодаль, Лица закусил губу и сжала руки на груди.

– Кхм... – она откинула волосы назад и вкрадчиво поинтересовалась. – Если ты все же выйдешь отсюда незамечен-

ной, что скажешь дома?

Дашка пожала плечами.

– Обязательно надо что-то сказать! И лучше сейчас придумать легенду, чем сочинять на ходу!

– Скажу, что ночевала у подруги, – проямлила Дашка.

– Твоя мама оббежала всех подруг и знакомых!

– Скажу, что эта новая подруга! С которой мама не знакома! – Дашка опустила взгляд и добавила. – Последнее время мы часто ругаемся с мамой, так что она, скорее всего, решит, что я не пришла домой ей на зло.

– Ладно... Но ты точно не проговоришься о монастыре?

Дашка вскочила с пылающим лицом и крикнула:

– Да никто и никогда не должен узнать, что я спала в одной п... В одном помещении с Андреем Чижовым! Даже если мама поймет, что я вру, я не открою правду! – Дашка скосилась на Андрея. – Временное наказание все же лучше, чем позор на всю жизнь!

Андрей закатил глаза и отвернулся.

– Хорошо! – Лика удовлетворенно кивнула. – Я покажу тайный выход отсюда, только если, – Лика обвела всех проницательным взглядом, – только если все мы будем держать сегодняшнее утро в секрете!

Ребята яростно закивали, тогда Лика поманила их за собой. Она приоткрыла дверь и, на всякий случай, осмотрела коридор. Он был пуст. Лика вышла из своей кельи, прокрадлась несколько шагов к соседней двери, что вела в помеще-

ние напротив, и легонько толкнула ее. Видимо, петли были щедро смазаны, поскольку дверь отворилась бесшумно.

– Сюда, – шепнула она и все юркнули в за ней в келью. Это было мрачное пыльное помещение, заброшенное и забытое из-за ветхости и непригодности. В келье ничего не было, только прогнивший старомодный сундук стоял вплотную к стене, прямо под окном, но и на этом окне была решетка! Лика уверенно подошла к сундуку и взобралась на крышку.

– Тут окна выходят на другую сторону, – пояснила она, – там только бурьян и монастырская стена. В кладке стены есть выступы, так что перелезть будет очень легко!

Лика приоткрыла окно, сунула в щель руку, дотянулась до решетки и короткими движениями стала ее двигать. Та поддалась! Вскоре решетка уже была в стороне и Лика отворила окно. Она высунулась наружу и завертела головой:

– Никого! Быстрее! – шепнула она и уступила Дашке место на сундуке. Шестакова взгромоздилась на него и полезла в окно.

– Лика... – Богдан вопросительно посмотрел на сестру.

– Богдан, это все остается в тайне! Я не распространяюсь о ваших гулянках, вы молчите о моих секретах!

Тем временем Андрей вслед за Дашкой выбрался на улицу и посадил ее на стену. Наверное, страх прибавил Шестаковой резвости и сил, потому что перемахнула через забор она весьма прытко! Андрей уперся ногой на выступающий кирпич и подтянулся, чтоб взглянуть на Дашку. Она стояла

внизу и отряхивала платье. Андрей скинул ей портфель:

– Может, тебя проводить?

Дашка подобрала портфель и грубым жестом выразила отказ! Андрей отправил ей воздушный поцелуй.

Уже по пути домой Богдан бросил на Андрея озорной взгляд и хитро улыбнулся:

– Ты с Дашкой подженился что ли?

– Тьфу, Бармалей! Прикуси язык! – Андрей сурово глянул на брата. – Мы все на свете проспали! Ты не мог разбудить меня пораньше?

Богдан хохотнул и развел руками:

– Я вчера весь вечер пытался пробудить твой рассудок! – Ребята старались бесшумно пройти по коридору, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания. Конечно, все были еще на улице или в конторке волонтеров, однако лишняя осторожность не помешает. Андрею отчаянно хотелось пить! И умыться! Не известно даже, чего хотелось больше! В любом случае необходимо привести себя в порядок и переодеться. И поесть! Богдан уже дотянулся до ручки двери, но...

– Мальчики! – позади послышался зычный бас. Ребята обернулись – отец стоял у входной двери и сурово хмурился. – Надобно потолковать, следуйте за мной!

Богдан судорожно сглотнул и посмотрел на брата, Андрей совсем не изменился в лице, а лишь спокойно двинулся за отцом.

– Нас ожидает взбучка! – шепнул Богдан и добавил, когда Андрей одарил его вопросительным взглядом. – Родителей вызывают в школу из-за драки!

Отец Иоанн шел размашистым шагом, так, что мальчики едва за ним поспевали. Флигель, где размещался кабинет батюшки, прилегал к колокольне, а, значит, находился в другой стороне от волонтеров. Эту часть монастырского сада не тронула общая суета. Храм Архангела Михаила встречал прозрачное утро, нежась в золоте ранней осени. Отец поднялся по ступеням на резное крыльцо флигеля и отворил дверь деревянного строения. Обстановка кабинета была аскетически скупа. У окна стоял небольшой письменный стол, рядом с ним – крепкий стул, выполненный в старомодной манере – с высокой спинкой и кожаной отделкой, закрепленной круглыми гвоздочками. По другую сторону стола располагались два кресла для посетителей; вдоль одной стены тянулись книжные полки, другую венчали изображения святых. Справа от окна был устроен небольшой иконостас, перед ликом Христа стояла лампадка. Батюшка Иоанн указал на кресла, но ребята не стали садиться. Андрей всматривался в лицо отца и пытался понять, насколько тот осведомлен – только ли в драке дело, или же отцу известно гораздо больше? Но по сдержанному выражению ничего понять было нельзя, так что оставалось только ждать! Отец проследовал на свое место, но не опустился на стул, а только уперся ладонями в крепкую столешницу. Андрей облизнул губы – плотный шорох рясы до-

бавлял сухости во рту.

– Совершенное безобразие произошло со мной вчера, мальчишки. – по тому, как отец начал этот разговор, Андрей понял, что тот рассержен сильнее, чем казалось на первый взгляд. А, ну и пусть! Отец тем временем продолжал: – Со странным разговором дозвонилась до меня ваш классный руководитель и утверждает, будто ты, Андрей, намеренно утопил телефон своего товарища и тут же затеял драку! И ты, Богдан, тоже принимал в ней участие! Вы учинили такую сечу на этаже младших школьников, что аж клочки во все стороны летели! Да и ребяташки оказались перепуганы! И уж что-то вовсе несусветное – я не совсем понял – было с порезанным языком! Ни в коем случае не ожидал я такого от сыновей! Теперь меня, с вами вместе, приглашают побеседовать в кабинет директора сегодня после уроков. Как все это понимать? Конечно, нет дыма без огня, но что из сказанного правда? И что еще я должен знать?

– Отец, этой драке предшествовало много событий... – начал Богдан, но Андрей прервал его.

– Все правда!

– Зачем ты это устроил? – нахмурился отец.

– Мы с Никиткой не ладили, я хотел его проучить. – Андрей сжал руки на груди и говорил жестко. Никогда раньше он не позволял себе предстать перед отцом не почистив зубы, и уж тем более говорить в таком тоне! Отец тоже заметил это:

– Я не узнаю тебя, Андрей!

– Но это я! – Андрей с вызовом взглянул на него.

– Довольно! – прогрохотал отец и повел рукой в сторону. –

Ступайте!

Андрей развернулся и ушел, но Богдан не двинулся с места:

– Ты судишь поверхностно, отец! Да, мы подрались с Никиткой и с Аникиным, но дальше терпеть было нельзя! Курицын измывался над Андреем все это время!

– Никита Курицын? – переспросил отец. – Не тот ли мальчик, что так дружил с Андреем и работал у нас в Бесплатной трапезе прошлым летом?

– Он самый, только...

– Хочешь сказать, Андрей не нашел слов, чтобы уладить размолвку с лучшим другом?

– Именно так! Курицын не понимает слов, он совсем измучил Андрея!

– Возлюби ближнего своего, сын! Ты знаешь, о чем эти слова!?

– Отец, Андрей и так еле дышит, а Курицын провоцировал приступы астмы! Однажды Андрей чуть не задохнулся по его милости!

Отец подался вперед и пробасил:

– Но удушье не помешало ему убежать с краденым телефоном и подраться! Так ли сильно Андрей задыхается!?

– Отец..

– Хватит пустых слов! Поступки говорят за человека!

Отец совсем не хотел слушать! У Богдан внутри защемило от несправедливости! Он хотел закричать – на ум пришло множество слов – чтобы достучаться до отца, но мальчик выскочил из флигеля и только в сердцах пнул камень на дорожке!

Богдан не способен долго злиться, так что в свою комнату он вошел уже спокойным. Страсти осели, оставив легкий налет беспомощности и утомления. Андрей уже умылся и теперь разглядывал себя в зеркало. Под глазами расплылись густые лиловые синяки, нос распух, на лбу ссадина как раз у кромки волос и короста над губой.

– Я как шелудивая свинья! – простонал Андрей. – Но и ты не лучше! – довольным голосом объявил он брату. Андрей снова поскреб грудь, но от этого только сильнее чесалось! Мальчик поторопился расстегнуть рубаху, чтоб посмотреть, что там.

– Ох! – Андрей выпучил глаза. – Шестакову нужно гнать из художественной школы!

Богдан подошел к брату и взгляделся в зеркало из-за его спины. С красной кожи на ребят взирал пучеглазый толстый голубь! Андрей прикоснулся к татуировке кончиками пальцев – воспаленное место горело и жглось!

– Андрей, кожа выглядит очень плохо! Как бы не было заражения! – взволновался Богдан.

– Мммм... – Андрей недовольно сморщился. Он снял ру-

башку, поправил крестик на груди и снова уставился в зеркало. – С этим ничего не поделаться! Не пойду же я к врачу!

– Может, обратишься к Любе? Волонтеров учат оказывать первую помощь!

– С тем же успехом можно отправиться сразу к отцу на исповедь! Ладно. – Андрей достал свежую рубашку из шкафа, – Быть может, первое время она и должна так выглядеть!

Богдан отошел от зеркала и присел на край кровати.

– Странное дело, – медленно проговорил он, – за вчерашний день, да и сегодня тоже, я что-то не припомню, чтоб ты заикался.

Андрей оторвался от созерцания птицы и медленно повернулся к брату:

– Да я все время спотыкаюсь на словах!

Богдан не стал отвечать, просто смотрел брату в глаза, и наблюдал, как тот медленно меняется в лице:

– Точно! – заулыбался Андрей.

– А ингалятор?

– Вот он. Но я уже несколько дней... – Андрей округлил глаза. – Богдан, я бежал! Я бежал по коридору, а потом подрался! Я свободно дышал! – Богдан поймал взгляд Андрея и мальчишки рассмеялись от радости. – Я даже танцевал! Это значит, что моей астме конец?

– Не знаю. Разве такое может быть?

– Это значит, я наконец-то смогу исполнить свою мечту! – возликовал Андрей.

– Какую мечту?

– Я хочу научиться танцевать казачок!

22

Разве Андрей мог когда-нибудь подумать, что станет списывать домашнюю работу у Мишки Герасимова!? Ересь, бред, несусветная чушь! Однако... Никогда не стоит зарекайся, и вот сейчас мальчик лихорадочно переписывал в тетрадь примеры по математике, впрочем, стараясь не изменять своим завиткам.

– Я удивлен, что ты сделал домашку! – сказал он Герасимову. – На моей памяти – это впервые!

– Да. – Мишка почесал затылок. – Когда я вчера пришел домой, дед меня уже ждал! Ему позвонили из школы и рассказали про драку. Фашисты! Еще он обнаружил, что настойка пропала. В общем, мне влетело!

– Он тебя бил!?! – вскинул голову Андрей.

Мишка только махнул рукой:

– Ерунда! Конечно, вкатил люлей – отвесил десять горячих! Но, я сам виноват! Нужно было тащить самогон – его полно! А я, дурак, попер первое, что под руку попало – настойку! Дед сразу заметил, что оранжевой бутылки нет! Ох, какой был скандал! Бабушка рыдала до приступа головокружения! Разумеется, мне пришлось сделать уроки. Уф! – Герасимов тяжело вздохнул. – Еще и сегодняшнее разбирательство. Дед точно меня насадит на кукан!

Андрей подумал, что их с Богданом тоже ожидает выволочка! Отец, конечно, не бьет их, но анафеме придаст, не покупится! Мальчик отложил математику и принялся за следующий предмет. Тут в класс вошла Дашка Шестакова, вошла и тихо опустилась на свое место. Андрей взглянул на нее, но она тут же отвернулась. Мальчик подумал, что ей тоже стоит позаботиться о домашней работе, но решил не соваться – Дашка его теперь на дух не переносит! Интересно, кто-нибудь из ребят знает, что Шестакову собирались искать? Андрей тайком всмотрелся в лица одноклассников, но не увидел в них ничего особенного – может быть, никто и не знает об этом!

Мишка прервал его наблюдения :

– Я вот оглядываюсь на вчерашний день и, кажется, не так уж умно и здорово было сжигать чучело. – Андрей повернулся к нему и мальчики обменялись понимающими взглядами. – Дааа, – кивнул сам себе Герасимов, – опосля всегда так!

Андрей не ответил. Честно говоря, он и сам дивился, как смог вычудить такое! Да, конечно, он сжег чучело и сподобился на татуировку в хмельной горячке, это не снимает вину, но хотя бы немного оправдывает придурь! Но жевал лезвие и украл одежду Магдалины он в трезвом уме! Никогда бы Андрей не подумал, что способен на такое. И что еще ему от себя ожидать?

Все оставшееся время до окончания уроков Андрей был

не разговорчив. Саднило язык и небо, беспрестанно хотелось пить, да и просто не было настроения. Грудь свербило все время! Андрей старался не расчесывать воспаленную кожу, только тихонько поглаживал ее ладонью, чтобы унять зуд, но за день пару раз забывался и сильно скреб ногтями – от этого только хуже жгло! Мальчик пообещал себе раздобыть какую-нибудь мазь, чтобы сладить с воспалением. Неприятно довлела мысль о предстоящем суде в кабинете директора. Андрей не знал, что его ждет, но понимал – встреча не сулит ничего хорошего. По рассказам Герасимова, эти мероприятия происходят так: собирается орда учителей, высказывают свое недовольство, учеников никто особо не слушает, только выливают на тебя ушат грязи, придумывают наказание, потом – по домам! Хотя, Андрей поймал себя на том, что не так уж и страшит его этот суд. Даже немного интересно! Но в целом тяжело и тревожно. Однако, эти чувства сопровождают его вот уже несколько дней, так что, может быть, суд и не при чем. И волнение какое-то новое, не то, что мальчик привык ощущать прежде! Раньше он тревожился об оценках, о том, как пройдет день, одобрит ли отец его поступки, что подумают о нем дома и в школе, опрятно ли он выглядит, в порядке ли волосы и не пора ли подстричься, в каком настроении будут Курицын или Юлия Борисовна, возьмут ли на выставку его работы в художественной школе, не кончается ли лекарство в ингаляторе и множество других, ненужных мелочей. Теперь они не имеют значения. Все эти безделицы не трога-

ют ни сердца, ни мыслей, они забыты, как старые игрушки, словно Андрей их уже перерос! Сейчас беспокойство иное! Это даже не беспокойство или волнение, а что-то свербящее, грызущее, грубое, новое, горячее, смешное и страшное, певучее, пылкое, мятежное, сладострастное... Это именно то, что толкнуло его на бредни... Неповиновение! Бунт!

Впрочем, все эти чувства были сумбурны, смяты, неоформлены и Андрей лишь маялся от их неповоротливый игры. Настроение стало мрачнее, когда ребята прибыли к кабинету директора. Богдан заметил, что глаза брата странно поблескивают, но на вопросы Андрей не отвечал, буркнул лишь:

– Осточертело это постылое место! – сложил руки на груди, оперся на стену и уставился в пол.

Пожаловал Курицын с родней. Его папа был крупным расслабленным мужчиной, всегда с полуприкрытыми веками и ленным выражением лица. Зато мама была милейшей женщиной! Завидев ее, Андрей потупил взор и отвернулся, чтобы не здороваться. Впервые за эти несколько дней его неприятно кольнул стыд, хотя этот укол быстро растворился в грудной чесотке и исчез после легкого поглаживания. Размеренной поступью прибыл отец. Он беседовал с классным руководителем и пока не проявлял признаков сердитости. Вслед за Татьяной Михайловной семенил Аникин, он выглядел запуганным, но все же обменялся нахальной ухмылкой с Курицыным. Последними пришли дед и бабушка Герасимо-

ва. Мишка встретил их у школьного крыльца и проводил к кабинету. Дед что-то отрывисто сказал Мишке, тот сглотнул и затравлено заозирался. Наконец, всех пригласили войти.

Кабинет директора был просторным, но тусклым. Всюду царил коричневый цвет: деревянные панели, шкафчики, столы, ковер, рамки для картин, даже настольная лампа! Более унылой обстановки, представить трудно, хотя, она подходила для суда как нельзя лучше. Из учителей были Татьяна Михайловна, Могила и Елена Сергеевна – в зеленом платье, как в первый день, и легкой кофточке поверх – Богдан поспешил спрятать взгляд. В углу кабинета Юлия Борисовна и школьный охранник что-то сосредоточенно высматривали на экране компьютера. Во главе длинного стола восседал Олег Дмитриевич – директор – толстый дядечка с залысиной, подслеповатый, медлительный простофиля. Он встал, приветствуя вошедших, и жестом предложил всем рассаживаться. Андрей, Богдан и Мишка уселись по одну сторону стола, Курицын со свитой – по другую.

– Благодарю всех за то, что пришли! Итак, на повестке дня драка. – без промедления начал Олег Дмитриевич. – Я немного осведомлен о ситуации и, если не ошибаюсь, дело было так: на уроке Магдалины Лаврентьевны Андрей плюнул кровью в Никиту Курицына, после чего убежал в туалет младших классов, смыл в унитаза телефон Курицына, что привело к драке. Так?

– Нет! – заявил Андрей. Все уставились на него. – Это

было после урока Магдалины Лаврентьевны.

Директор вопросительно глянул на Могилу, та промолчала, тогда он сказал:

– Хорошо, после урока. Против остального возражений нет? Нет. Тогда давайте слушаем стороны, пусть мальчики выскажутся!

– Да о чем тут болтать! – возмутился Курицын. – Этот псих порезал себе язык, угробил мой телефон, потом втянул меня в драку! Меня вообще не нужно было вызывать к директору, я ни в чем не виноват!

– Я тоже! – встрепнулся Аникин. – Я хотел вступить за друга, потому что втроем на одного нельзя! Это Богдан накинудся на меня и вынудил драться! – Татьяна Михайловна бросила на сына негодующий взгляд и тот замолк.

– Но я вижу, что Богдану сильно досталось, а у тебя лишь царапины, – продолжал директор.

– Потому что он доходяга!

– Но если ты, Максим, хотел только вступить за друга, зачем же побил Богдана? Тем более если понимал, что он слабее?

– Это не значит, что он прав!

– Подождите! – отчеканил Олег Дмитриевич. – Давайте разберем все по порядку. Андрей, ты был зачинщиком потасовки?

Андрей кивнул.

– Откуда у тебя взялся телефон Никиты?

– Я вытащил его у Никитки из кармана на перемене, – открыто заявил Андрей. Курицын подпрыгнул на месте и начал тыкать пальцем в Андрея:

– Ну вот! Ну вот!

– Спокойно! – призвал Олег Дмитриевич. – Андрей, зачем ты утопил телефон?

Андрей пожал плечами:

– Курицын слишком сильно хвастался им. Слишком сильно задавался!

– Церковная мышь, да тебя жаба задушила! Он завидовал мне, потому что сам только хлебом питался!

Отец Иоанн посуровел от этого заявления, но не высказался.

– Никита, успокойся! – повысил голос директор. – Андрей, что ты можешь еще добавить?

Андрей откинулся на стуле, на его лице заиграла довольная улыбка заправского сутяги, он посмотрел на директора и произнес:

– Курицын дал вполне исчерпывающий ответ! – Андрей подался вперед. – Я гнусный дрянной человек, в моей природе поступать именно так!

– Хм. – Олег Дмитриевич слегка смутился от нахальства ученика. – То есть ты не отрицаешь? Ты взял телефон из зависти?

– Да бог с ним с телефоном, Олег Дмитриевич! Вы посмотрите, как мы живем: сплошь мелкая возня и непонима-

ние! Люди находят общий язык, только если дело касается низших потребностей! Мы впадаем в экстаз, если рядом кто-то ловко владеет мячом; зовем себя духовными созданиями, но орем, как обезьяны, при виде футбольного мяча! Забывается культура, искусство, нравственность, царит технократия и упадок личности! Прогресс ушел далеко вперед, а душа от начала времен топчется на месте...

Богдан ткнул брата локтем:

– Замолчи! – шепнул он Андрею.

Директор удивленно похлопал глазами:

– Ты утопил телефон в знак протеста технократии?

– Да нет же! Я хотел поддеть Никитку, поставить его на место!

– А зачем порезал язык?

– Чтобы напугать его!

– Вот видите, он сумасшедший! – выкрикнул Курицын, но его толстый отец одернул сына:

– Не лезь к нему, он правда того! – и добавил уже глядя на батюшку Иоанна. – Вы понимаете, что должны возместить нам ущерб? – Отец кивнул.

Олег Дмитриевич продолжал:

– Андрей, я совсем не понимаю твой поступок!

– Я об этом и говорю!

– Андрей, прекрати паясничать! – громыхнул отец и на мгновение замолкли все.

– Хорошо. – директор еще раз глянул на Андрея и перевел

тему: – Михаил Герасимов. Ты у нас новый ученик, к тому же находишься под особым наблюдением и принял участие в драке!

– Я только...

– Пришибу! – рыкнул дед. Мишка тут же стушевался, бабушка зарыдала в голос и громко всхлипнула.

– Я не знаю что делать, Миша! – устало выдохнул директор. – Когда ты перешел в нашу школу, тебе дали последний шанс. Мы, как педагоги, были на твоей стороне, мы верили, что ты хочешь исправиться. Мы пошли тебе навстречу! Миша, порча имущества и драка – это серьезный проступок! Я, как учитель со стажем знаю, иногда мягкие меры только вредят ребенку, расхолаживают, мешают ему понять важность поступков и последствий! Боюсь, мне придется исполнить обещанное и оповестить полицию. – с сожалением произнес директор. Мишка вскинул голову и уставился на него с тревогой во взгляде.

– Пойдите! – вклинился Богдан. Он встал с места и обвел взглядом учителей. – Я хочу сказать, как все было! – мгновенно все взгляды устремились на него. Андрей потянул брата за руку, но тот лишь отмахнулся и продолжил: – Андрей не хотел драться! Никто из нас не хотел, потому что в наших мыслях нет насилия, но Курицын с первого дня стал издеваться над Андреем! Он поджидал на перемене, в коридоре, на улице, вместе с Аникиным они колотили Андрея, обливали водой, унижали! Они вели себя совершенно безнаказанно!

но, делали что хотели. Вскоре их шуточки стали опасными, Курицын душил Андрея! Вызывал астму, кашель! Из-за этого никто не устраивал собраний! А когда Андрей не выдержал и дал отпор, тогда учителя переполошились! А Герасимов, – Богдан прямо посмотрел директору в глаза, – Герасимов не при чем. Дрались мы с Андреем, а Мишка пытался всех разнять!

– Ты не дрался, а разнимал, что ли!?! – дед сурово глянул на Мишку.

– Да!

– Так что же молчишь!?

– Да ты же пришибешь!

Олег Дмитриевич подался вперед:

– Если то, что ты говоришь, правда, Богдан, то почему сам Андрей не рассказал об этом?

– Андрей не рассказал об этом, потому что ему неприятно!

Директор перевел взгляд на Андрея:

– Андрей, ты подтверждаешь это?

Но мальчик сцепил руки на груди и промолчал.

– Постой! – Олег Дмитриевич вскинул брови, словно его осенила мысль. – Помню, тебе вызывали скорую, что-то приключилось на физкультуре, тут тоже замешен Никита Курицын?

Никитка побледнел и откинулся на стуле.

– Я не стану отвечать! – твердо сказал Андрей и зыркнул

на брата. – И Богдан тоже!

– Что ж, весьма красноречиво! Никита, правда то, что ты все это время цеплялся к Андрею?

– я, эээ.... Не так уж я... – начал мямлить Курицын.

– Ясно! – директор сложил ладони в замок. – Теперь, если рассматривать драку, как самозащиту, то можно обойтись беседой и выговором! Мальчики, Никита и Максим, ваше поведение совершенно недопустимо! Школа не место для побоев и издевательств! Одно маленькое замечание в вашу сторону и вы будете наказаны по всей строгости! Это понятно?

Никитка и Прихвостень закивали.

– А вам я скажу, – директор перевел взгляд с Андрея на Богдана и , наконец, на Мишку, – если возникают проблемы, у вас есть учителя! Классный руководитель, с которым можно поговорить и обсудить трудности! Самосуд – это не выход! Андрей, телефон ты все равно не должен был топить. – директор посмотрел мальчику в глаза и тот вынужден был кивнуть. – Замечательно! Пожалуй, на этом все. Все могут быть свободны!

Все облегченно выдохнули и задвигали стульями, собираясь домой, но...

– Кхе-кхе, Олег Дмитриевич, – подала голос Юлия Борисовна. Она стояла за его спиной, рядом с монитором компьютера, на котором застыло изображение. – У нас тут еще кое-что...

– Что еще такое! – недовольно отозвался директор – ему тоже хотелось домой.

– Взгляните сюда, – когда все уселись обратно по местам, учительница повернула экран, так, чтобы собравшимся было видно и щелкнула по кнопке. Ожила серая шуршащая запись. Изображение было рябым и нечетким, но на нем легко угадывались фигуры людей – в частности, было прекрасно видно, как Андрей облачает корягу в пиджак. А с ним Герасимов и Дашка Шестакова! Где-то в углу темным пятном Богдан приютился на шине. Вот ребята сложили костер. Вот Мишкино незабываемое: "Нужно шибче огонь, а то не займется!". Дашка прыгает и что-то лопочет – слов не разобрать. Пляска. We are the champions. Дождь... Финита! Юлия Борисовна остановила запись. Повисло молчание. Все таращились в застывший монитор, не в силах вымолвить ни слова! Первым ожил Богдан, он взглянул на брата – тот был бледен, как полотно – спеси явно поубавилось! Лицо Герасимова вытянулось в маску жертвенного идола:

– Кто бы мог подумать! – сухими губами пробормотал он.

Аникин стал расплзаться в довольной улыбке! Он глянул на Курицына, ожидая ответного ликования, но Никитка сверлил Андрея неподвижным взглядом, полным ненависти и обиды. На лицах учителей в разной степени отражалось удивление и неверие. Но на отца Богдан боялся даже взглянуть! Языческий костер, устроенный младшим сыном православного батюшки...

– Так! – Олег Дмитриевич повернулся к столу, но в растерянности замолчал: – Минуточку... – он снял очки и принялся тереть виски кончиками пальцев. Зашевелилась Могила. Андрей взглянул на нее, ожидая негодующей брани, но она выпалила только:

– Мой жакет... – на чем окончательно потеряла дар речи!

– И Даша с вами!?! – севшим голосом спросила Татьяна Михайловна

– Нет! – подскочил Андрей. – Я ее заставил! И Герасимова тоже! Они не причем, я насильно их втравил!

– Как можно заставить... – начал директор.

– Я могу, умею! У меня талант!

– Все! – крикнул Олег Дмитриевич. Он снова снял очки, сжал переносицу и стал натирать виски. С минуту директор молчал, пытаясь взять себя в руки и осознать ситуацию, чтобы что-то решить, разобраться, назначить наказание, но здравомыслие отказывало! Тем временем все собравшиеся взирали на него в ожидании слов. – Хорошо, все могут быть свободны! – отчеканил директор. – Я подумаю о мерах воздействия и сообщу о решении позже! Герасимовы, задержитесь.

Остальные неуверенно задвигали стульями, стали расходиться. Взрослые перешептывались и бросали на Андрея косые взгляды, но мальчик намеренно не замечал их. Богдан смог вздохнуть спокойно, только когда покинул кабинет директора и оказался в коридоре.

– Аж живот свело от страха! – шепнул он брату, но Андрей негодующей выкрикнул:

– Ну ты и трепло! Зачем ты это все рассказал? Кто дал тебе право? Я не хотел, чтоб об этом знали! Какая разница, с чего все началось, драка так и есть на своем месте, а нас накажут именно за нее! Так что мог бы и помолчать!

– Неужели!? – взорвался Богдан. – А ты почему молчал, не вступился за Мишку? Все пострадали – Герасимов, Дашка, я, ты сам – все из-за твоего уязвленного эго! А к чему привели бредовые пьяные затеи!? Да тебя теперь все считают помешанным психом!

– Лучше быть психом, чем жертвой! К тому же, – Андрей лукаво улыбнулся, – помню, брат, это ты мне крикнул "швыряй"! – Андрей резко развернулся и отошел, давая понять, что разговор окончен. У Богдана внутри все клокотало. Сколько он уже натерпелся по милости Андрея – с него хватит! Пусть Андрей больше не ждет от него дружбы! Пусть любезничает со своим ненаглядным Герасимовым! Пусть дальше поддерживают идиотские выходки друг друга – посмотрим, к чему это приведет! А потом пусть таскают передачи друг другу в тюрьму! А у Богдана есть и своя жизнь, свои интересы...

– Богдан, я совсем не ожидала от тебя такого! Ты всегда такой спокойный, рассудительный, а тут вдруг драка! – Богдана словно прострелило от звуков этого голоса! Он вздрогнул и поднял глаза – упиваясь своим гневом, он совсем не

заметил, как подошла Елена Сергеевна. – Ты хотел постоять за брата? Иначе, я совсем не понимаю, почему ты подрался с Максимом! Зачем тебе это было нужно? – Елена Сергеевна смотрела на него сверху вниз выжидательно и мягко. Но что же ответить!? Богдан стал теревить уголок рубашки, неожиданно собственные руки показались ему лишними, громоздкими, их некуда было деть! А она правда ждет ответа! Богдан сжал руки на груди и опустил взгляд. Надо сказать хоть что-то!

– Он плохо о вас говорил. – выпалил он. Учительница поджала губы, но Богдан снова опустил взгляд и замолк. Наверное, Елена Сергеевна ожидала, что он скажет еще что-то, поэтому выжидательно смотрела на Богдана. А он только сжался и старался не шевелиться. Она ушла. Как можно было такое ляпнуть! Провалиться ему на этом месте!

Дверь кабинета директора отворилась и оттуда вышел Мишка.

– Ну как? – спросил Богдан. – Что тебе будет?

– Из школы не попрут! – довольно улыбнулся Герасимов. – Спасибо, что выставил меня в хорошем свете, теперь я чист, как банный лист!

– А как быть с костром?

Тут Мишка пожал плечами:

– По идее – наказание. Но бабушка так стонет, что директор боится что-то против меня решить!

Отец все это время стоял чуть поодаль вместе с Могилкой

и родителями Курицына. Они решали вопрос о возмещении ущерба, но сейчас, видимо, договорились, пожали руки и отец направился к мальчикам.

– Идемте домой, – на ходу бросил он сыновьям, и они посеменили следом.

23

По дороге Богдан даже не смотрел на брата. Он старательно отводил взгляд и пялился куда угодно, лишь бы не на Андрея. А тому дела нет! Что ж, раз так, то и Богдану не очень-то и нужно примирение! В конце концов, он духовно развитый человек, целостная личность, и, в отличие от многих, ему незачем искать самоутверждение в обществе. Теперь он больше слова не скажет Андрею, так даже лучше – не придется бесконечно болтать и обсуждать его трудности. Почему люди так любят выносить на показ свои проблемы – это же стыдно! Вот Андрей враждует с Курицыным: раньше они дружили, теперь Курицын его тиранит – кто виноват? Конечно, сам Андрей! Ведь Курицын не в мгновение ока превратился в злобного аспида, он был таким, был вредным гадом и раньше. Андрей водил с ним дружбу, и не мог не знать о гнусных чертах своего товарища. Вот и получается, что Андрей сам вкрячился и терпит бедствие, так зачем выставлять на обозрение свои ошибки и просить жалобливую милостыню за них!? Хм... Вообще-то, Андрей и не выставлял ничего, напротив, молчал, как рыба! Обсуждал все только с самыми

близкими. Ну вот пусть теперь не лезет к Богдану за советом! Все равно не слушает. Нет, он не пойдет на мировую! Пусть Андрей с Мишкой обмусоливает свои дела – интересно, что из этого выйдет! А Богдан будет сам по себе, жаль только, комната одна на двоих. Решено, ни слова больше!

– Богдан?

– Да!?! – сердце тревожно екнуло!

Андрей подошел поближе и тронул брата за плечо:

– Ты извини, я был резок! Не хотел переступить через себя и от этого многим досталось.

– Ничего. Мы оба хороши!

– Почему оба? Я бы все равно бросил этот злосчастный телефон в клозет – уж очень хотелось! А медлил, только чтобы подразнить Никитку.

– Я не об этом. – Богдан взглянул брату в глаза. – Ведь мы же оба не смогли придумать ничего лучше драки, а, значит, виноваты.

Андрей усмехнулся, от чего болячка на губе треснула и закровила. Мальчик утер тонкую струйку пальцами.

– Ты, по крайней мере, не устраивал буйную пьянку! А я резвился, как черт, глупостей понаделал: костер, татуировка, Дашку втянул... – Андрей шумно выдохнул и покачал головой в укоризне. – Я совсем слетел с катушек, напортачил! Тогда казалось, что это принесет мне утешение! Но радости вышло на кукиш!

Богдан понимающе кивнул:

– Разрушение не призвано утешать, Андрей.

– Все-то ты знаешь! – раздраженно бросил Андрей и взгляделся в лицо Богдану. – У тебя нос распух еще сильнее моего!

– Такого не может быть! – воскликнул Богдан. – Больше, чем твой шнопок, только купол на нашем храме!

Отец безмолвно шествовал впереди, задевая опавшие листья полами рясы. Андрей взглянул ему в затылок, отец, словно ощутил взгляд и обернулся. Мальчик тут же отвел глаза, чтоб не вызваться на разговор. Внутри все еще скреблась тоска, урчала и перекатывались новая силища. Андрей не понимал этих чувств, он не знал, что с ними делать, куда они заведут, что будут требовать. Он не был уверен, что всегда будет помнить, что нужно сдерживать буйные порывы и отрезвлять их разумом. Он не знал, можно ли этому научиться!

Когда подошли к кленовой аллее было уже темно. Взвился ветер, растрепал волосы и заиграл в кронах деревьев – такой естественный порыв, но Андрей вдруг остановился и осмотрел улицу, словно впервые ее видел.

– Ты что? – удивился Богдан.

Андрей покачал головой и пошел дальше. К своему удивлению он осознал, что мир вовсе не изменился, не перевернулся с ног на голову – только в одночасье перестал радовать. Что-то сделалось с душой; внутри перекроилось, а снаружи, как ни странно, все по-прежнему! Внешний мир не

пошатнется от душевных страданий, он будет стоять, даже если нутро рвется на части! Жестоко? Скорее, мудро!

– Андрей. – обратился отец. Они уже добрались до дома, мальчики остановились у крыльца, а отец прошел дальше, к флигелю. – Направь ко мне свои стопы, голубчик!

– Сейчас будет бесов изгонять, – буркнул Андрей и поплелся за отцом. Богдан сочувственно посмотрел ему в след.

Горела только настольная лампа, так что во флигеле царил полумрак. Отец предложил Андрею присесть, но тот промолчал в ответ и остался стоять у двери. Он снова сжал руки на груди и старался не смотреть на отца, только недовольно шарил взглядом по углам, выказывая нетерпение. Сам батюшка Иоанн тоже не устроился на стуле, а предпочел ходить по комнате, меряя ее шагами. В тишине прошло несколько минут. Наконец, отец подошел к Андрею и взял его лицо своими большими сухими ладонями. На миг мальчику показалось, что отец умоет его святой водой, но тот лишь сказал:

– Полно злобствовать, сынок, пошумел и будет! – голос отца был добрым и густым, Андрей поднял удивленный взгляд. – Я не стану ругать тебя за вчерашние проделки, поскольку уверен, что, несмотря на внешнюю браваду, в душе ты коришь себя за них. Для совестливого человека наказания и порицания излишни! – отец выпустил лицо Андрея из рук и вновь прошелся по комнате. За ним скользила и прыгала плоская тень, рожденная тусклым светом лампы. – Детям и юношам, – назидательно продолжал отец, – на жиз-

ненном пути предстоит много знакомств – с людьми, с миром, с природой, но самое значимое и сложное знакомство – с самим собой! Кто знает, что он есть и чем наполнен, если не изведал себя в разных ситуациях и не заглядывал в закрома души! А там бывает мрак, темнота! – отец остановился, взглянул на Андрея и надавил на слова. – Мы должны знать себя, чтобы бороться со своими демонами, а не плодить их в ненависти друг к другу. Я говорю сейчас о твоей вражде с мальчиком – с Никитой. Можем ли мы сдружиться с каждым? Пожалуй, нет. Ну, а любить? – отец сделал выжидательную паузу. – Можем. Что значит любовь – люди бога ведают. А ты ведаешь бога, сынок! Вот почему должен быть мудрее! Агрессия не может быть в ответ на злобу. Агрессия – это реакция гидры на плохой раздражитель, но человек – существо сложное и духовное! Позволить себе копошиться в своем гневе, все равно, что накидывать на шею петли удавки! Злоба рождает ненависть; ненависть порождает желание мести; вершая месть, душа отягощается виной; вина ввергает человека в рабство; в рабстве разжигается злоба! Не позволяй трудностям затащить себя в котлован бездумных реакций, будь выше, разумнее! И взгляни по сторонам, Андрей! Покуда у тебя есть друзья и близкие ты не обязан в одиночку биться со своими муками! Не обязательно хоронить свои чувства на дне стакана, их лучше обговорить, обсудить, обдумать... Перетерпеть, в конце концов!

У Андрея перехватило дыхание:

– Ты знаешь!?

– Я знаю все, что твориться в стенах монастыря, сынок!

Я очень надеюсь, что ты меня услышал, что этот разговор не был напрасным.

Андрей покивал в ответ на отцовскую речь, ему не хотелось длинных бесед о душе и благодеяниях. Лишь одна тема беспокоила сердце:

– Как звали мою маму?

Отец тяжело вздохнул :

– Лариса.

– Ты видел ее когда-нибудь?

– Только на фотографии.

– Я похож на нее?

Отец на секунду замолк, потом:

– Нет. – и еще через мгновение добавил. – Ты очень похож на своего отца!

Это больно резануло душу, но мальчик кивнул:

– Я бы хотел посетить ее могилу.

– Конечно. Это не трудно устроить. Эээ, Андрей... – Отец вдруг замялся, подбирая слова. Андрей удивленно посмотрел на него. – Твой дядя до сих пор живет в лечебнице...

– Нет. – тут же оборвал Андрей. Отец понимающе поджал губы. – Я стану сумасшедшим? – вдруг спросил мальчик. – Почти наверняка я сойду с ума или заболею!

Отец подошел быстрым шагом и положил руки Андрею на плечи:

– Никто, кроме Господа, не может об этом знать и тебе не стоит держать это в мыслях!

– А как же наследственность!? Зачем обманывать себя, отмахиваться от фактов!

– Нет никакой наследственности, мой мальчик, есть только ты и жизнь! Не стоит заваливать дорогу валунами предрассудков и беспочвенных страхов. Будь смелее! Мечтай, добивайся целей, преодолевай трудности, радуйся жизни, будь счастлив! Ожидание дурного еще никого не доводило до добра. Сам посуди, ведь можно целый день просидеть дома, опасаясь дождя, который не наступит, а можно всю жизнь разменять на ожидание болезни – проявится она или нет, неизвестно! Не забывай, что жизнь – это благословенный дар, даже талант! Когда мы видим человека, который попусту растрчивает свой талант, мы считаем его глупцом; когда видим кого-то, кто боится жить, считаем – осторожный. Не развей свой дар по ветру, Андрей. Это твоя жизнь, никто, кроме тебя, не внесет в нее вкус и смысл!

Сотню раз отец толдычил им эти слова, и лишь на сто первый в них стала проявляться суть! Неожиданно заумные нравоучения обрели форму, краски, обличье, живость! Это больше не пустой звук, теперь – это умная мысль! Удивительно!

Отец Иоанн достал старинные часы на цепочке и взглянул на время.

– Ну идем, сынок. Нас давно на ужин заждались!

Андрей вдруг ощутил себя очень уставшим, он позволил отцу обнять себя за плечи и повлечь на улицу. Вечер был прохладный и тихий, виднелись звезды, тонкий месяц сиял чистотой. Где-то рядом заунывно кричала сова. Стало неожиданно хорошо и привольно – наконец-то сегодняшний день прошел! Андрей в тайне порадовался этому, но отцу ничего не сказал.

Семья уже собиралась в столовой, Лика накрывала на стол, Богдан помогал – носил тарелки, ложки, кастрюли – но дом еще сотрясали оглушающие перекаты гитарных рифов, перемежающиеся со сложными партиями соло. Сашка в упорении терзал гитару! Мелодия то взлетала ввысь струнными взвизгами, то шептала от легких прикосновений; то закручивалась в сложные вихри и обороты, то затихала, оставаясь послевкусием в тишине. Слушать приходилось всем! Проходя по коридору, отец громко постучал в дверь:

– Александр, заглуши бандуру!

Музыка оборвалась. Но спустя пару мгновений взвилась с новой силой! Андрей отстал на несколько шагов от отца, и незаметно проскользнул к Саше в комнату.

– Сашка! – позвал Андрей, сиюсь перекричать гитарный вой. Тщетно. – Сашка! – Андрей дернул старшего брата за рукав. Тот вздрогнул и очнулся от самозабвения:

– Что!?

Андрей замялся в нерешительности, не зная, как начать разговор. Сашка нахмурился – он терпеть не мог, если кто-

то прерывал его музыкальные утехы!

– Слушай, Саша... Такой долговязый парень, твой одноклассник, он вроде бы татуировки делает?

– Ну?

Андрей снова стал подыскивать слова.

– Можешь отвести меня к нему?

– Это еще зачем?

– Мне нужно свести татуировку.

Саша отодвинул гитару :

– У тебя татуировка!?

Андрей расстегнул верхний пуговицы и оттянул край рубашки, обнажив воспаленную кожу. Саша подошел поближе к брату и наклонился, чтобы рассмотреть.

– Что это такое? – пробормотал он, не веря глазам.

– Мы ходим к нему? – с отчаянием в голосе спросил Андрей. Саша не ответил. Он нагнулся ниже и внимательно взгляделся в красное пятно. Вдруг, он содрогнулся и закусил кулак. Зажмурился! Снова дрогнул и затрясся от смеха! Расхохотался – долго, заливисто и заразительно!

– Прекрати! – Андрей отпрянул и поспешил застегнуть рубашку. – Я пришел к тебе за помощью!

– Ахахахааа! – это была истерия, конвульсии! Андрей решил переждать, пока закончится приступ, наконец, Саша отдышался и утер глаза. Андрей решительно шагнул в его сторону:

– Что скажешь?

– Абзац, Андрей! Это гулька!

– Перестань зубоскалить, без тебя тошно! Лучше скажи что-нибудь внятное!

Саша постарался сдержать улыбку, но плохонько, она все равно выглядывала на озорном лице:

– Будет тебе, что-нибудь придумаем! Дай сначала краснота спадет, по живому драть нельзя! Ты вот ответь, как тебя угораздило нанести такое творение?

Андрей поморщил нос, при этом его лицо приобрело выражение глубокого несчастья:

– Я бы рассказал тебе, – промямлил он, – но мне стыдно!

Сашка вскинул брови:

– Стыднее, чем жечь чучело учительницы?

– Ох! Откуда ты знаешь!?

Сашка развел руками:

– Да всем известно.

Андрей потер лоб ладонью и отвернулся, чтобы брат не заметил, как он покраснел от стыда:

– Но откуда?

Вместо ответа Сашка неопределенно помаячил руками в воздухе.

– Послушай, Андрей, – он подошел к брату и взял его за плечи, совсем как отец, – в жизни много чего может произойти и нужно понимать, что не все нам подвластно. Есть вещи, в которых мы сильны от природы – ты хорошо учишься, рисуешь, – но у каждого есть и слабые стороны. Поэтому

важно познать не только свои таланты, но и недостатки, чтобы избегать острых углов. Нельзя, пойми, пожалуйста, Андрей, – Сашка назидательно взирал на брата, – ни в коем случае нельзя петь "We are the champions", если у тебя нет слуха!

– Ух, Сашка! – Андрей гневно сбросил его руки с плеч и направился к двери. Брат догнал его у выхода, сверкая плутовским взглядом! Ужинать они пошли вместе.

Богдана насторожило, когда отец пришел один, без Андрея – что еще могло с ним произойти! Но теперь, увидев его в столовой, выдохнул свободно. Мальчишки обменялись взглядами. Богдан вопросительно поднял брови, что означало: "Ну как все прошло?", Андрей улыбнулся и легонько кивнул: "Лучше, чем ожидалось!". За ужином у всех было приподнятое настроение, отец приглаживал бороду и много разговаривал. Андрей говорил мало, но внимательно слушал. Марина стала приходить в прежнее расположение духа, ее голос снова стал громким и сильным, взгляд – прямым. Она была немного в обиде на мальчишек за то, что те жгли чучело без нее, но теперь уже сомневалась, стоит ли обижаться, учитывая скандал. Может, и лучше, что без нее! Мама рассказала, что волонтеры сегодня утром собрались зря – девочка нашлась сама. Она осталась ночевать у новой подруги и не посчитала нужным предупредить своих родителей об этом. Зато все убедились, что волонтерское движение организовано правильно и готово работать! Андрей тайком

взглянул на отца. Во флигеле он сказал, что знает обо всем, что происходит в монастыре, стало быть, о Дашке тоже знает!? По лицу не похоже! Да и разве бы отец не упомянул об этом в их сегодняшнем разговоре, если бы знал! Впрочем, откуда ему узнать? Андрея передернуло – хоть бы не знал! И так достаточно позора! Да, несомненно, теперь он стал понимать, чтобы не угодить в конфуз, всегда лучше подумать, прежде чем кидаться в омут! Интересно, как там Мишка? Ему, наверное, не так легко дался вечер!

Отец провел ладонями по бороде и груди, довольно улыбнулся, встал из-за стола, пожелал всем доброй ночи и велел не забыть прочесть молитву перед сном.

Марина всегда прилежно читала молитву. В том, что касалось религиозных требований отца, она отличалась исполнительностью и покорностью, не в пример другим сторонам жизни. Девочка вставала на колени у своей кровати, складывала ладони под подбородком и четко неторопливо произносила слова, направив внутренний взор к всевышнему. Женя поступала иначе. Она молилась про себя и с закрытыми глазами, словно ей есть, что скрывать! Лица в своей келье поцеловала распятие перед сном. Саша удобно улегся под одеяло и подтянул длинные ноги к груди, чтобы не торчали с кровати. Слипая глаза, он мысленно пожелал спокойной ночи несравненной Натали. Вдруг встрепенулся, выскочил из-под одеяла:

– Прости, Господи! – перекрестился и лег опять, погля-

дывая на свою Наташу.

– Ну, готов? – спросил Богдан.

– Угу, – Андрей опустился рядом с ним на колени и сложил ладони, – три-четыре... Отче наш, Иже еси на небесех...

– Отче наш, Иже еси на небесех...

– Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое...

– Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое...

– Да будет воля Твоя...

– Да будет воля Твоя, яко...

– ...яко на небеси и на земли...

– ...на небеси и на земли. Хлеб...

– Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

– ...наш насущный даждь нам днесь; и остави нам..

– и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем...

– ...долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас...

– должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от...

– .. во искушение, но избави нас от лукавого. Аминь!

Все! – Богдан вскочил на ноги.

– Так не честно! Просто я заикаюсь!

– Как бы не так! – Богдан забрался на верхний ярус кровати. – Теперь ты не заикаешься. Кстати! – он свесил голову, чтобы видеть брата. – Куда делись заикание и астма?

Андрей пожал плечами:

– Сам не знаю! Но я как будто... Я как будто заново ро-

дился, чувствую себя собой!

24

В старости, когда подкашивает болезнь и одолевает немощь, люди становятся либо тихими и смиренными, либо сварливыми и несносными брюзгами! Уже вечером, под самое закрытие, Люба зашла на почту, оплатить счета одной вздорной старушонки. На почте было безлюдно, так что Люба осталась на минутку поболтать с дядей. Вскоре дверь открылась, вошла незнакомка с длинной русой косой и рюкзаком за плечами. Она огляделась и неуверенно подошла к почтовому окошечку.

– Извините, – начала она, – вы наверняка сможете мне помочь! Я только недавно приехала, но уже все ноги сбила – никак не найду нужный адрес.

– Что вы хотели? – учтиво спросил дядя Василий.

– Я ищу улицу, которая называется Речной Тупик. Дом шестнадцать. Как я понимаю, это самый последний дом по улице.

Люба подскочила на месте!

– Зачем вам!?

– Боюсь, это только мое дело.

Мелькнула догадка! Люба в мгновение ока приблизилась к женщине и взгляделась в лицо. Оно было волевым, с ранними морщинами над переносицей и в уголках глаз, но светлым и по-своему красивым.

– Вас зовут Соня!?

– Откуда вы знаете? – нахмурилась женщина.

– Я как раз собиралась к Сергею Вячеславовичу, я провожу вас!

– А вы кем ему приходитеесь? – поинтересовалась Соня, когда они выходили из почты.

– Меня зовут Люба, я волонтер, немного помогаю Сергею Вячеславовичу по хозяйству.

Соня нахмурилась и вопросительно взглянула на Любу.

– Он болеет, и иногда ему нужен помощник! – пояснила Люба.

– Разве он болен? Я не знала!

– Он никогда не говорит об этом.

Люба неторопясь рассказала Соне о Лодочнике, но большую часть пути они прошли молча – Соня была совсем не разговорчивая! Она только хмурилась и, видимо, думала о своем. Люба отчаянно хотела знать зачем она приехала! Просто визит? К человеку, который убил ее сестру – вряд ли! Но, при этом, Сергей ей пишет! Что же у них за отношения!? Что может связывать молодую и красивую Соню с угрюмым Лодочником!?

У калитки, как обычно, крутился Кудряш. Он почуял гостей загодя и нетерпеливо мялся на крыльце. Наконец, он ринулся навстречу и ткнулся Любе в ноги! Она потрепала его по голове, а потом велела отправляться домой.

– Это здесь, – сказала Люба, видя, что Соня замешкалась

у крыльца. Соня кивнула и уверенно вошла в дом. Люба последовала за ней.

– Сергей Вячеславович! – мягко позвала она. – Вы спите? Сергей Вячеславович, к вам гости!

Из комнаты показался Лодочник. Он хотел что-то сказать, но взглянул в прихожую и замер. Соня стояла у двери, сцепив на груди руки, и прямо смотрела на Лодочника. С минуту они глядели друг на друга. Потом Сергей устало опустился на стул и произнес:

– Здравствуй.

– Я хочу знать, за что вы убили Лилю? – жестко сказала Соня.

Снова повисло молчание, долгое, вязкое. Люба почувствовала себя лишней, но боялась пошевелиться! Пауза затягивалась, превращаясь в комок тяжелого напряжения и, чтобы как-то разрядить обстановку, Люба пробормотала:

– Я.. Я заварю вам чай, и вы все обсудите мирно!

Она двинулась к плите, но Лодочник остановил ее:

– Не нужно, Люба. Я расскажу все без прелюдий.

Он предложил гостям сесть, сам устроился на табуретке за столом, потер лицо ладонями и начал:

– Когда-то давно у меня был друг, Геннадий. Мы были знакомы с детства, но сдружились только в отрочестве. Он был веселым, беспечным бездельником, любил прожигать жизнь, брал от нее только удовольствия. Но с ним было радостно и уютно! Юность выдалась необузданная, дикая, бес-

контрольная! Мы устроилось работать на вокзал, после школы разгружали вагоны – зарабатывали деньги, только чтобы просадить их в один вечер! Гуляли, пили, ни в чем себе не отказывали. Вино текло рекой, танцы, песни, драки – раздолье! Мы ни в чем не знали меры. Иногда, если разбушемся, приезжала милиция, нас забирали на сутки – отрезвиться и подумать. Но чаще мы успевали смыться! Мы с Геннадием все растрчивались на веселье и разврат! Было здорово!

– Пойдите! – встряла Соня. – Вы говорите о моем отце?

– Да. – Сергей открыто посмотрел ей в глаза и продолжил: – Гена был очень красив. Ему нравилась одна девчонка – Людмила, вскоре он очаровал ее, они стали встречаться. Людмила тоже не отличалась нравственностью, а некоторые ее замашки были похлеще наших. Тем не менее, что-то в ней привлекало! Они вместе являлись по сомнительным компаниям и злачным местам, при этом мы с Геннадием оставались неразлучны. К сожалению, ничто не длится вечно, нашему беспутству пришел конец! Людмила забеременела. В шестнадцать лет они поженились – на этом кончилось детство. Безжалостно и быстро пришло осознание, что разнузданный образ жизни отнимает больше, чем дает! Родилась Лиля. Гена кое-как доучился и стал работать. Я видел, с какой тоской он косится на блаженную молодежь и на ребят своего возраста, которых не задела кара непотребства! Они были предоставлены сами себе, свободны! Но все менялось, когда он смотрел на Лилю. Он не просто любил свою дочку,

он был влюблен в нее!

Девочка росла очень тихой, милой – кроткий маленький ангел. С ней не было хлопот. Все время, все силы и заботу Геннадий тратил только на нее! Он отдавал всего себя, душу и сердце – весь мир к ногам Лили! У нее были лучшие наряды, красивые игрушки, а, главное, много любви! Лиля прекрасно умела принимать ласку и внимание, с готовностью куталась в них, представляла нежность, как неотъемлемую часть жизни. Ей и в голову не приходило, что кто-то может жить иначе. Гена растил дочку в тепличных условиях. Он тщательно отгораживал ее от невзгод и ужасов внешнего мира: дома не читали газет, не смотрели новости, не обсуждали политику и сплетни. Только свет, смех и радость. Только Лиля. Она же охотно впитывала эту любовь и росла прекрасным цветком, лучиком света! Меж тем, отношения родителей не складывались. Строго говоря, они никогда и не были хорошими, лишь по началу было терпимо, но с каждым годом положение ухудшалось. Говорят, человек навсегда остается в том возрасте, в котором его недолюбили. Пожалуй, это можно сказать и о Геннадии с Людмилой – им обоим навсегда осталось по шестнадцать! Недоросшие, незрелые, они не могли найти покоя друг в друге, не видели поддержки, которая была так нужна, не могли стать опорой. Гена был веселым, горячим человеком. Душа компании! Большой мальчишка, готовый обсмеять любую трудность, но не решить ее! С Людмилой творилось что-то неясное, беспокой-

ное, какие-то призывные стремления – не могу точно описать, мы не были с ней близки. Но она не находила отрады в семье. Они ругались без конца! Чтобы как-то изменить положение, они отчаянным жестом, решились на второго ребенка. Вскоре на свет появилась ты. Сонечка – малышка, крошка... Увы, если Лиля вобрала все тепло и заботу отца, то ты, Соня, воплотила в себе безнадегу и крах их союза. Ты была шматком нервов! Почти не спала, почти не ела, только кричала, кричала... Сутками на пролет!

Геннадий стал работать больше, часто уходил в ночные смены. Людмила оставалась с детьми. Бесконечные бессонные ночи, детские крики и болезни – всё это измучило ее окончательно! Однажды Людмила исчезла. Просто не появилась дома. Ее родители тоже не знали куда она ушла. Гена негодовал! Он порывался искать ее, расспрашивал подруг и знакомых, но вдруг осознал, что без нее вам намного спокойнее! Вы стали жить втроем.

Все это время мы продолжали тесно общаться. Как ни странно, несмотря на многочисленные знакомства и легкий нрав, Геннадий не смог найти близких друзей. У него оставался только я. Он был большим любителем всяких утех, мастер покуражить – выпивка, музон, дома всегда было припрятано курево. Так что мы умудрялись прекрасно проводить время даже присматривая за детьми! Гена умел играть на балалайке. Он наяживал, а дочери плясали – весьма забавно! Все чаще он просил меня остаться с девочками на ночь,

пока сам работает. Вскоре так и повелось: я торчал у вас всё свободное время и часто ночевал в его комнате, чтобы по-сторожить ваш сон.

– Я помню вас, – прервала его Соня, – я хорошо вас помню, дядя Сережа.

Сергей вымученно улыбнулся ей и продолжил:

– Я тоже не мог найти себе места в жизни. Правда, работа была хорошая, интересная – я был пожарным. А вот с женой не сложилось. Так что я был свободнее ветра: ковырялся в гараже, ходил на рыбалку, завел пса и придавался прочим холостяцким забавам. Поэтому меня ничто не держало дома, я спокойно мог ночевать у вас неделями. Ты помнишь, Соня, я приходил с собакой?

– Помню мохнатую и рыжую, ее звали Рысь.

– Рысь, верно! А я уже забыл... Время шло размеренно, неспешно, девчонки становились старше. Сонечка стала потише, но росла сорванцом! Ты не играла в куклы, а признавала лишь беготню, войнушку и лазанье по деревьям. Генна умилялся, глядя на тебя, когда ты перемажешься, взмылишься после долгого боя, а под вечер еле стоишь на ногах! Но страстью его жизни по-прежнему оставалась Лиля! Обласканная, избалованная вниманием и любовью, не зная ничего, кроме заботы и блага, она и сама источала только добро. Лилия была очень светлым человеком, Геннадий зачастую глаз не мог от нее отвести! Она умела заражать хорошим настроением, в ее обществе любой чувствовал себя чище, луч-

ше. Помимо прочего, Лиля была очень красивой. Она расцвела в сущую прелесть! Светлые пушистые кудряшки! А кожа такая белая, тоненькая, полупрозрачная! Дома она никогда не собирала волосы и носила простенький льняной сарафан. Но, главное, лицо и глаза лучились счастьем! Со временем у нее появилось много поклонников, но ухаживания она принимала нехотя, только от скуки. Вся такая легкая и естественная, гармоничная, плавная, грациозная! Чудесная девушка, Лилия...

Не знаю, когда я полюбил ее. Я не отдавал себе отчета в своих чувствах, никогда не считал нужным копаться в них, анализировать, выискивать потаенные уголки. Поэтому, когда все понял, было уже поздно! Слишком сильно в меня вросли мысли и мечты о ней, ее светлый образ! Без моего ведома чувство так выросло и разветвилось, что вытесняло другие желания. Все заняла Лилия. Для меня самого это стало откровением! И когда я осознал свою любовь, то стал обречен! Я старательно скрывал чувства, запихивал вглубь души и не понимал, что так лишь укореняю их. Я полюбил дочку лучшего друга! Это преступление! Это запрещено! Я ощущал себя лжецом, подлецом, но поделать уже ничего не мог. Я прятал от нее взгляд, таился, пытался вести себя, как ни в чем не бывало – на деле же выходило неуклюже! Думаю, она знала о моих чувствах – женщины всегда проницательны в таких вещах – но виду не подавала. Я же весь измучился. По старинке, когда Геннадий уходил работать в ночь, я оставал-

ся у вас дома – чтобы девочкам не было страшно . Я не мог уснуть, зная, что за стеной тихо спит Лиля. Я лежал в постели, совсем обезумевший, боялся вздохнуть или пошевелиться, чтобы, не дай бог, меня не было слышно в вашей комнате! О, жалкий дурак! Я не мог уснуть, потому что не мог ее обнять, прикоснуться к ее руке или прекрасной тонкой шее! Я не мог ее поцеловать, полной грудью вздохнуть запах ее волос или хотя бы просто открыто взглянуть в глаза. Но я мог стеречь ее спокойствие, ее умиротворение! Этого было недостаточно, но большего мне не дано. Конечно, я никогда не сделал и полшага в сторону Лили. Вскоре я стал избегать вас! Точнее, я все еще приходил побыть с вами ночью, но в остальное время старался не являться. Я прятался! Бежал от себя самого и от Геннадия – ведь я чувствовал себя предателем! В первую очередь я бежал от Лилии. Я шараялся от любого ее движения, взгляда, но сам тайком наблюдал за ней, не мог справиться с искушением, чтоб не смотреть и не мечтать! Я весь избился, стал вовсе помешанный! Мне было дурно без нее, но и рядом было не легче! Гена допытывался – куда я пропал? А я не знал, что ответить, выдумывал несуществующие дела, врал. Он чувствовал неладное, но молчал. Полагаю, Лилия знала, почему я не появляюсь. Геннадий не понимал меня, звал обратно. Ужаснее всего, что меня влекло в ваш дом, я страстно желал быть рядом с ней, но не позволял себе этого! Я метался, со своим чувством, как зверь по клетке! Мне хотелось разодрать себе грудь, чтобы выплеснуть на-

ружу неумемный жар влечения! Я был, как одержимый. Кажется, у меня на сердце было выжжено ее имя! Разумеется, я держал свои пристрастия под чутким контролем и внешне оставался хладнокровным. Я все никак не мог понять, могу ли я отказаться от друга, чтобы навсегда оборвать жилы, связывающие меня с Лилей. Или же бросить Геннадия было бы слишком подло с моей стороны? У него не было никого, кроме меня, кому бы он мог всецело довериться. И доверить ночной покой девочек! Были, правда, родители Людмилы – ваши бабушка с дедушкой – но, по понятным причинам, вы мало общались. В итоге, я пообещал себе обуздать свои чувства и снова полегоньку стал приходить в ваш дом. Лилия была все та же! Такая милая, открытая и естественная; она разговаривала со мной своим чутким голосом, улыбалась, смеялась и танцевала без робости! Все, от чего я так прятался, вернулось – это было слишком! Но я уже обещал себе унять страсти и, как мне казалось, научился смотреть на нее без теплоты во взгляде.

Не прошло и двух лет от начала моих страданий, как возникли новые. Лилия заболела. Ей было всего девятнадцать! Первые симптомы были неподозрительны, невзрачны – она ставила стакан мимо стола, недослышивала фразы или просто вдруг раздражалась из-за пустяка, что было так для нее не свойственно. Как правило, этот диагноз звучит одинаково – женщины! Но здесь был другой случай! Вскоре стали неметь ноги, а однажды утром Лилия не смогла встать с кроватки.

ти, потому что совсем их не чувствовала! Геннадий бросился за врачом. Ее увезли в больницу и принялись немедленно обследовать. Страшные новости не заставили себя ждать – раскидистая опухоль вызрела в пояснице и неуклонно ползла вверх. Началось тяжелое лечение. Геннадий бросил все силы на поиски лучших врачей; он заложил все, что было, понябрал кредитов, влез в долги! Я же продал свою квартиру и переехал жить к вам. Узнавали про донорство. Мы оба поперебой готовы были собственноручно выдрать из себя органы и отдать их Лиле, только все было не так просто! Врач терпеливо объяснил, что спинной мозг не пересаживают. Тем временем, безжалостная диагностика поведала нам, что в голове тоже обнаружено затемнение. Разумеется, очаг слишком глубоко, хирургам не подобраться. Лилю травили ядами, облучали рентгеном, прописывали пилюли и примочки, кололи всевозможными препаратами – и в сумме это дало полный ноль! Мы перебирались из больницы в больницу, меняли одного врача за другим, они, в свою очередь, предлагали разные подходы и способы, но болезнь оставалась непреклонна! Не помогла даже бабка-ведунья, которую Гена привез из захолустья! Она шаманила над Лилей добрых полчаса, что-то неразборчиво шептала, плевала, водила руками, пальцами рисовала замысловатые узоры у нее на голове, а после дала какой-то шнурочек и велела сгноить его в укромном месте. Он сгнил – увы, бесплодно!

Лиля вернулась домой вся измученная. Геннадий внес ее

на руках и уложил в свою постель. Там, в этой пышной постели, от нее почти ничего не осталось! Кожа стала желтушная, темная, скулы острыми углами торчали на лице и совсем не было волос! Даже бровей. Впереди Лилию ждала еще не одна плановая терапия ядами, но врачи не давали прогнозов. Было очевидно, что это плохой знак, однако Геннадий яростно отрицал факты и принимал только хорошие вести. На него было больно смотреть! Он ссутулился, постарел, стал закрытым, темным и все повторял: "Все хорошо! Лиля скоро поправиться!" Его глаза странно бегали и блестели, а, если речь не шла о Лиле, то взгляд становился пустым. Думаю, он терял рассудок, а кое-как держался только от того, что мы с Соней были рядом. Ох, Соня... Тебе тогда уже было одиннадцать лет и ты всецело была предоставлена себе!

Лилия выдержала еще несколько изнуряющих, но пустых процедур, и вернулась домой чуть жива! Болезнь развивалась слишком быстро. Вскоре появилась боль. За считанные дни она разгорелась от терпимой до невозможной и Лиле выписали морфин. С отточенной пунктуальностью Геннадий делал ей уколы. В блюдце с золотой каймой он скрупулезно собирал ампулы и шприцы, шел к Лиле, выходил через пару минут с улыбкой и говорил: "Сегодня, кажется, лучше!" Но, дело в том, что улучшений не наступало.

Мы стали по очереди дежурить ночами. Морфин помогал не всегда. Я видел, как Лилия дрожит и смотрит в одну точку, стараясь вытерпеть боль. И, главное, поделаться ничего было

нельзя! Я ходил вокруг нее, давал какие-то лекарства, что-то рассказывал, чтобы отвлечь, но она словно не слышала. Только дышала поверхностно и быстро. А иногда у нее бывал такой взгляд, словно она постигла весь ужас и страх брэнного мира! Тогда она затихала, замирала, напрягалась, как струна, на несколько долгих секунд, потом выдыхала и снова принималась дрожать. Так продолжалось какое-то время. Геннадий приводил врачей, но те лишь разводили руками и рекомендовали прежнее лечение. Лиля таяла на глазах.

Однажды, когда мы были с ней в комнате только вдвоем, она выпростала из-под одеяла слабенькую ручку и потянулась ко мне. Я припал к постели, а она, из последних сил, взяла мою ладонь и поднесла к губам.

– Дядя Сережа, я мучаюсь! – сказала она.

– Я знаю.

– Мне очень-очень больно!

– Я знаю, Лиля! Если бы я мог помочь!

В бессилии она говорила отрывисто и тихо:

– Я хочу вас попросить... Только обещайте, что сделаете!

Сначала обещайте...

– Я сделаю все, что ты хочешь, Лиля!

– Пообещайте...

– Конечно, я обещаю!

Она снова прикоснулась губами к моей руке – она знала, как меня упротить...

– Я знаю, где папа хранит пистолет...

– Тебе зачем?

– Я ведь все равно не выживу...

– Лиля...

Она притронулась тонким пальчиком к голове, выше лба:

– Прямо сюда, где болит больше всего...

– Что? Лилия! – я отпрянул от нее, но она вцепилась в меня тщедушным кулачком.

– Вы обещали!

– Ну, нет! – я выковырял руку из ее отчаянной хватки.

– Уже пообещали...

Она больше не проронила ни слова. Но вы бы видели ее взгляд! Просящий, томительный взгляд огромных глаз, которые так резко выделялись на исхудавшем лице! По сути, только глаза и остались, ведь они не могли похудеть! С тех пор, каждый раз, когда я входил к ней, она впивалась в меня этим взглядом и не сводила его все время, пока я был в комнате. Я отворачивался, не смотрел на нее, но что толку, если даже спиной я мог ощутить этот горячий призыв. Вскоре я вообще перестал смотреть на Лилию.

Спустя несколько дней у нее пошла горлом кровь! Приехали врачи, многозначительно сказали: "Готовьтесь..." – увезли ее в больницу. Там остановили кровотечение, подлатали и отправили домой, опять мучиться. Геннадий и сам поплохел после этого случая! С ним было совсем тяжело! А когда Лилия снова оказалась дома, им вдруг овладело какое-то буйное возбуждение, он чуть не хохотал и все твер-

дил: "Я же говорил, выкарабкается!". Бедняга! Он не понимал, что Лиля уже не выздоровеет! Он отказывался думать об этом, отрекался! Иной раз я начинал разговор издали, чтобы намекнуть ему о неминуемом конце, но Гена словно чуял подлянку и выворачивался из беседы! Он всегда был на редкость прозорлив. И о Лиле он все понимал, – где-то в глубине еще блистал светлый ум – но отказывался верить. Тем временем, Лиле становилось хуже. Все чаще возникали судороги, стали неметь ладони, а боль не унималась ни на минуту! Морфин все еще помогал, но теперь лишь притуплял муки, а не избавлял от них! Лиля всегда терпела молча, но вот однажды вечером мы ясно услышали протяжный стон! Геннадий влетел к ней, сделал укол, но не помогло. Он обнял ее и стал укачивать, как ребенка. Я вышел из комнаты, оставил их вдвоем; малодушно, но мне слишком больно было видеть ее страдания! Всю ночь я слышал стенание и плач, перемежающиеся всхлипываниями и краткими затишьями. И, честно говоря, я не могу с полной уверенностью сказать, кто из них издавал эти стоны! К утру Лиля уснула. Гена выполз от нее едва живой от волнения. Так повторялось несколько ночей подряд.

И вот однажды, я взял блюдце с золотой каймой и вошел к Лиле. Наши взгляды встретились, она тут же догадалась зачем я пришел! Могу поклясться, что заметил на ее лице тень улыбки! Я взял весь морфин, который был и наполнил им шприц. Лиля следила за мной с пугающей пристальностью,

но во взгляде читалось облегчение и даже... Восторг! В молчании, я опустился на колени перед кроватью и еще раз посмотрел на Лию. Она лишь ждала. Я понял, что если промешкаю дольше, то не смогу, поэтому я напоследок поцеловал Лию и... Вену отыскать было не трудно... Я видел, как потухли ее зрачки! Она успела уснуть прежде, чем дыхание замерло. В это мгновение в комнату ворвался Геннадий! Каким-то необъяснимым образом он почувствовал неладное и тут же прибежал спасать свою Лию. Он заревел совсем не по-людски, набросился на меня и стал колотить. Гена вопил, рычал, рыдал; он бил меня со всем отчаянием, которое накопилось, он меня ненавидел! Я не сопротивлялся. Когда Геннадий устал, он просто поднял меня и вышвырнул из дома. Я тихо побрел по скудному снегу прямо как был, без обуви, без куртки. Вдруг, за спиной послышался выстрел! В первый миг я решил, что Гена палит по мне, но тут же догадался, что это не так! Я ринулся обратно в дом, но было уже поздно. Они лежали рядышком, бездыханные! Честно говоря, моя душа никак не отозвалась на смерть Геннадия. Я скорбел о нем уже много позже, а в то мгновение внутри уже разверзлась такая пустота, что только ужас не постеснялся забраться в нее.

Мир пропал, оборвался! Он потух вместе с глазами Лили. По привычке еще дергался, пыхтел, но это только рефлексы. Остаться дольше в вашем доме было никак невозможно! Я ушёл. Худо-бедно снежком я счистил с себя кровь. Повытас-

кал из лица осколки с золотой каймой и отправился встречать тебя, Соня, из школы. Я отвел тебя к бабушке с дедушкой. Потом пошел и сдался.

Лодочник замолк. Повисло молчание. Оно затянулось надолго, лишь настойчиво тикали часы. Все погрузилось в свои мысли, никто не хотел говорить или обсуждать что-то вслух. Спустя много времени Соня заговорила:

– Я очень любила Лилю. Ее, конечно, все любили! Она была такая добрая, умела радоваться жизни, всегда поднимала мне настроение! Я помню, что она болела. Только я не знала, что точно с ней твориться – со мной об этом никогда не говорили, но это были темные времена! В памяти все, как сумбурный кусок прошлого, однако я припоминаю отдельные детали... Мне не разрешали часто к ней заходить. Помню, как папа мыл Лилю! Он приносил тазики к постели и тер ее тряпочкой. Помню, что все были мрачные, взрослых было не расшевелить! Когда я спрашивала папу, что с Лилей, он через силу улыбался – семижильными потугами держал передо мной мину – и говорил: " Она болеет, но скоро все будет хорошо! " Он умудрялся сказать так, что я ни капельки не верила и становилось жутко! Потом я стала жить у бабушки. Она тем более не отвечала на мои вопросы! Со временем меня приучили винить во всем вас!

– Я правда виноват перед тобой, Соня! Мы все так были заняты Лилей и своими чувствами, что совсем забыли о тебе!

Соня покачала головой:

– Теперь я в этом не уверена! Лиля все равно бы умерла, а папа поступил бы так, как поступил! Итог был предreshен. Если вы и могли что-то изменить, то только для себя. – она помолчала, потом спросила шепотом: – В тюрьме было очень плохо?

– Не хуже, чем у меня в голове.

– Как вы посмели!?! – подала голос Люба. Все повернулись к ней. Она сидела блее полотно и тарашилась на Лодочника. – Как вы посмели распоряжаться чужой жизнью!?! Господь дает нам только то, что мы можем вынести! Неизвестно, что их ждало впереди – случаются чудеса исцеления, а у Геннадия был еще шанс одуматься и взять себя в руки! Тогда Соня бы не осталась сиротой!

– Лиля сама этого хотела! – напомнила Соня, но Лодочник мягко тронул ее за руку.

– Не стоит защищать меня, Соня. – потом взглянул на Любу и продолжил. – Мне жаль, что она умерла! Ей богу, жаль! Но я не раскаиваюсь – я сделал бы это снова! Думаешь, Люба, я попаду в ад? Попаду, буду там гореть и мучиться; тлеть в углях своих прегрешений, бесы станут хлестать меня кнутами, черти растянут меня на дыбе и примутся хохотать над моими страданиями! Извини, мне не хватает выдумки, чтобы представить ваш православный ад во всей красе. Но это ничего, скоро сам все увижу! Помнишь, я сказал Лиле, что ничем не могу облегчить ее страдания? Не правда. Я мог за-

брать их! Теперь муки ждут меня впереди, но Лиля в умиротворении!

– Вы убили не двоих человек! Вы убили троих – Лилю, Геннадию и себя! – протестовала Люба. – Вы свели жизнь к единственному моменту, и теперь только волочите свой век! Дождитесь кончины!

– Что тебя так оскорбило, Люба – сам поступок или не православные взгляды на жизнь?

– Вы ужасный человек! – Люба встала и направилась к двери, но уже у самого выхода она пошкрябала ногтями локоть и обернулась, чтобы сказать: – Я... Я, наверное, не смогу прийти завтра .

Лодочник взглянул на нее:

– Как пожелаешь.

Люба ушла, тихо притворив за собой дверь.

Соня повернулась к Сергею Вячеславовичу:

– Я тоже, пожалуй, пойду. Еще нужно найти гостиницу, чтобы переночевать.

– Если хочешь, – робко сказал Лодочник, – можешь остаться у меня.

Соня сдержанно улыбнулась:

– Нет, простите. Я столько лет жила в презрении к вам, что не могу так сразу изменить свои чувства. Даже после правды.

– Что ж, – он понимающе кивнул, – уже темно, позволь я провожу тебя?

– А мы возьмем пса?

– Конечно, мы возьмем пса, Соня!

25

Наказание было так себе. Третьего дня рабочие спилили старые деревья и разросшиеся кусты на школьном дворе, пеньки уже куда-то дели, а ребятам назначили стаскивать ветви в кучу у ворот. Потом все это должен будет забрать самосвал. Андрей снял пиджак и пристроил его на обрубок сучка, чтобы не запачкать. Мальчишки уже принялись за дело, когда к ним нехотя присоединилась Марина.

– А тебя за что? – удивился Мишка.

– За порчу школьного паркета! – буркнула Марина. – "Существуют более цивилизованные способы разнять дерущихся мальчиков! Мы не в зверинце, Чижова!" – пискляво передразнила она Олега Дмитриевича.

– Ты ему растолковала, что для нас таких способов не существует? – усмехнулся Андрей.

– Как видишь, нет! – огрызнулась Марина.

– Оставь ветки, не таскай! Мы и сами справимся, – крикнул Мишка.

– Ну уж нет! – покачала головой Марина и поволокла увесистый сук. – Так быстрее получится!

Была перемена, улица заполнилась школьниками, одноклассники спешили домой или неторопливо прогуливались с приятелями. Разумеется, все были в курсе выходки с костром и пугалом. О, эта дивная история еще долго будет за-

нимать любопытные умы! Еще бы, такое событие – ученик сжег чучело Могилы Лаврентьевны – тиран принесен в жертву, повержен! Восторг! Конечно, многие пугливо косились и крутили пальцем у виска, но большинство трепетало от ликования! Вчерашний день вошел в историю, созрело новое школьное предание, которое будет переходить из уст в уста. Многих забавляло и будоражило черное пятно от костра во дворе, ребята показывали на него пальцами, ерничали, шутили! Весь день Андрей слышал за спиной перешептывания, ловил на себе взгляды. Некоторые смотрели с уважением, другие – с интересом, но равнодушных не осталось. Молва не забыла и Магдалину Лаврентьевну! Над ней посмеивались и словно меньше боялись, но все это втихомолку, вслух говорить было страшно! Андрей твердил себе, что надо просто переждать. Скоро все забудется. Дурная слава стихнет, все пойдет своим чередом.

Мимо ребят прошел Глеб Козлов, в новой рубашке и коротко остриженный. Богдан проводил его взглядом и вопросительно уставился на сестру :

– Он идет мимо, а ты не распускаешь руки! Что это с тобой?

– Что его лупить, когда он на человека стал похож! – ответила Марина. – Липкие волосенки обрезал, теперь и в рот совать не чего! Вроде и не такой слюняй, кажется! Да футболочку свою мерзотную сменил – перестал вонять! Правду говорят в народе – одень и пенек, будет паренек! Еще бы

заставить его плечи распрямить, да ходить нормально, а не волоком тащиться – но как? Слушать не желает, а бить не охота, уж больно хорош стал, зараза! В конце концов, это его дело, пусть сутулится, как личинка – не от меня, так от других получит!

– А Курицыну все сошло с рук! Ему никакого наказания не назначили! – недовольно заметил Андрей. Он ухватил лапастый обрезок ветки и понес его в общую кучу.

– Ты же сам все для этого сделал! – напомнил ему Богдан. – Покрывал Никитку, как мог! Никто из учителей толком не знает про их с Аникиным измывательства.

– Впрочем, да, – пришлось согласиться Андрею, – но есть чувство незавершенности от того, что справедливость не восторжествовала!

– Просто ты не заметил, каким взглядом Никитка на тебя смотрит! – расплылся в улыбке Герасимов. – За спиной судачит о тебе, храбриться, но на глаза не показывается! Шахрается от тебя, как от огня! Считает, что ты двинулся и стал опасным.

– А вот это хорошо! – Андрей остановился и задумался. – Все же, неприятно, что так получилось – ведь мы были друзьями. Жаль! И, главное, я так и не понял, за что он на меня взъелся!

– Брось, не криви душой! Словно ты не знаешь! – махнула рукой Марина.

– Нет, не знаю! – развел руками Андрей. Марина бросила

ветку и серьезно взглянула на брата. Закралась мысль, что Андрей действительно может ничего не знать

– Даже в моем классе все знают... – растерянно пробормотала она. – Все из-за Дашки Шестаковой. Курицын влюблен в нее, а Дашка от него нос воротит! Но Никитка уверен, что ты тоже на нее глаз положил, и что у вас какие-то там... любовные... шуры-муры! В этом все дело.

– Что за дребедень! – Андрей ошалело уставился на Марину. – Откуда он этого понабрался? Шестакова меня за человека не считает!

– Какая разница, что считает Шестакова, если Курицын думает иначе! – пожала плечами Марина. И добавила: – Я думала, ты знаешь.

У Андрея опустились руки. И из-за этого столько шума! Столько дров переломано – из-за ничего! Никак он не ожидал такого от лучшего друга! Чертовщина! Андрей устало прислонился к дереву и протер очки краешком рубашки. Ну и часто в жизни будет происходить подобная чепуха? Из-за Дашки... Андрей припомнил недавний вечер в келье, как она наклонялась к нему, чтобы тыкать в грудь иглой, потом они поболтали, потом... Потом он решил ее поцеловать! Не то чтобы очень хотелось, скорее подталкивало извращенное чувство мести – Шестакова тогда сказала что-то неприятное. Андрей приблизился к ней, но Дашка увернулась. Он клюнул ее в плечо, а потом, в полусне, повалился на кровать. Мда! Андрей почесал затылок. Вдруг его глаза сверкнули! На ли-

це появилась лукавая улыбка, хм... Поцелуй в плечико! Выкуси, Курицын! В душе заиграло теплое чувство гордости и самодовольства – не важно, что Андрей никому никогда не расскажет о том, что было в келье – ощущение собственного превосходства затрубило внутри оркестром ликования! Удовольствие от победы поднялось волной, громыхнуло ярким залпом и разлетелось в капельки блаженства. Восхитительно, великолепно!

– Ну и что ты застыл!?! – крикнул Герасимов и Андрей опомнился. – Ветки сами себя не утащат!